

«Последние звёзды»

Макс хорошо знает историю своей страны. Ту историю, что преподавали в школах и рассказывали родители. Те, кто мог поведать что-то другое, кто застал мир до падения, давно ушли из жизни. Третья Мировая война. Её боялись, пытались не допустить и усердно к ней готовились. Никто не скажет, как всё началось. А когда страны поделились на два альянса, нужна была лишь искра для розжига адского пламени.

Крупные страны удачно прикрылись системами ПРО и соседями. Когда Южная Америка ушла под воду, как и Австралия, а добрая часть Африки превратилась в аномально горячую сковороду, земля стран-зачинщиков осталась на месте. И Северная Америка, и Евразия пока ещё пригодны для существования. Для существования, не для жизни. Умело воспользовавшись ядерными чемоданчиками, первые лица опрокинули мир в Средневековье.

Штабы отработали на славу: точные удары сначала выбили всю военную структуру по обе стороны: базы, аэродромы, корабли, похоронили даже подлодки в толще воды. Попутно изрешетили космос, сбивая спутники, лишая связи. А затем, признав невозможность победить, обрушились на города.

Из уст в уста передавали, что в те дни упали звёзды. Взрывы прожгли озоновый слой, ультрафиолет захватил территорий больше, чем смог бы враг. Над головой нависло марево, времена года перестали различаться: наступила осень, забывшая о дождях, и к счастью: плеснувшийся через край ядовитый океан не даёт живительной влаги. Так бы охарактеризовали это люди из поколения «до». Рельеф так же переменялся, какие-то водоёмы высохли, горы сравнивались с землёй.

С привычными картиной мира и климатом в небытие канули отношения стран. Когда люди пришли в себя, никому не стало дела до соседей, с которыми торжественно заключались соглашения о взаимопомощи и вечной дружбе. Но вскоре человечество подняло голову и осмотрелось. Оказалось, вокруг такие же с такими же опасливыми взглядами. Пародии на государства продолжают существовать, и пора им становиться собой.

Выжившая верхушка власти в России сделала усилие и вернула своё. Шаг за шагом установилась прежняя форма правления. Стаду нужен был пастух как никогда – только жёсткое руководство могло вытянуть народ из пепла. Хотя когда-то оно же привело к пальцам на красных кнопках.

Заставит ли катастрофа отказаться от идеи мирового господства? Нет. Теперь жизнь всех оставшихся людей подчинена одной цели: возродить былую мощь государства. Ведь рухнувший мир – отличная возможность для долгожданного триумфа, пусть и на его руинах. Набрать силу быстрее врагов и победить окончательно – вот первостепенная задача. Особенно подхлестнула правительство идея, что американцы, по всей вероятности, живут с тем же настроением.

Россия любит радикальные меры в политике, особенно – внутренней. На этот раз удалось переплюнуть прошлые достижения: жёсткий тоталитаризм с контролем всего, до чего можно дотянуться. Все обязаны трудиться для обеспечения страны ресурсами. Неудивительно, что уже много лет самая востребованная специальность – рабочий, самая престижная – инженер с хоть какими-нибудь навыками. Тот, кто доказывает свою пользу на производстве и тот, кому просто везло, живут весьма неплохо. Лучшие специалисты собрались в новой столице, перенесённой из разбитой Москвы ближе к ресурсам и уцелевшим военным базам – в Новосибирск. Все остальные регионы усиленно пашут в пользу Центра.

По мнению многих, меры оправданы: иначе было не выдернуть нацию из ада.

Такое положение быстро надоело многим, кто не хотел трудиться на абстрактное благо Отечества. Начались протесты и выступления, которые карались сразу же и с невиданной ранее жестокостью. Новый мир – новая этика, но старые методы.

Макс служит в одном из лучших армейских подразделений, которые за неимением в шаговой доступности врага внешнего усердно истребляют распоясавшихся бандитов, а также мятежников. Попал он сюда обыкновенным образом: ему повезло. Родители обосновались в Центре благодаря знаниям в энергетической сфере. Долгожданный ребёнок же с детства проявлял большие силу и здоровье, нежели способность усваивать премудрости семейной профессии. Но глупым он не был ничуть, почему и стал в свои восемнадцать сержантом с отличными рекомендациями из академии. Жаль, ни отец, ни мать до этого дня не дожили. Из их поколения вообще мало кто доживал хотя бы до сорока.

Уже после первого года в кадетской школе Макс понял, что перетерпеть можно всё, и больше не боялся. Другие подростки плакали, кого-то доставали из петли – Макс их видел потом в рядовых и морщился.

Сам он никогда не испытывал трудностей. Были слёзы, была кровь, особенно когда в нём разглядели потенциал и стали нагружать по полной. Но парень свято верил в необходимость происходящего и в то, что муки принесут плоды. Он не почувствовал ничего, когда стал сержантом, успешно сдав выпускной экзамен. Может быть, виной стала природная выдержка, развитая до настоящей флегматичности? Ведь он ничего не чувствовал и когда по приказу старшего всадил пулю в пленного мятежника. Только заснуть потом не мог двое суток.

1

– Подъём! Подъём!

Макс спрыгнул с двухъярусной койки и привычно растормошил друга. Тот мало того, что никогда не высыпался за положенные часы, так ещё и снова ввалился вчера в казарму за пару минут до отбоя, привнеся в спартанскую атмосферу запах алкоголя.

– Подъём!

Дневальный толкнул дверь, по уставу не запираемую, кинул взгляд внутрь и потопал шуметь дальше. Игорь суетился, а Макс уже собрался и подошёл к зеркалу. На спортивной фигуре высокого парня собственноручно подогнанная форма сидит идеально. Короткая уставная стрижка, уверенный взгляд серых глаз, широкие плечи и ловкие руки – всё говорит о профессиональной принадлежности. На вполне интеллигентное происхождение намекают разве что тонкие губы на живом лице с острыми скулами. Макс не любит эти черты, ему кажется, они крадут частичку мужественности из образа.

– Всё, погнали.

Игорь хлопнул друга по плечу и вразвалку вышел в коридор. Весь младший офицерский состав живёт по два человека в комнате. Во время подготовки операций им приходилось делить с рядовыми бойцами менее комфортабельные казармы, а на выездах ночевать и вовсе где придётся. Макс пропустил широкоплечего товарища, ещё раз окинул взглядом разведённый им за утро беспорядок, вздохнул и прикрыл дверь.

Все выстроились прямо на этаже в коридоре. Дневальный, насчитав наконец-то положенное число, побежал докладывать. Игорь хмыкнул, Макс его понял. Это сейчас дисциплина – первое дело, и старшие взыщут за каждую

лишнюю секунду. В поле устав не диктует форму одежды и прямые шеренги, а сохраняет жизни. Они уже спорили об этом, Игорь упорно не видел связи.

Через минуту вернулся запыхавшийся дневальный, встал в конец строя, за ним быстрым шагом вошёл капитан Лейтис, главный человек в этом здании. Сухощавый остроносый латыш без акцента зачитал по бумаге, кому что предстоит. Обвёл всех взглядом, кивнул и удалился. Услышав «вольно», сержанты и лейтенанты разошлись по комнатам. Игорь подмигнул товарищу, их фамилии прозвучали вместе. Парней отправляют за сотню километров отсюда – охранять экспедицию нефтедобытчиков. Игорь скривил губы: предстоит скука.

Времени на сборы дали достаточно, два часа, отличная возможность позавтракать. Поэтому ровно в восемь часов утра почти три десятка молодых офицеров выстроились у дверей на первом этаже. Большой зал, составленный из двух путём сноса одной из стен, без труда вместил всех.

Разговоров за едой почти никогда не было, но в этот раз люди оживились. Сели теми группами, по которым их распределили, и загалдели. Обсуждали предстоящее, делились, пока ещё осторожно, переживаниями, внимали словам опытных товарищей. К Максy с Игорем никто не подсел, оба любили парное одиночество, невозможное в их среде. Командование всегда всегда ценило управленческие и аналитические способности Макса выше, чем у товарища. Иногда ему было даже неловко из-за этого. Но Игоря ничуть не волновала такая ситуация, ведь чем меньше ответственности, тем лучше. Вот он и уплетал за обе щёки, полностью довольный происходящим.

Макс же внимательно вслушивался в беседу за соседним столиком. Там среди сержантов затесался лейтенант, который объяснял что-то важное.

– Это здесь у нас порядок, а там всё по-другому. Каждый своё гнуть начнёт. Так что запомните: старших слушайте, а остальным сразу свою позицию обозначайте. Прямо и жёстко, ясно?

– Да чего ты рот открыл? – выглянул из-за тарелки Игорь. – Мы это не первый год знаем, сами кому хочешь объясним.

Макс шикнул на него, лейтенант продолжал инструктаж.

– Местные нас не любят, поэтому не удивляйтесь...

– Чему? – спросил сидевший напротив боец

– Да ничему. И никому.

Зашёл Лейтис, движением руки разрешил не вставать и сел за свободный стол у окна. Шум резко притих. Макс заметил, как латыш усмехнулся. А потом он встал.

– Бойцы! – его трескучий голос прозвучал негромко, но донёлся до каждого. Застучали откладываемые ложки.

– Всем вам предстоит серьёзная работа. Вы ещё долго не увидите ни этих стен, ни меня, ни друг друга. Поэтому доедайте и тепло попрощайтесь, – он взглянул на поставленную перед ним манную кашу как у всех и добавил. – Приятного аппетита!

Нестройное хоровое «спасибо», и неловкость от присутствия старшего по званию исчезла. Парни снова заговорили между собой.

– Да он психолог, – подметил Игорь.

Макс согласился, ему всегда нравился этот немногословный худой капитан. Время трапезы подошло к концу. Сдав посуду, друзья потопали обратно в «номер». В большинстве своём вещи были готовы, но Игорь как обычно умудрился что-то потерять, что-то забыть и метался по комнате до десяти часов. Макс же валялся на койке и наблюдал за попытками друга уместить совершенно неуставные вещи в совершенно уставном рюкзаке. Последний быстро уступил напору сильных рук.

Максу приземистая фигура черноволосого товарища напомнила виденную на картинках большую длиннорукую обезьяну, о чём он сразу же сообщил. Пришлось увернуться от тапка. Со смехом сержант свалился прямо на товарища, обхватил борцовскую шею, но был опрокинут на пол.

– Какой же ты гад, попросил же, не мешай!

– А ты не кидайся.

В таком виде их и застал незнакомый лейтенант.

– Товарищи сержанты?

– Так точно!

Парни вытянулись по струнке.

– Васильев.

– Я.

– Смирнов.

– Я, – Макс шагнул вперёд.

– Переходите под моё командование. Собирайтесь, берите оружие, паёк и на улицу, я жду. Десяти минут хватит?

«Хватит?» – такой заботы обычно не выказывают, Макс ответил за двоих:

– Так точно.

Лейтенант кивнул и закрыл за собой дверь.

– Что скажешь?

– Станный персонаж, никогда его раньше не видел. И староват он для лейтенанта.

– Но при этом явно в форме, не штабной вояка. Ладно, жду в оружейке.

Лейтенант ожидал у крыльца. Он жестом пригласил идти за ним. Пока шли к транспорту, Макс с неудовольствием отметил мрачную серость тумана вокруг. А ребята из учёного отдела обещали прояснение. Про их ошибки в прогнозах даже шутить устали.

Остановились у грузового ГАЗ-66. Вокруг него сидит десяток молодых парней. Лейтенант подошёл перекинуться парой слов с водителем, а Игорь решил воспользоваться моментом.

– Слышь, парни, вы откуда?

– Да отовсюду, – проговорил сидящий на корточках рыжий сержант, азартно режущийся в карты, невзирая на снующих вокруг офицеров. – Понабрали с трёх баз, куда везут – не знаем.

Вернулся старший, объявил построение.

– Меня зовут Олег Николаевич Мёдов. Как вы поняли, я не отсюда. Еду издалека и ещё дальше, и мне позарез нужны люди. Командование помочь не может, пришлось лично выпрашивать у ваших командиров. Сейчас грузимся и двигаем к Новокузнецку. Вот их, – он пальцем указал на двоих, стоящих в начале шеренги, – слушаться во всём. Сержанты Багров и Ерёменко.

– Эти с ним приехали, – шепнул оказавшийся рядом картёжник.

Друг за другом попрыгали в кунг, расселись там на откидывающихся скамейках. Макс знал: через пару часов половина ляжет прямо на полу. Им с Игорем удалось усесться прямо под окошком, трястись на кочках будет не так скучно. Рядом присел всё тот же рыжеволосый, оказавшийся Семёновым Димой. Он был новичком, ему ещё не доводилось работать в полевых условиях, друзья же могли этим похвастаться. Игорь ещё и ранение схлопотать успел, какой-то смельчак из окружённой военными банды всадил ему в бедро заряд дробы. Счастье, что та на излёте не вошла глубоко.

– Что там в Новокузнецке? – спросил Макс.

– Вокруг пустошь, как и везде. И добыча угля. Но самое главное – там есть реки, а это энергия и производство. Те двое, – Дима в наглую ткнул пальцем в начало кунга, – по-любому знают больше. Мне бы с ними в картишки перекинуться, мигом бы разговорил.

Рыжий парнишка подмигнул, Макс с Игорем переглянулись. Их собеседник совсем не походит на военного: озорно вздёрнутый нос, хитро бегающие глазки. Не видя больше темы для беседы, он задремал, чем вызвал зависть у многих, кто не могу сунуть при тряске. Макс стал присматриваться к окружающим.

Все сержанты, ни один не старше восемнадцати. Снаряжение стандартное: автомат, боекомплект к нему и, Макс уверен, недельный паёк в рюкзаке. Как стало известно, ребят собрали из разных воинских частей, которых изрядно посажено вокруг «Центра». Особого внимания заслуживают двое прибывших с Мёдовым. Они, естественно, держатся особняком и о чём-то негромко болтают. Из-за тесноты пространства до слуха иногда долетают отдельные фразы, но смысла уловить не получается.

– Хватит уши ломать, далась тебе их болтовня, – высказался Игорь.

– Информация – главное оружие. Забыл уроки тактической подготовки?

Макс шутил, а его друг внезапно нахмурился.

– Зато я помню все другие уроки. И сутки в болотах, и карательные походы.

– Это необходимость.

– Я не выбирал эту жизнь, Макс, – Игорь отвернулся, глубоко вздохнув.

– Значит, она выбрала тебя. И это лучшее, что могло случиться.

Макс всегда находил слова, чтобы успокоить непонятные ему приступы сомнений друга. Вскоре тот задремал. Проносящиеся за окном картины не вносили ясности в маршрут, сплошные поля с кратерами. Хотя бы руины какие попались, по ним можно определить местоположение. А так было известно одно – они едут на восток.

2

Оставшиеся вне Центра обречены положить жизнь на его обеспечение. Каждый день для них начинается с одного и того же и тем же заканчивается – тяжёлой работой во благо Родины. Влад сегодня стал исключением, он работает в ночную смену. Ему повезло снабжать людей электричеством. На гидроэлектростанции работа, конечно, тоже не из простых, но с угольной шахтой не сравнить. У него оставалось время и силы и на помощь семье по хозяйству, и на подработки в городе.

Сегодняшний плановый осмотр показал, что всё в порядке. До конца смены почти вся ночь. Влад вышел на улицу покурить. Он любил вот так стоять над самой плотиной и смотреть на мощь укрощённого водяного потока. Насколько он знает, раньше эта река была значительно больше и питала не один, а четыре генератора. Да и саму станцию разгоняли на максимум, ресурс позволял.

Влад докурил самокрутку и пронаблюдал за её падением вниз, настоящие сигареты стали большой редкостью. Все запасы в городах, и даже заработавший, по слухам, завод поставляет всё туда же. Но большинству людей, привыкшему к собственной махорке, на это плевать. Всех больше заботит то, что год от года никаких улучшений не предвидится, а требования к рабочему классу, которого в стране больше в процентном соотношении, чем когда-либо, только растут. Это регулярно порождает волны недовольства и новых декабристов, кончавших не лучше старых.

Некоторые уходили бродяжничать в надежде на лучшую долю, большинство возвращались, понимая, что вдали от общины выжить ещё труднее, и принимались за работу не поднимая головы. Некоторых больше не видели никогда.

Младшая сестра Влада ушла около года назад. Ушла в семнадцать, вернулась взрослой. Заявилась несколько месяцев спустя, вся измученная, похудевшая, но вдохновлённая. Горячо убеждала брата идти с ней, уверяя, что всё будет отлично. Влад внимательно её выслушал и отказался. Он объяснил решение тем, что не может бросить родных и ставших таковыми жителей посёлка.

Сестра восприняла спокойно, пошутила, что у неё должен быть союзник в тылу. А потом расплакалась. Влад видел её ещё несколько раз, между каждым визитом проходило всё больше времени, и каждое расставание давалось всё тяжелей. Но никто больше не звал уйти или остаться. Не было нужды говорить, эти просьбы читались в глазах.

Думать об этом не хочется, а обстановка располагает, поэтому Влад вернулся внутрь. Вовремя: его сразу отправили заняться делом. Нужно было помочь товарищам выше по течению. Для этого отрядили ещё с десятков человек. В воду регулярно попадал всякий мусор, а особо большие предметы могут навредить при попадании в турбину. Сейчас рабочие баграми выловили остов автомобиля и зацепили его лебёдкой, нужно было помочь вытащить металлолом на берег. Моторчик лебёдки зажужжал, трос натянулся, закрипел и плавно потащил добычу к отвесному берегу. Несколько раз приходилось ослаблять натяжение во избежание обрыва. Вот помеху удалось подтащить к самому берегу, теперь следует поднять, для чего и нужна помощь. Мощности лебёдки для вертикального подъёма может не хватить. Мужики, надев рабочие перчатки, ухватились за трос и стали тянуть синхронно с работой электродвигателя в лучших традициях перетягивания каната.

– Раз! Раз! – зычно командует старший.

Притянули, осталось вручную перевалить добычу через край бетонного берега. Удалось. Все разом повеселели, поздравили друг друга. Влада подозвал один из рабочих, широкоплечий дядька с небритым лицом, попросил закурить.

– Ты помнишь, что нас сокращают сегодня?

– Вот же... забыл, представляешь?

Он и правда забыл. Пару дней назад стало известно о сокращении числа рабочих на станции. Решило начальство, что раз сбоек в работе почти нет, то столько народа здесь больше не надо. А на шахтах и заводах как раз нехватка: работа каторжная, добровольцев нет.

– Везёт, а я вот ни на минуту думать не перестаю. Как назовут мою фамилию, что делать дальше? Хоть в бродяги не сходя на берег... Тьфу!

Мужичок выговорился, отвёл душу, сплюнул и пошёл по своим делам. А Влад до конца смены впал в прострацию. Стало светать, когда поступил приказ всем собраться у зала управления. С радостью Влад заприметил Петра

Дмитриевича, старого мастера, которого все зовут просто Митрич. Мужчины обнялись, справились о здоровье, старика оно конечно подводит. Затем смену выстроили в шеренгу.

– Молчать в строю! – голос бригадира режет воздух, свистит неприятно. – Говорю фамилию – раз, имя – два, выйти вперёд! Внимание...

За каждым выкриком из двух слов шаркали две ноги. Молчание сдавило бока, Влад подумал о самокрутке – затошнило. Сосед, зажмурясь, считал: должны сократить на десяток, не больше. Назвали одиннадцать. Последним Митрича. Влад втащил его назад, сам выскочил вперёд. Бригадир открыл было рот, но пожал плечами и зачитал по бумажке:

– День отдыха вам, на следующее утро явиться к управляющему, узнать о назначении.

Влад не хотел заставляя Дмитрия при всех его благодарить и ушёл, не дожидаясь. Он всё сделал правильно, сомнений нет. Но легче не стало. До боли обидно, что стабильность оказалась обманом. Зато впереди выходной.

Он специально сверился с часами и замедлил шаг, чтобы не наткнуться ни на кого из домашних, спешащих на работу. Душа требует одиночества – слишком часто в последнее время. Вот в низине холма показалось родное селение. Крыши домов перемежались с деревянными срубами. Многие предпочитают жить в избах и не иметь проблем с отоплением при перебоях в подаче электричества. Влад как раз застал момент, когда жители подобно муравьям рассыпались кучками в разные стороны. Он не видел, но точно знал, вон в той его дядька и сводный брат, в той – жена, у которой так и не получилось подарить ему детей. Она идёт собирать урожай с полей и вернётся раньше других.

Влад не попался никому на глаза и подошёл к дому. Мысли крутились калейдоскопом и неизменно возвращались к одному и тому же. Все работавшие в угольных шахтах, завидовали его комфорту, он был примером существования лучшей участи. Теперь он такой же проходимец этой жизни. Родные туда же. Пожалуют, подбодрят, а сами на автомате прикинут, кому что брать на себя, ведь Влад им больше не помощник. Мрак.

Табачный дым слился с тяжёлым туманом. Солнце блуждало неизвестно где, но у калитки другое, появлявшееся ещё реже.

– Ира... – только и промолвил Влад, глядя на чудо.

Рыжеволосая девушка улыбнулась, и брат с сестрой стиснули друг друга в объятиях. Долго простояли так без движения, самые родные люди.

Ира принялась рассказывать, как ей живётся, делиться восторженными впечатлениями. Влад невольно ей залюбовался: совсем расцвела, выросла в настоящую красавицу.

– Ты меня слушаешь?

Он закивал, продолжая накрывать на стол.

– Это классно, мы живём только для себя и друзей и не зависим от Центра. А скоро ещё и заявим о себе. Ты не представляешь, сколько, оказывается, таких как мы по всей стране. Это настоящая сила.

– Что? – до Влада не сразу дошёл смысл сказанного. – Сила? Ты что, дура?!

Он схватил сестру за плечи и встряхнул.

– Только скажи мне, что ты связалась с мятежниками...

– Не мятежниками, а повстанцами, – сердито возразила Ира. – Они мне жизнь спасли и спасут её всей стране.

Влад отвернулся и молча сел за еду. Сестра, не решаясь, осталась стоять.

– Да пойми, это же будущее. Сколько ты ещё будешь горбатиться на своей станции во благо центральной элиты?

– Мы горбатимся во благо будущего и скорейшего возвращения к жизни. Американцы, уверен, сейчас не веселятся на фермах, а пашут почище нас.

– Сам веришь в это?

Влад ответил не сразу.

– Меня уволили со станции, – произнёс наконец.

Ира словно успокоилась, села за стол и запустила ложку в суп. Она ничего не говорила, но Влад знал, она решается. И пытался успеть определиться с ответом, пока тарелки не опустели. Как так вышло, что его маленькая сестрёнка оказалась там, где она оказалась? И что его самого держит на месте? Семья, для которой он больше не будет помощником, жена, с которой они спят спиной к спине.

– Они справятся без тебя, – произнесла Ира, с поразительной точностью угадав его мысли. И Влад внезапно увидел перед собой напуганную и одинокую девочку, которой был очень-очень нужен.

– Я не стала видаться с твоими... Пойдёшь со мной?

– Нет, – покачал он головой. – Только провожу.

До вечера они болтали без остановки. Каждый рассказывал своё. Ира не похвалила брата за поступок.

– Сделал как надо, для тебя шахта – тяжёлый труд, для Митрича – смерть.

3

Из посёлка ушли вечером. Влад поднял Ирин рюкзак, запер дверь, и вместе двинулись в путь. Нужно было добраться до стоянки сестриных друзей в пяти километрах отсюда. Они здесь с какой-то целью, а Ира напросилась, чтобы повидаться с братом. Хотя ему казалось, что она не хочет говорить об их делах.

– Ко мне ты шла через тракт?

– Нет, через лес.

– Правильно, обратно так же двинем. По дороге, говорят, лихачи какие-то повадились гулять.

– А красиво здесь, – помолчав, произнесла Ира. – Даже вон та свалка издалека на гору смахивает. Сколько ездила, нигде такого не видела.

Влад удивился. Он никаких красот вокруг не наблюдал, хоть и вглядывался специально. Разруха да пустота, даже лес одичал с его угрюмыми елями и подозрительными звуками. Вот что и правда цепляло взор и будоражило дух, так это потоки воды, бьющие в плотину на станции. Там даже деревья на берегу другие, живые, что ли.

В лес вошли, сверившись с компасом. Влад исходил его безо всяких средств навигации и мог бы повторить, но рисковать причин не было. Свежесть ветра сразу исчезла, не сомкнулись ещё за спиной ряды деревьев. Появилось почти физическое ощущение тяжести и тревоги. Влад украдкой взглянул на сестру, та не подаёт признаков беспокойства. «Из нас двоих не ей нужна помощь».

Лесная прогулка проходила в разговорах и воспоминаниях, и Влад раз за разом поражался тому, сколько всего пережила его сестрёнка. Почувствовал

лёгкий укол совести за то, что сам в это время жил, спал под крышей и ел с грядки.

– Смотри, грибы, давай соберём.

Ира наклонилась над россыпью коричневых шляпок, а Влада что-то удержало. Такой шорох не издаёт ветер, поэтому он сделал знак замереть. Звуки повторились, и сестра, скинув рюкзак, сноровисто извлекла ружьё. Самое настоящее охотничье ружьё ТОЗ-106 со сложенным прикладом. Ира быстрыми движениями привела его в боевую готовность и замерла. Они продолжали вслушиваться в лес. Треснули ветки, раздались шаги и даже, кажется, стоны. Брат с сестрой укрылись за широким деревом, выглядывая по обе стороны ствола.

– В людей стреляла? – шёпотом спросил Влад. Он не видел, как побледнела сестра, но услышал, что выстрелит, если придётся.

Тут из зарослей на грибную поляну выпал человек. За ним ещё двое внесли третьего, все попадали на траву. Стало видно, что все четверо в крови.

– Ребята... – ахнула Ира и выскочила к ним. Влад с руганью за ней. Лежащий мужчина схватился было за обрез двустволки, но вовремя признал рыжеволосую девушку.

– Нормально, – отодвинул он её от себя. – Сёме совсем плохо, глянь.

Ира опустилась на колени перед пострадавшим. Одежда разорвана, поверх футболки наспех намотаны бинты, но кровь сочится через них. Девушка стала менять повязки.

– За вами не гонятся? – задал Влад единственный уместный, на его взгляд, вопрос.

– Да чёрт их знает, мы сегодня дали жару, знатно пошумели.

Как Влада ни пугала неприятная небритая физиономия с лихорадочно блестящими глазами, страшнее были догадки о случившемся.

– Где остальные? – спросила Ира.

– Кто ушёл, кто не ушёл... Многие там осталось.

Застонал, очнувшись, раненый. Он явно не в себе и неадекватно блуждает взглядом вокруг. Оставленный в лесу, он точно не жилец. Ира подошла к брату, и она только заглянула ему в глаза, он всё понял.

– Даже не думай.

– Но не бросать же их.

– Ты предлагаешь мне тащить этих висельников к себе домой? Чтобы они там побоище устроили?! – это Влад нарочно произнёс громко.

– Не надо домой. Просто поближе к посёлку, а там я их спрячу.

Заговорил вальяжно раскинувшийся на траве бородач с автоматом.

– Побоища не обещаю, но проблемы обеспечу. Дружок твой прав, оставь нас и иди своей дорогой, – с издёвкой процедил он, наблюдая за реакцией.

– Не болтай, воин, поднимай своих, – прервал его Влад и развернулся обратно к дому.

Тяжелораненого тащили по очереди вдвоём. Захромал главарь – штанина на бедре вымокла в крови, Ира подставила плечо. Когда показались родные дома, начало темнеть. Во дворе их встретил сводный брат Влада. Он хотел было о чём-то сказать, но увидел всю компанию и молча уступил дорогу. Влад задержался.

– Все дома?

Брат кивнул. Он смотрел прямо в глаза, смотрел долго, потом ушёл в дом.

Влад закурил, на душе гадко-гадко. В доме его помощь не требуется, там занялись ранеными, а дядька Степан завёл беседу с совсем молодым парнем, которому посчастливилось не пострадать вовсе. Окружённый теплом и уютом он разговорился и поведал следующее. Их ударная группа должна была захватить бочки с горючим с местной станции, по всем сведениям, не охраняемой. В случае чего второй отряд прикрыл бы отход, обрушив на дороге заранее приготовленные деревья. Таких групп вокруг с десятков, у каждой своя задача.

– Сильно вам горючка нужна, видать, раз на такое решились.

– Очень нужна. Чем сильнее поднимаемся, тем больше.

– А что не так пошло, что вы еле ноги унесли?

– Никто не понял. Ещё на подходе стрельба, военные кругом – откуда?! Вторую группу сразу огнём отрезали, гады, – на щеках парня заиграли

желваки. – И все из автоматов бьют, головы не поднять... В общем, еле ноги унесли, верно говорите.

– Отдыхайте, – Степан похлопал гостя по плечу и, заметив Влада, подошёл к нему.

– Зачем ты их привёл?

– Ирины друзья, не оставлять же.

– Молодец, человеколюбец, да только их искать будут за такое, это точно.

– Знаю. Поэтому уведу их, как только тяжёлый на ноги встанет.

– Нет! – дядька схватил Влада за шиворот. – Завтра же их чтоб тут не было! А подбитого, так и быть, подержим, пока в себя не придёт. Или Богу душу не отдаст. Ты им скажешь или я?

– Не трудись, папаша, – прозвучало за спиной.

Бесшумно вошедший на кухню главарь банды нагло ухмылялся в бороду.

– Зашёл вот водички попить, угостите?

Степан молча взял чайник.

– Мы люди понимающие, когда скажете, тогда уйдём. Только Сёму нашего не бросайте. А это вам в благодарность, – выложил на стол банки армейских консервов – деликатес, такие вы вряд ли видели.

И, шмыгнув носом, бородач вышел. Племянник с дядей переглянулись, последний осторожно поставил чайник на место.

Гостям постелили в сарае, оружие у них забрать не решились. Вскоре пришла Ира и демонстративно вывалила на стол ружья и автоматы, показывая дружелюбие. Никого это, кажется, не убедило.

Влад специально лёг поздно. Настроился на бессонную от всего пережитого ночь, но сразу провалился в темноту и уже не видел, как жена осторожно открыла глаза и, вытерев слёзы, обняла его тонкими руками.

Утром дом привычно зашевелился, все собирались на работу. Не заботились об этом лишь Ира и новые жильцы. Даже Влад умылся и сел за стол.

– Не нужно, чтобы сюда приходили в розысках меня, отлынивающего от труда.

Вполголоса заговорила жена.

– Как мы оставим Иришку с этими?

– Её друзья, ей с ними и сидеть. Всё нормально.

Наспех доели и разошлись кто куда. Влад направился, как и должен был, к председателю. Тот обосновался в трёхэтажном доме, играющем роль центрального здания. Здесь и власть обитала, и больница расположилась, и учебные классы для детей. Оттуда вместе с такими же везунчиками – на завод.

Ира проснулась на удивление бодрой и не сразу вспомнила о событиях прошедших суток. Затем услышала слабый стон за дверью.

Прооперированный вчера в полевых условиях Семён ворочался на кровати весь в поту. Девушка поднесла к пересохшим губам стакан с водой, он выпил до дна и затих. Дядя Степан, достав две пули, критически оценил состояние раненого и особых шансов ему не давал. Нужных лекарств нет, достать у местного доктора не получится, возникнут вопросы.

– Плохо?

Ира вздрогнула, хотя и привыкла к бесшумным появлениям командира.

– Да, но лучше, чем было.

– Накорми нас, ладно?

– Идите на кухню, сейчас приду.

Печь и стол занимали половину маленького помещения, набившиеся туда мужчины задевали друг друга локтями, но никто не жаловался, такого комфорта они не видели давно. За едой поднялась тема судеб остальных.

– Кто-то должен был выжить. Куда бы они направились?

– Сюда, затеряться среди жителей или засесть на окраинах, воровать еду с полей.

Все были согласны и решили так: Ира вечером, как народ вернётся с работы, попытается разузнать, не видел ли кто незнакомцев, а командир с бойцом обойдут укромные места вокруг прямо сейчас.

– Саша, – произнесла негромко Ира, закрывая за уходящими дверь. – Будь осторожен.

Мужчина усмехнулся и уверенным шагом пошёл прочь от дома. Его грызла мысль, что вернётся ни с чем.

– Знаешь, чего боюсь? – заговорил вдруг товарищ, молодой парень, чудом избежавший ранений. – Вояки по-любому пленных взяли, а те могут и выдать, сколько нас всего. Трупы сосчитают, начнут по округе искать.

– Не то что могут, а, я уверен, уже выдали. Поэтому уходить надо как можно быстрее.

По совету Иры сначала направились на восток – прочесать берег реки. В случае неудачи решено было держать курс севернее – к заброшенной церкви. Прошли времена богослужений, теперь кто верит, молится сам: ближе к смерти – ближе к Богу.

4

Через четыре часа пути решено было остановиться и отдохнуть. Бойцы высыпали из машины и с удовольствием задышали свежим воздухом. Вокруг дороги простирается густой лес, стоит режущая ухо тишина. Мёдов приказал развести огонь, разогреть еду. Исполнили незамедлительно, натаскав с обочины кучу дров. Жарко затрещали ветки, и поляну наполнил аппетитный запах мясных консервов. Разобрав их, расселись вокруг огня.

– Мы здесь.

У Димы в руках оказалась карта местности, он указал квадрат их местоположения. – Если всё верно, почти половину пути прошли.

– Откуда у тебя это? Нам карты только на задания выдают.

– Не важно, выиграл, – отмахнулся парень. – Лучше оцените информацию. Ещё пять часов и мы на месте.

– Смотрите, – Игорь кивнул в сторону машины.

Там лейтенант вместе с Багровым развернули и подняли на крышу антенну.

– Спутниковый телефон...

– Отвлеките остальных, – бросил Дима и встал. – Разузнаю, что там такое.

Парни переглянулись, а Дима зашагал к лесу. Нужно действовать. Игорь толкнул друга в грудь, тот покатился по земле и сразу вскочил. Вскрикнул, привлекая внимание, но снова был сбит с ног. Все повернулись к потасовке,

и Макс завёлся на самом деле. Ударил в грудь и схватил Игоря за ноги. На пару мгновений показалось, что приём получится, но оппонент сломил сопротивление и накрыл Макса мощным телом.

Исход был ясен, и бойцы нехотя разняли ребят. Те отряхнулись и заверили, что всё в порядке. Лейтенант, к слову, вообще не среагировал. Всё получилось, рыжий товарищ исчез незаметно и отправился добывать разведданные.

Дима шмыгнул в кусты и осторожно прокрался почти к самой машине, не издав ни единого звука. Отсчитал до пяти и рывком вкатился под днище. Там он замер, гадая, что с ним сделает Мёдов, если заметит. Но тому было не до лазутчика, он безуспешно запрашивал связи с Центром. Соединение установилось, лишь когда сержант Багров сам залез на кабину и поднял антенну ещё выше.

Дима не слышал слов собеседника Мёдова, поэтому воспринимал диалог по фразам последнего. Такому, помнится, обучали на тактических курсах.

– Мёдов на связи... Так точно, идём заданным маршрутом... Половину прошли...

Тут Семёнов мысленно похвалил себя за правильные топографические выводы.

– Это неожиданно, у нас другая задача... Так точно, на заданном квадрате выйдем на связь, примем новые указания... Наше присутствие будет незаметным. Это ведь повстанцы? Да, конец связи.

Дима остался недоволен, ничего путного не узнал, зря ребята бока друг другу мяли. Он тем же путём выскользнул из-под грузовика и нырнул в лес. Когда вышел из-за деревьев и вернулся к костру, его окликнул «мёдовский» сержант Ерёменко.

– Где был, боец?

– Сходи посмотри, только там пахнет плохо.

На немой вопрос друзей он покачал головой и вкратце пересказал услышанное. Макс скосил глаза на лейтенанта, ожидая выговора за драку, но того занимало совсем другое. Поступил приказ сворачиваться, бойцы уничтожили следы пребывания и полезли в кузов. От предвкушения часов монотонной тряски живости на лицах поубавилось. Зато после сытного обеда многие наконец смогли заснуть.

Грузовик остановился ещё через пару часов. Пока парни заливали в бак дополнительные литры бензина из больших канистр, Мёдов, как и обещал кому-то, разворачивал станцию. В этот раз разговор слышали все, а затем лейтенант скомандовал «смирно», чтобы объявить приказ.

– Недалеко от города совершено нападение бандитов на склад с горючим. Атаку отбили, взяли пленных, те показали, что некоторые скрылись. В числе везунчиков – главарь и наша цель. Пока местные ищут по периметру, мы ненавязчиво проверим один посёлок. Начнем по прибытии, конкретные инструкции на месте. Вопросы есть?

Молчание сержантов, кивок лейтенанта, и грузовик вновь заревел мотором. Теперь в кунгеесть о чём поговорить.

– Бандиты? – усмехнулся Игорь.

– Мы с вами в центре политических событий, – произнёс Дима и, наткнувшись на непонимание, пояснил. – Власть ведь заявляла, что военные дела не коснутся мирных жителей. А мы нагрянем, начисто опровергая.

– Пусть у Мёдова об этом голова болит, в случае чего собак на него спустят, – заявил Игорь.

– Да ничего не спустят. Мало ли чего там верхушка болтает, они и не такие слова назад забирали. Армия сейчас – главная сила, она диктует. И правительству в том числе, – подключился Макс.

Разговор иссяк, дальше ехали молча, всё чаще меняя позы, жёсткая лавка давала о себе знать. Близилась ночь, многие из тех, кто не спал в пути, стали зевать. Заметивший это Бодров посоветовал принять по три таблетки глюкозы из индивидуальной аптечки, сам сделал то же самое. Машина тем временем сбавила ход и остановилась. Дверь кабины открылась, что дало команду бойцам вылезти из кузова. Двум последним Багров приказал выкинуть наружу объёмные мешки.

Оказавшись на земле, Макс обнаружил, что шофёр заехал в лес и вокруг сплошная зелень, выцветшая в серый от экологии и наступивших сумерек. Мёдов построил подчинённых. Одного определил сторожить машину и наблюдать в этом квадрате, оставшихся разбил по парам. В две назначил старшими по своему сержанту. Макс с Игорем предусмотрительно встали в конец строя, потому и оказались вместе. Старшим был назначен последний, чему Игорь решительно воспротивился.

– Товарищ лейтенант, разрешите передать полномочия Смирнову? Его всегда старшим назначали.

– Разрешаю.

Сам Мёдов выбрал в напарники Диму. Затем подошёл к сложенным мешкам и достал из одного простую серую куртку.

– Работать будем тихо, формой светить не стоит, поэтому надевайте каждый сверху. Для опознавания своих на всех куртках чёрные нагрудные карманы. Из рюкзаков всё долой, туда автомат со сложенным прикладом и отстёгнутым магазином. Проследите, чтобы ствол не торчал, – лейтенант говорил и наглядно демонстрировал, превращаясь из военного в подозрительную личность в чёрной кожанке, камуфляжных штанах и пока ещё не замаскированным оружием.

– Задача такая. Через час выходим к посёлку, разделяемся, начинаем наблюдать. Всё подозрительное фиксируем, учить вас этому не надо. В четыре часа утра сбор в старой церкви. Готовьтесь.

После облачения в гражданское бойцы сообща замаскировали машину, а Мёдов подозвал старших в двойке и указал им точное расположение и участки, за которые они отвечают.

– И ещё раз повторяю, ваша задача – наблюдение. Никаких иных действий и тем более стрельбы, это ясно? До приказа – никакой.

– Так точно, товарищ лейтенант. Мы всё сделаем правильно.

– Хочу верить.

Мёдов похлопал ребят по плечам и приказал выдвигаться. Получасовой марш-бросок окончился на небольшом пригорке, с которого видны дома, огни и редкое, спокойное движение. Решено было дожидаться, пока оно утихнет, и посёлок покроет ночь. Время коротали в разговорах шёпотом – от возбуждения предстоящим делом на язык просилась куча всего разного. Дима украдкой передал Максиму карту, вдруг пригодится. Игорь настойчиво колдовал над снаряжением. В ответ на скептический взгляд он продемонстрировал результат. Одним рывком за торчащий из рюкзака краешек автоматного ремня расстегнул молнию и вытянул оружие из-за спины в руки.

– Красиво, жаль так магазин не пристегнуть.

Игорь дёрнул затвор и поймал в ладонь вылетевший патрон.

– Но один есть.

Тут уж возразить было нечего. По рядам прокатилась тихая волна, пора выдвигаться. Без суеты бойцы поднялись, попрыгали на предмет лишних звуков и люфта в обмундировании и по намеченным маршрутам, каждая пара по своему, двенадцать человек направились к цели.

Макс в свободные минуты чуть ли не наизусть заучил расположение местных ориентиров. Им следовало пройти через поле с теплицами, с которых в город и в сам посёлок поставляют овощи. Игорь шмыгнул за ограду, Макс остался смотреть по сторонам. Выбравшись, товарищ одарил его помидорами и кочаном капусты.

– Там еды куча, на обратном пути ещё наберём, наших угостим.

Продолжили путь. Оказавшись пару раз на открытом пространстве, парни видели, как движутся параллельным курсом сослуживцы, те помахали.

Место для наблюдения оказалось не самым удачным, видны два дома, а в секторе их больше. Макс принял решение: Игорь остаётся на месте, а он найдёт другую позицию.

– Хочешь сделать хорошо, сделай это сам, – подмигнул ему напарник.

Макс заложил вираж вокруг двора и замер в тени. Нет, движения не было, мелькнувший силуэт – лишь плод фантазий. Интересной сержант нашёл позицию на заднем дворе ближайшего жилища. Там высится куча строительного и бытового хлама, укрывшись за которой, можно следить за двумя соседними домами. Путь отхода, правда, не наблюдается, но Макс чувствовал: риск будет оправдан. Он прокрался под самыми окнами, мельком заглянул в одно и засел в намеченном месте. Да, отсюда обзор хоть куда, сержант был доволен.

Игорь собрался было задремать, его всегда тянуло в сон от бездействия, но тут дверь наблюдаемого дома открылась на секунду, и тень метнулась за угол. Скрипнуло дерево, и на этом шум прекратился. Сержант отметил событие, а через десять минут ещё одна подозрительная фигура, явно опасавшаяся обнаружения, прошла через улицу и исчезла в том же месте. Это уже интересно, Игорь подскочил и рывком пересёк улицу. Подобрался к сараю, в котором, по всему, затаились подозрительные лица, и прислушался. Через две минуты улыбка тронула его уста, характерные звуки показали, что

они не затаились, а уединились. Игорь не был бы собой, если не включил свой юмор и в этот раз. Он отыскал доску и надёжно подпёр дверь, гадая, как любовники выберутся, не поднимая шума.

5

Время тянулось слишком долго, и Макс решил выбираться, тем более что место оказалось не таким удобным, как ожидалось. Но в доме началось движение. Сначала сержант ощутил это, а через секунду услышал открывшуюся дверь.

По истечении рабочего дня все наконец собрались вместе. Не было только Саши со спутником, и это настораживало. Уставшая до невозможности Ира прямо с порога объявила, что никаких следов не нашла, никто в посёлке незнакомцев не замечал. Никого, кроме неё и оставшегося в доме мятежника, это не расстроило. Но всеобщее настроение всё равно в упадке. Никто почти не разговаривает, лишь перебрасываются многозначительными взглядами. Дядька Степан проведаль раненого, результатом остался доволен, тот пошёл на поправку: всё больше времени проводил в сознании. Затем семья расселась на кухне в ожидании ужина. Отсутствовал только слёгший от усталости Влад. Кто-то обмолвился о военных постах вокруг посёлка, собравшиеся невольно покосились на единственного за столом представителя мятежников. Тот опустил нос в тарелку и не реагировал. Не выдержала Ира.

– Вообще-то я тоже с ними! И всё что думаете можете озвучить для меня.

– Успокойся, дочка, поешь.

Боевой запал покинул девушку, она тяжело вздохнула. Говорить снова стало не о чем.

Саша было совсем отчаялся, когда им наконец улыбнулась удача. Лишь вечером, истоптав все ноги, парни наткнулись на лёжку.

– Совсем недавно ушли, – проговорил командир, ощупывая примятую траву.

– Вспугнул, что ли, кто...

– Вопрос: куда ушли? – ответил товарищ.

– Не много вариантов, я вижу вообще один.

И Саша уверенно направился в обход холма к ближайшим зарослям. Вскоре в напарников уткнулся автоматный ствол из-за листьев, а затем они обнимались с двумя оборванцами. Оказалось, чуть поодаль лежит и третий.

– Час назад дух испустил, – проинформировал боец командира.

Саша до боли сжал кулаки. Не ходи они впустую весь день, могли успеть.

– Здесь вояки кругом шныряют, чуть не нарвались пару раз, – продолжил говорящий. – Прорваться не вариант.

– Короче, делаем так. Сейчас в посёлок, там хата есть, хоть покормитесь. А дальше будем думать, как уходить отсюда. Дороги же перекрыты, правильно понимаю?

– Все до единой. И до леса не добраться.

Это было и так понятно, но от уверенных слов стало совсем неважно. «Что же делать? – крутится в голове. – Как помочь своим людям?»

Вернувшиеся и новоприбывшие через жаркие объятия Иры сразу попали за стол, где долго стучали ложками и благодарили судьбу. От шума проснулся Влад, чем воспользовался Саша и вывел его на улицу для беседы.

Замученный в шахте, всё ещё грязный, Влад теперь отлично понимал мотивы бродяг.

– Я хочу увести своих завтра же утром, и мне нужна помощь.

– Говори.

– Есть одна идея, как не попасться на глаза военным. Готов слушать?

Влад кивнул, закурил. Идея оказалась рядовой, без выкрутасов. Парням нужно лишь выскользнуть из окружения, затем соединиться со своими. Командир вспомнил об особенностях ландшафта: река идеально уходит течением за пределы опасной территории. А отработавший на ней Влад – отличный проводник.

– В целом, реально исполнить. Нужна только лодка, плот не пойдёт, и правильное место.

– С этим ведь поможешь?

Влад ответил согласием. Более того, памятуя о желании Саши уйти утром, взялся обустроить всё за оставшиеся ночные часы. Мятежник взял его за плечи.

– Никогда не забуду, спасибо тебе.

Вернувшись в дом, оповестили остальных, они оценили решение. Влад на скорую руку поужинал и собрался в путь. Обговорили время сбора и его место на карте. Было установлено, что Влад вернётся ночью только в случае неудачи, а так он должен ждать на месте до утра.

Перед уходом он подошёл к сестре и тихо попросил прихватить с собой его рюкзак, та обещала сделать. На жену Влад не взглянул, опустив взгляд. По пути к реке несколько раз замирал и вслушивался в ночь, всё казалось, будто кто-то идёт следом. Но мужчина списал это на возбуждение и ускорил шаг.

Где взять подходящую лодку – известно, проблем возникнуть не должно. С местом, откуда начать спуск по течению, Влад тоже определился. Он не видел ни одной причины, способной ему помешать, но каждую секунду ждал подвоха. Не пройдёт всё гладко, была такая уверенность.

Подготовка в доме шла полным ходом. К пяти утра, за час до пробуждения жителей, нужно было быть у реки. Ребятам не мешали, но и спать никто не шёл. Ещё и брат Влада куда-то делся, уже час как к соседям ушёл за керосином.

Макс в подробностях расслышал весь диалог и, только дверь закрылась, бегом рванул к напарнику. Тот практически заснул на посту, но мигом пришёл в себя. Сержанты единогласно постановили, что наблюдать здесь больше нечего и нужно следить за собравшимся к реке мятежником.

– Как приведёт нас на место, двинешь к нашим и доложишь, а я останусь – присмотрю.

– Так точно, товарищ равный по званию, – задорно ответил Игорь и усмехнулся.

Наблюдаемый объект долго ждать не заставил, он покинул дом и направился в одному ему известную сторону. Бойцы двумя бесшумными теньями проследовали за ним. Макс вблизи, а Игорь страхуя спину товарища. Ведомый явно на взводе и постоянно озирается по сторонам. Пару раз затаившемуся в тени сержанту пришлось выдержать скользнувший прямо по

нему взгляд. Когда троица добралась до рыбацкой пристани, слежку пришлось ослабить, уж слишком рьяно стал мужик проверяться.

Влад аккуратно обошёл две большие избы с таким расчётом, чтобы ветер не донёс его запах до чуткого носа сторожевого пса. Лодки, как и ожидалось, стоят у самой кромки берега и покачиваются на волнах. Хоть и стоит ради их сохранности вытаскивать «суда» на берег, делать это никому не охота, чем Влад и воспользовался. Он выбрал подходящий вариант, отвязал верёвку и толкнул веслом берег. Чтобы не шуметь, грести начал, отплыв подальше.

– Не упустить бы в такой темноте...

– Двинем вдоль берега, он должен неподалёку пристать.

Сказать проще, чем сделать. Пока лодка спокойно скользит по водной глади, бойцы бегут со всех ног, рискуя расшибиться оврагах в полутьме, и всё равно отпускают преследуемого. До назначенного Мёдовым randevу полчаса. Макс остановился.

– Так, слушай, я бегу до церкви, сообщу нашим. А ты найди этого лодочника.

Игорь никогда не сомневался решениях друга, повода тот не давал. Он кивнул и пошёл вдоль реки, иногда останавливаясь и прислушиваясь: не плеснут ли вёсла, не слышатся ли шаги рядом. Макс чуть отдышался и рванул трусцой на запад.

Влад ликовал – пока что всё получается. Течение быстро отнесло его от лодочной стоянки к намеченной точке. Там он прибил к берегу, собрал веток для сигнального костра и стал ждать. Сначала не решался даже закурить, но усмехнулся своей тревожности и пустил дым. Пряча, правда, огонёк в ладонь. Вокруг стоит пронзительная тишина, в которой только течение воды напоминает, что мир не замер насовсем. Хотя он как раз и замер, причём давно.

Макс бежал не останавливаясь до самого конца и был на точке в пять минут пятого. Все уже собрались. Вперемешку с шумными вдохами после пробежки он лаконично изложил суть произошедшего. Мёдов слушал, кивал, а потом, тыкая пальцем, отрывисто поставил всем новые задачи. Семь человек с ним во главе направятся к дому, четверо – к реке на помощь Игорю. Среди них сам Макс, Дима Семёнов и Багров. Им велено устроить засаду, Мёдов не хотел шуметь в деревне и планировал провести мятежников до реки. Но не все задумки суждено осуществлять.

Игорь около получаса сновал туда-сюда по бережным ямам, боясь, что объект его давно заметил и ушёл обратно по воде. Но удача улыбнулась-таки молодому бойцу. Треугольная тень на первый взгляд оказалась лодкой при более внимательном. Игорь осторожно спустился к самой воде и глянул вдоль берега – и правда лодка. А хозяина не видно. Парень достал автомат и медленно, избегая щелчка, примкнул магазин. Уверенности в своих силах прибавилось тут же.

Стараясь не цеплять ветки, Игорь обогнул предполагаемую позицию объекта, чтобы разглядеть его с другого ракурса. Результата – ноль. Он решил плюнуть на поиски и караулить одну лишь лодку, как в посёлке раздалась стрельба. Тут же затрещали кусты в трёх метрах левее, и на открытое место выскочил испуганно озирающийся мужчина. Игорь видел, как он рванулся сначала к воде, затем, опомнившись, встал и принялся нервно вышагивать по песку.

В это время бойцы уже привычным маршрутом подошли к нужному дому. Рассредоточились так, чтобы перекрыть все пути отступления и стали ждать. На часах почти пять утра. Ерёменко отвечал за соседний двор, которым мятежники могли воспользоваться для бегства. В качестве укрытия ему приглянулся сарай, зачем-то подпёртый снаружи доской. Сержант отворил дверь, шагнул внутрь, и... навсегда перестал верить в случайности. Запертому вместе с замужней соседкой посельчанину всё равно, кто над ним пошутил, он полон праведного гнева. И сержант просто оказался не на том пороге.

Мужик даже выпавший автомат заметил, лишь когда сбил с ног незнакомца. Заметила его хоть и красивая, сволочь, но бестолковая баба, отчего завопила и дала дёру. Ерёменко стерпел ещё один удар, схватил противника за шиворот, поднатужился и опрокинул, сел сверху. Разбил в два удара лицо и получил зуботычину снизу. Сержант кувыркнулся и схватил оружие, соперник поднял полено.

– Не балуй, – щёлкнул Ерёменко предохранителем.

6

Когда совсем рядом истошный закричала женщина, вся готовая к выходу ватага схватилась за оружие. А как грохнул выстрел, посыпали на улицу. Впереди всех чернел бородой Саша, он же чуть не нарвался на очередь.

– Назад! Во двор!

Глухо бахнули ружья, запахло порохом. Уйти через забор не получилось, оттуда тоже стреляют. В панике мятежники ввалились обратно в избу.

– К окнам! – главарь в ярости. – У нас заложники! – крикнул он уже наружу. В дверь тут же ударили пули. Дядька Степан прижал жену Влада к полу и возмутился:

– Ничего святого у гадов нет!

Ира, не моргая, целится из окна в темноту. Она дрожит всем телом, но мушка не колеблется. Только во дворе двинулись, девушка выстрелила, увидела ответную вспышку и пригнулась. Её осыпало щепками и стеклом. Стало по-настоящему страшно.

Такого Мёдов не ждал. Знал бы, взял с собой больше людей, но войну-то не планировали. Теперь нужно что-то решать, пока запертые бандиты не пришли в себя. Они огрызаются не слишком активно, но этого хватает, чтобы военные не совались на рожон. Рядом плюхнулся запыхавшийся сержант.

– Товарищ лейтенант, у них с нашей стороны окон нет, можем оттуда зайти.

– Отлично, показывай, – Мёдов приподнялся. – А ты долби по двери, чтоб не вышли, – приказал оставшемуся на позиции бойцу.

Через десять минут страсти улеглись, обошлось без потерь, голова стала соображать. По совету Степана один из парней забрался под крышу и благодаря дырам в черепице получил наблюдательный пост.

– Трое фронт держат, слева много, справа ни одного не вижу, – подал он голос.

– Точно?

Ошибаться было нельзя

– Да... Слева в тыл заходят!

Решено.

– Ломай крышу, бей по ним! Остальные через окно!

Сам командир распахнул дверь и разрядил автомат в сторону мелькавших до этого вспышек. Укрылся за стеной, поменял магазин. Последний, значит режим огня – одиночный.

Ира последней выскользнула из окна и зажмурилась. Нет, не убили, можно открыть глаза. Один из товарищей взял её за руку и вчетвером они побежали в темноту. Идущий первым боец помнил, что всё началось с криков и стрельбы именно здесь, но его это не спасло. Очередь прошила мятежника наискось. Остальные попадали и разрядили ружья на звук.

– Ух, чёрт! – вырвалось у Ерёменко, его ударила боль и плечо потянула тяжестью. Стоять насмерть приказа не было, поэтому он дал пару очередей и отполз в укрытие.

По переместившемуся звуку выстрелов Мёдов сразу понял, что враг уходит. Но их самих здорово прижал огнём автоматчик с крыши – прямо чёрт из табакерки. Лейтенант мог поклясться, что лично попал в него дважды, но пули продолжают впиваться в землю прямо перед носом. Наконец это прекратилось, и военные бегом кинулись к дому. Пустые магазины полетели в траву.

– Чисто! Чисто! Один двести, один триста, два мирных! – донеслось изнутри.

– За мной! – рявкнул Мёдов.

Потерь у военных нет. Только оцарапанный дробью Ерёменко и раненный в руку боец. Они остались на месте. Задыхаясь от бега, Ира посмотрела по сторонам. Из бойни вырвалось четверо, но скорбить некогда. Догнавший их Саша взял роль проводника и уводит ребят всё дальше. Когда девушка взмолилась об отдыхе, он лишь выругался.

Мёдов придержал бойцов, не хотел подставиться под пули. К тому же маршрут беглецов известен, засада на месте.

Как назло пошёл дождь, размывая сумрак утра. Видимость упала, темп погони снизился. Саша гнал отряд всё быстрее и гнал прочь навязчивую мысль. Если военные так легко вышли на них, то что мешало им накрыть и Влада? Тогда они рвутся прямо в западню. Но свернуть загонщики не дадут, думать сейчас – лишнее.

7

Влада застали врасплох. В него уткнулся автомат, а затем из кустов вышла фигура в камуфляже.

– На колени, – приказал Игорь.

Он зашёл за спину и прохлопал карманы.

– Один?

Влад кивнул. И услышал совсем неожиданное.

– Расскажи мне о вас.

– Количество и... оружие?

– Нет! – раздражённо брызнул Игорь. – Про вашу коммуну, утопию и свободную жизнь. Убеди тебя отпустить!

Он наклонился прямо к пленному. Влад не мог знать, что разведчик не лукавит, что он давно заражён идеей. Не мог знать, но что-то почувствовал. И начал говорить.

Разведка нашла Игоря несколько выше по течению. Он развёл руками.

– Испарился! А лодку я в реку столкнул. Меня бы убрали, всё равно не ушли.

Багров задумался.

– Заметил нас и рванул к своим? А потом куда? Поднимаемся на берег, занимаем позиции.

Бойцы посемили в заросли. Игорь придержал Макса за плечо.

– Ты как? – спросил тот.

Друг не ответил, увлекая за собой всё дальше, показал на удобное место для засидки. Макс присел, Игорь плюхнулся рядом, придавив чужой автомат. Он весь дрожал.

– Да что с тобой?

– Я нашёл его! – выпалил сержант.

– Кого?

– Он рассказал мне. Повстанцы есть, они совсем близко. Это шанс, Макс...

– О господи!

– Не делай вид, что забыл! Я никогда тебе не врал, я ненавижу эту жизнь и хочу свободы.

Макс потянул автомат за ремень – тщетно.

– Ты клялся защищать эту страну.

– И вижу способ это сделать! – огрызнулся Игорь.

Воцарилось молчание.

– Они близко, Макс. Я буду стрелять по своим...

– Я присягал на верность.

– В четырнадцать лет! А меня знаешь с семи!

Макс был огорошен, но соображал ясно. «Они выйдут прямо к нам, Багров не успеет». И тут Игорь протянул ему автомат.

– Делай как решил.

Макс вытянул руку. Игорь прихватил её и накинул ремень на шею. Он отвернулся, чтобы не видеть лица, стянул, и Макс обмяк.

У беглецов кончились силы, но цель уже близка. Саша молил провидение, чтобы не ошибиться с местом. Не помогло: вместо Влада наткнулись на военного у самой воды.

– Свои! – тот безоружен. – Вниз вдоль реки, там Влад.

Только теперь все заметили тело второго бойца в траве. Размышлять некогда, хочется верить в чудо. Саша махнул рукой, гонка продолжается. Игорь подобрал автомат и пальнул в воздух, а затем побежал.

От выстрела за спиной Багров вздрогнул и развернул свою тройку.

Несколько человек выскочили на берег прямо перед ними, в десятке метров. Дима без раздумий пальнул.

До рассвета ещё полчаса, с неба дождь, немудрено, что видимости никакой. Поэтому Мёдов, добравшись до берега, не мог найти следов. Его люди слепозирались, когда пространство осветила вспышка. Звук выстрела не достиг ушей, а бойцы уже вжались в землю.

– Кого задело?

Тишина. Либо никого, либо насовсем. Бойцы расползлись по траве, затаились.

– Стойте, хватит! Своих постреляете! – раздался крик.

Шатаясь, на поляну выскочил Макс. Его не тронули, обе стороны признали голос. Отряд Мёдова с опаской и оружием наготове поднялся с земли. Багров со своими вылез из кустов.

– И только не говорите мне... – Мёдов оглядел всю картину. – Понятно.

Никто не верил в спасение, но оно состоялось. Даже сидящий на корме Игорь перестал целиться в туман и шумно выдохнул.

– Объяснишь теперь?

Вопрос задал Саша, но ответа ждали все.

8

Лодку несёт течением, веслам работы нет – только подправить курс. Игоря не ограничивали, поэтому он начал с детства. Ещё до попадания в военное училище он слышал о жизни за пределами городов. Это было сродни сказкам, пока в пятнадцать он не познакомился со старым повстанцем. Тот рассказывал о другой жизни каждому встречному работяге и не боялся полиции. А в шестнадцать Игорь убил первого мятежника.

Он так и не стал приверженцем их идеологии, которой, может, вообще нет. Но весь авантюризм сосредоточил на поиске возможностей примкнуть к этому движению. В отличие от простых жителей, которым под гнетом власти жилось несладко, Игорь Васильев был непосредственным участником санкционированной сверху жестокости. Долго заставлял себя верить в её необходимость, но убедить не смог.

Он всегда был таким. Увлекался чем угодно без мыслей о последствиях, за что не раз выслушивал от Макса. Простит ли он его теперь...

Поверили его словам или нет – дело десятое, зато верят в спасение – его заслугу. Сверились с картой и решили дойти по воде до первых порогов, где река уходит в сторону от цели.

– До лагеря дойдём пешком, – заключил Саша и пристально посмотрел на Игоря.

Он больше верил в то, что этот казачок засланный, потому автомат на предохранитель не ставил.

Влад попросил его заменить, и на вёсла сел Иван, один из двух оставшихся бойцов ударного отряда. Со вторым Саша вполголоса что-то обсуждал.

Игорь внезапно вспомнил об добытых овощах с местных теплиц, угостил ими новых товарищей.

Совсем рассвело, солнце встало где-то за тучами, не рассеивающимися уже много лет. Гладь воды сливается с горизонтом, а по берегам раскинулись поля вперемешку с редкими деревьями. Смена пейзажа значила, что скоро пора будет править к берегу. Саша посоветовался с Владом, и оба заработали вёслами. Очень вовремя, впереди уже можно было рассмотреть бурлящую на порогах воду.

– Давай быстрее, – Ира привстала со скамьи.

Шум делал препятствие ближе, чем оно было. Но справились и через пять минут развалились на берегу, втащив потяжелевшую от сырости лодку.

– Как же кушать хочется, – простонал Иван.

Обрадовать его было нечем. И уж точно не словами о том, что предстоит длинный переход до лагеря.

В посёлке так и не поняли, кто стрелял ночью. Семья Влада согласилась с версией о бандитах-налётчиках. Связывать себя с мятежниками хотелось меньше всего. Военные же как внезапно появились, так же и исчезли. Мёдов молча выслушал невероятную историю о перебежчике, ничего не ответил и увёл отряд. Сообщив командованию о произошедшем, командир получил указание двигаться по прежнему маршруту, оставив поиски местным военным. Теперь на помощь геологам-нефтедобытчикам. Их нужно будет проконвоировать через дикие земли до Абакана. Там пути разойдутся.

Атмосфера среди бойцов накалилась. Предательство одного из них не способствовало сплочённости, тем более что сержантов в отряд понадёргали из разных частей. Макс не поднимал глаз от пола, ему казалось, что вина его. Он и сам себя винил. А потом вдруг поднялся с лавки и встал в центр, держась за борт.

– Парни, – первые слова прозвучали тихо, но потом голос окреп. – Нужно забыть это и верить друг другу. Ведь те, кто здесь, прошли проверку.

– В отличие от твоего друга...

Макс гордо встретил устремлённые в него пары глаз, задержался на каждой.

– Моего. Но я с вами, а не с ним, это говорит о чём-то? Может, я единственный теперь, кто точно вне подозрений.

Ответили молчанием, Макс устало сел на место. Дима ему подмигнул.

До самой базы не сделали ни одной остановки, добрались к ночи, измученные. Умяв ужин, заснули в железных бараках. Даже Макс, настроившийся на долгую рефлексия, выключился моментально и снов не видел.

Пробуждение далось тяжело, бойцы с удивлением смотрели, зевая, как Мёдов с оголённым торсом подтягивается на какой-то арматуре. Затем все собрались на завтрак и рассмотрели, наконец, с кем предстоит работать.

Восемь человек геологов, совершенно непохожих друг на друга. Бородатые дядьки, молоденькие очкарики, представительного вида мужчина. Женщин нет.

Мёдов за завтраком сел с главным и заговорил о деле. Остальные не стали смешивать ряды.

– О чём болтают, как думаешь? – спросил Макс.

Дима привстал, с вопросительной готовностью кивнул на говорящих. Макс рассмеялся.

– Не надо, не хочется для отвлечения внимания буянить, – он замолчал. – И не с кем...

Как же Макс теперь страдал! Он считал себя то предавшим дружбу, то нарушившим присягу, то всё сразу. Рациональное мышление кричало, что незачем винить себя, но Макс истово его глушил. Ведь если прислушаться к разуму, всплывает понимание: он мог не допустить. Не отдать оружия, предупредить Багрова, повлиять на друга до всего этого, в конце концов.

Сразу после завтрака было объявлено следующее: лагерь сворачивается, и объединённый отряд выдвигается по маршруту. Геологи на мощном вездеходе на шести колёсах с прицепом, в котором перевозили походную лабораторию.

Геологи воодушевлённо засуетились, собираясь, военные же совсем упали духом. От мысли об очередных часах в дороге становилось тошно.

9

Измученные беглецы добрались до лагеря очень вовремя. Там, в беспорядке наваленных ящиков и чинившихся машин, атмосфера накалилась. О сути

происходящего рассказали часовые, на которых наткнулись в паре сотен метров от шума и огней.

Отряд Саши был не единственным, планировалась масштабная акция с разовым ударом нескольких групп – каждой по своей цели. Кто-то ещё потерпел неудачу, кто-то вовсе отказался действовать. Теперь командиры спорили о перспективах в отдельной палатке, все остальные – на улице. Появления новых лиц никто даже не заметил.

Саша отправил товарищей в столовую, сам же сразу зашагал к военному совету. Его вытянувшееся злое лицо произвело эффект. Говорившие замолкли и переглянулись, как бы спрашивая, кто пустил в палатку мертвеца.

Первым преодолел ступор и обнял вошедшего его давний друг Семён. Потом и остальные. На время спор забыли, всех интересовало случившееся. Рассказ оптимизма не добавил и дал новый толчок для перепалок. Саша молчал и слушал, он пытался понять, кто из четвёрки какого мнения держится.

Выходило, что один из отрядов даже не добрался до складов, наткнулся на войска в холмах. Вторая группа, чьей задачей был перехват выслеженного каравана, к нему и вовсе не сунулась, слишком много оказалось охраны.

После этих неудач большинство мятежников не пожелали рисковать. Утверждали, что фактор внезапности упущен и без него шансов нет.

– Мы не воевать прибыли, наша цель – диверсия! – распалялся худой командир.

– Но я воевал... – тихо сказал Саша.

Взгляды устремились на него.

– Мои ребята умирали зря? Чтобы мы всё бросили?

– Не бросим – умрём все.

Семён застонал.

– Да чего нам бояться?! Военные скованы атаками, стерегут на местах и ждут помощи. У них нет ресурса нас преследовать.

– Вот это и есть наша возможность спастись, – назидательно потыкал худой пальцем в стол.

Семён не обратил внимания.

– Мы ещё сумеем принести пользу. Чёрт с прежним планом, будет новый. Нельзя уходить без боя, иначе каждый боец посчитает себя трусом.

Саша указал в сторону командиров:

– Они правы. Наши люди – лазутчики, не солдаты. Им нужны продуманные операции. А мы чуть было не устроили ещё одну катастрофу.

Собирались уезжать. Игорь предвкушал оказаться в городе «вольных». Но всё оказалось не так радужно: города нет, лишь лагерь. Занять подконтрольную властям территорию – значит объявить войну, повстанцы ещё слишком слабы, чтобы противостоять властям в открытую.

– Мало накопить машины и патроны. Главное – переманить народ на нашу сторону, тогда будет всё, – заговорил Игорь. – Ваши лидеры это понимают?

– У тебя будет возможность им это объяснить, – заверил его Семён.

Повстанцы свернули стоянку и ушли на северо-запад. Только когда хвост пыли от последней машины улёгся, из кустов вылезли трое.

– Пожалеем, братцы...

– Ну всё, Иваныч, поздно плакать. Идём, нам ещё реку переплывать.

Макс ехал на восток. Все ехали на восток.

– Это не совсем то, чего я ожидал, – тихо проговорил Дима. – Мы так и будем жить в грузовике и подчиняться рации?

– А что ты представлял, когда тебя выдернули из учебки?

– Даже не знаю. Приключений? Нет. Я думал, займусь чем-то важным. – Дима встрепенулся. – Вам ведь тоже говорили о необходимости нашей службы?

– Да. И сейчас мы её выполняем. Мы месим грязь, потому что больше некому, – Макс улыбнулся. – Мы ещё совершим что-то великое.

Машину заболтало по ямам. Одному из бойцов стало плохо, пришлось остановиться. Шофёр просигналил геологам, те затормозили. Мёдов, закусив губу, наблюдал, как бойцы прыгают на землю. Он понимал, что привал затянется, а хотелось до темноты проехать как можно больше.

Вокруг тоскливо: равнина жёсткой почвы разбавляется трещинами в земле и лесом в стороне, из-за перепадов высоты видимость ограничена.

– Когда-то здесь были сплошные леса... – произнёс главный геолог, затем разъяснил. – Правда. Одна тайга на сотни километров. Теперь от неё лишь парковая зона.

Пользуясь остановкой, геологи развернули кухню. У Мёдова не было выбора, поэтому он, скрипя зубами, разрешил своим присоединиться. Довольные бойцы похватали продукты и подсели к попутчикам.

– Товарищ лейтенант, давайте к нам, – позвал Багров. – Не сердитесь, время наворачстаем.

Он оказался не прав. Какого-то часа не хватило, чтобы до ночи перебраться через овраги. Разбили лагерь прямо перед ними.

Мёдов постоял ещё, посмотрел на выхваченное фарами препятствие и ушёл в кабину. Через стекло виднелось всё то же, и он со злости хватил по выключателю, свет погас. Шофёр с сочувствием взглянул на командира и включил обратно.

Между машинами развели костёр. За ужином разговорились. Рассказывать о своих приключениях военным не дозволено, поэтому слушали геологов. Тем было что поведать. По итогам путешествий таких вот групп и составляли до сих пор карты. Под интересную беседу добрались до чая. Макс сам отнёс кружку Мёдову, всё сидящему в стороне.

– Спасибо, Смирнов. Шепни сказителям, чтобы заканчивали. Нам вставать на рассвете.

На ночь оставили часовых. Менялись часто, количество людей позволяло. Макса разбудили вторично, уже после дежурства.

– Извини, думал, ты ещё не заснул, – прошептал товарищ. – У нас что-то происходит, присмотришь.

Макс намеренно не смотрел на костёр, и его зрение не замылилось. Он сразу увидел игру теней неподалёку. Сердце пропустило удар, рука нащупала оружие. И тут во тьме зажглись глаза. Макс вскочил и вскинул автомат. Усилием заставил себя не выстрелить.

– Буди всех! – прошипел он через плечо. – Там кто-то есть.

Долгие минуты он не моргая глядел в ночь. Казалось, что всё – плод воображения, но затем снова чувствовалось движение. Наконец кто-то ещё заметил неопознанное присутствие с другой стороны. Через пятнадцать минут окрестности наполнились шорохами.

– Волки? – предположил Дима.

– Даже если, то не те, что были в учебниках.

Люди встали по периметру поближе к огню, приготовили оружие.

– Твари же спать не дадут, – пробормотал Мёдов и обратился громко ко всем.

– Каждый по три патрона. Огонь!

Ночь озарилась, уши заложило, и глаза ослепли. За деревьями кто-то взвыл и затих.

– Проверить бы, кого зацепили.

Мёдов посмотрел на геолога и махнул рукой.

– Иди проверь.

Он ещё раз огляделся.

– Пугнули живность, теперь на покой.

Но нет. Опять вой, переходящий в противный ультразвук и пространство вспыхнуло десятками глаз. И волки бросились.

– В машины! – завопил кто-то.

Геологи рванули в свою. Их прикрыли стрельбой. Звери ворвались на поляну. Дверь захлопнулась перед мордами, волки повернули к военным. Пятеро запрыгнули в кузов, похватили запасные магазины. Остальные остались снаружи. Стрелять нельзя без риска зацепить друг друга.

Первый волк вцепился в бойца, тот закричал. Сосед отбил его прикладом, схватился с другим зверем. Макс в упор расстрелял остаток магазина, волки отпрянули.

Кто-то голыми руками швырнул полено из костра. Оно рассыпалось искрами, зажгло траву. Выигранных секунд хватило, чтобы всем попрыгать в кунг. Но битва не кончилась.

Озлобленные хищники теперь вышли на поляну все. Они медлили, но было ясно, что ни огонь, ни стрельба их уже не пугают. За годы без человека эти страхи совсем забылись. В грузовике щёлкают затворы и стонет раненый.

– Раньше времени нельзя, – быстро говорит Мёдов, силясь не перейти на шёпот. – Всех не убьём, сюда доберутся.

– Может, машину завести, напугать?

– На ключи, добеги до кабины, – отозвался шофёр.

Мёдов продолжает.

– Багров, Смирнов, Ищенко – ко мне. Мы стреляем, пустите к борту. Остальные заряжают и подают оружие. У каждого за спиной второй номер.

Сержанты перегруппировались. Волки дождались и напали.

Многие кричали, чтобы не оглохнуть. Те, кому в лицо прилетали гильзы, кричали матом. Вторые номера усердно меняли магазины. И хищники сдались. Макс был уверен, что шквал огня напомнил им всю боль предков, вынесенную от людей.

До утра никто не уснул. Волки отстали, но надолго не уходили. Слышался шорох утаскиваемых туш.

С первыми лучами, которые не могли пробиться через тучи, принялись сооружать перевал. Понадобилось много деревьев. Их рубили и пилили. Мудрствовать особо не пришлось. Несколько человек перебрались на другую сторону и верёвками перетянули туда отёсанные стволы. Затем вкопали их с обеих сторон пропасти – по три бревна на каждую колёсную колесную пару.

– Выдержит? – с сомнением осведомился Мёдов. Багров успокоил командира.

– Сейчас снизу подопрём, тогда выдержит.

На подпорку ушли все доступные деревья вблизи и куча времени. Наконец закончили, внимание переключилось на грузовик. Лебёдку зацепили за пень с той стороны.

– Толку нет, но пусть будет.

Водитель без промедления, только сказали о готовности, запрыгнул в кабину и завёл двигатель. Передние колёса заехали на «мост», и машина

остановилась. Стоявшие на дне оврага почувствовали, как скрипнули опорные столбы.

Водителю просигналили, и он продолжил движение. Снова остановился, когда на «мост» заехали задние колёса. Вся конструкция ощутимо просела, шофёр вцепился в рычаг, готовый дать задний ход. Но ничего не провалилось, и грузовик двинулся дальше. На финишном участке машине чуть ускорила и легко перевалилась на твёрдую почву.

В джип геологов, перебежав обратно, сел тот же шофёр. Более лёгкую машину он перегнал легко. Теперь очередь за прицепом. Его вручную подтолкнули к мосту и сцепили тросом с ГАЗом. Грузовик осторожно потянул, парни сменили по брёвнам, контролируя прицеп. На половине пути у ГАЗа кончилось место для манёвра, он сдал назад, натянул трос и снова поехал.

На стоящих внизу сыпалась земля, как вдруг раздался треск. Подломилась одна из опор, её крепче обхватили руками. Макс задрал голову, там прошли половину пути, а «мост» начал расползаться.

– Переходим!

Парни бросились к двум последним столбам и обняли их. За спиной рухнуло надломленное дерево.

– Держим, стоим! – крикнул Макс на готовых разбежаться.

– Попадает всё! – возразили ему, но остались на местах.

Ствол в руках резко ухнул в землю, когда принял тяжесть сверху, а затем прицеп вытянули на другую сторону.

Никто не может разжать рук, опорам передаётся людская дрожь.

На переправу угрохали половину дня, но это всё равно быстрее, чем огибать препятствие. И гораздо интереснее. Проблемы начались с личным составом: покусанный волками боец стал совсем плох, его бросает в жар. Имеющихся медикаментов недостаточно, требуются антибиотики. А до них ещё пара сотен километров.

10

Жизнь каждого особенна, неповторима и уникальна. А задают ей курс в Новосибирске, здесь собралась элита во всех сферах. В центре города первые

лица собрались на плановое совещание. В просторном кабинете на третьем этаже Белого Дома не много людей, но значат они для страны – а в их мыслях и для всего мира – очень многое.

Сам президент обосновался в шикарном кожаном кресле, одесную его статуей встал, не садится министр обороны – генерал, а слева расположились двое мужчин в удивительно похожих чёрных пиджаках. Эти отвечают за индустрию и ход внутренних дел в целом. Обещавшийся быть начальник разведки, увы, куда-то запропастился. Зря, его и так критикуют за безрезультатную трату бюджета.

Прежде чем начать, президент ещё раз внимательно оглядел присутствующих, стараясь угадать, кто с какими новостями. Иерархию значительно упростили из-за уменьшения правительственного аппарата – сама страна стала меньше.

– Кто первый? – голос президента соответствует его облику молодого мужчины с властным, но безнадёжно уставшим лицом.

Первым приподнял голову один из чёрных пиджаков, ему и предоставили слово.

– Ничего сильно нового я не скажу, всё с моей стороны остаётся прежним. Повторюсь: для ускорения работы в сфере индустриализации добываемых сейчас ресурсов и количества рабочей силы недостаточно. Я даже не могу запустить простаивающие машиностроительные заводы на юге области...

– Раз у тебя ничего нового, – перебил президент, – то не стоит воздух сотрясать. Я все просьбы слышу, надо всем работаю, и не Вам высказывать претензии.

Нрав главы всем известен, никто давно не перечил, докладчик молча сел. Показалось даже, что едва заметно склонив голову в знак извинений. Следующим отчитался генерал, начал с цифр: сколько солдат поступило на службу в последние месяцы, как идёт обучение офицерского состава, как обстоит дело с техникой. К такой манере говорить все привыкли и не перебивали, ожидая перехода к вещам важным и насущным.

– Что касается положения в нашем регионе, то наблюдается активная деятельность бандитских групп, организованных, скорее всего, мятежным движением. Ими проводятся набеги на склады, другие точки. Благодаря своевременному противодействию сил армии, – продолжал чеканить министр. – Все атаки отбиты, преступники уничтожены или схвачены.

Он сделал паузу, глотнул воздуха, никто не вмешался ни вздохом.

– Из важного. На севере, вот здесь, – он ткнул в карту на стене, – на днях разбили один отряд, но упустили командира. А он, по словам осведомителей, фигура важная. К главарю близок, много знает, за много в ответе... И перед нами.

– Раз такая личность, почему упустили?

– Работаем. Я лично отрядил на поимку элитную группу.

– Где достали?

– Случайно, честно говоря. Они в Абакан движутся вопрос решать. Подумал, пускай к нам заглянут, помогут.

Закончил совещание помощник министра внутренних дел коротким сообщением об общем состоянии народа, до того привычном, что президент махнул. Министр глянул в папку на доклад о слухах в северных городах, но прикинул что-то своё и захлопнул папку.

– У меня всё.

– Мало чего нового, ничего хорошего, – подытожил президент. – Спасибо всем, вы свободны.

Выступающий последним неспешно встал из-за стола, так же наравне со всеми вышел из кабинета, попрощался и, будучи не в силах терпеть, бегом пустился к лифту. Когда заканчивается общение с начальством, настоящая политика только начинается. По пути на последний этаж мужчина посмотрелся в зеркало, поправил галстук чёрного цвета, сочетающийся, как и пиджак, с темнотой глубоких глаз на молодом остроносом лице. Антоне Валерьевич Гловацкий, так его зовут, один из многих, кто занимает пост по наследству. Этот давно забытый преемственный принцип передачи власти возродился вновь. Что интересно, в остальных сферах деятельности господствовала платоновская идея разделения труда по способностям и умениям.

Гловацкий дождался, наконец, остановки лифта и бодро зашагал к двери ничем не примечательного вида. В кабинете должен ждать давний друг, он заведует не бог весть чем – транспортом, но в затее будет весьма полезен. Гловацкий постучался, чтобы товарищ успел натянуть штаны, если решал вопросы с секретаршей, и вошёл. Секретарши не наблюдается, штаны на месте, работа кипит.

– Здорово, Тимоша, хватит бумагами шуршать.

Тимоша, он же Тимофей Валерьев, засиял улыбкой и обнял товарища. Его рубашка пропиталась потом от грузного тела, но обычно брезгливый Гловацкий даже не заметил. В такие моменты ему казалось, что они ещё совсем дети, за это ощущение он готов простить что угодно.

– Военные занялись Абаканом, а я не в курсе. Это важная тема для нас, ты что-то знаешь?

– В общих чертах, – Тимоша откатился на стуле под открытое окно, отдышался. – Наши не хотят, чтобы Шепелев занялся Саяно-Шушенской ГЭС. Считают, бизнесмен и так многое подмял.

– Да, да, знаю, великие умы наконец додумались сами заняться своей страной. Что предприняли?

– Отдали на откуп военным, а ты их методы знаешь. Какая-нибудь диверсия, резня, тела.

– Знаю... нам это не нужно. Я отправлю своего человека.

Гловацкий покачал головой.

– Как мне всё не нравится. Ну не чувствую себя великим политиком!

– Зато я чувствую. Давай о духовном в другой раз, ладно? Найди для него транспорт, это в твоём ведомстве.

Тимофей пообещал, Гловацкий поблагодарил и не стал мешать. В коридоре встал, сжимая кулаки и задыхаясь. Чуть не проморгать такое! Кто-то недорабатывает или недоговаривает. Саяно-шушенская ГЭС... Саяногорск давно заброшен, в нём дикие звери, вокруг сплошной лес, доходящий до Монголии. Крупнейшая когда-то электростанция простаивает годами, к ней никак не могут добраться. Даже у Шепелевых всё руки не доходят. И вот дошли, судя по реакции правительства. Гловацкого это не устраивает, он многое ставил на монополию Шепелевых.

Когда он понял, что настал черёд пачкать руки, стал искать умельцев.

Некоторые пытались привлечь военных, но те всё равно подчиняются своему руководству. Гловацкий поступил иначе и теперь держит при себе человека из бандитского мира. Тот работал один, зовёт себя Багратором и руководствуется принципом: верен тому, кто заплатит не больше, а первым.

Первым заплатил Гловацкий.

11

Баграту сообщили точное время, когда появится нужный состав. Он идёт транзитом с другого конца региона в Минусинск, что восточнее Абакана. На станции Баграт был за час до срока. Будка, стрелки и пустой амбар – вот и вся станция. Можно отметить разве что высокую платформу для разгрузки вагонов. Наёмник представился железнодорожникам, о нём протелеграфировали. Работники объяснили, заверили, что поезд не остановится, лишь замедлит ход, чтобы не терять время и драгоценное топливо. Баграт не возражал, он запрыгнет и на ходу.

Загудели рельсы, и вдали показалось облачко дыма. Баграт попрощался с двумя местными, взял с них обещание вернуть его лошадь в посёлок и вышел к рельсам.

Состав начал тормозить заранее, с искрами и гулом, Баграт разглядел фигуру, высунувшуюся из первого же вагона, она призывно машет рукой. Баграт напрягся и в одно движение вскочил на подножку, его поймали под руки.

– Порядок? – осведомился помощник машиниста с грязным и пыльным лицом.

Баграт кивнул. Пока не закрылась дверь и не пропал свет, оглядел вагон, полный ящиков.

– К нам в кабину?

– Нет, я здесь отдохну.

– Ну ладно. В углу мешки с крупой, они мягкие.

Баграт остался один. Нащупал мешки и завалился в них. Стук колёс бьёт в голову, но заснуть ему не мешает. Вообще мало что на это способно.

Когда показался тепловоз, Артём, Серёга и сорокалетний Иваныч укрылись в кустах напротив станции.

– Дело тухлое, я не понимаю, что ловить на этом полустанке.

– Нам бы в поезд забраться, а на нём махнуть до города.

Мечты иногда сбываются: тепловоз протяжно загудел и стал тормозить. Повстанцы переглянулись.

– Давай-ка ближе.

Они пропустили половину вагонов и уцепились за поручни. Вагон оказался контейнером без дверей и крыши, поэтому забрались внутрь сверху. Оказались среди стройматериалов.

– Если найдут, чего скажем?

– Как и договорились, что бежали из Белово, там, мол, совсем тяжко. Кто проверит?

Иваныч достал банку консервов.

– Одну на всех? Неизвестно сколько ещё нам ехать.

Трястись в стальной коробке с дровами вскоре надоело, решили отправиться на разведку.

– Старики могут остаться, – усмехнулся Серёга.

Иваныч махнул на него рукой и с головой накрылся курткой. Серёга, двухметровый крепкий парень, запрыгнул наверх и помог забраться Артёму. Отсюда открылся вид на вереницы вагонов в обе стороны. Те, что впереди, накрывает дымом из трубы. Двинулись в хвост поезда. Стоило Артёму глянуть вниз, колени подогнулись, он крепче ухватился руками. Серёга это заметил, но ни слова не сказал, только пропустил товарища вперёд себя, готовый подхватить.

Два вагона оказались такими же «ковшами» с тем же грузом. А следующий – вполне полноценным, с крышей, дверью и окнами. Легко открыли и забрались внутрь.

– А вот это уже серьёзно.

Шесть ящиков – под сбитой крышкой обнаружили фасованный тротил. Серёга присел на корточки и погладил находку.

Баграт спал беспокойно, часто просыпался. Тогда начинал думать о цели поездки и снова засыпал. На этот раз его разбудил толчок. Баграта потянуло по полу, в полусне он ухватился за ящики, поезд тормозил со стоном – пробрало до желудка. «Приехали, что ли?». Баграт поднялся и перешёл в локомотив. В кабине машиниста собрался весь персонал – сам машинист и два помощника.

– Пути открыли, а проверять некому. Хорошо ещё идём не скоро, – произнёс машинист.

Баграт и сам всё видел: дорогу перекрыли два упавших дерева.

– Ураган был, – помощник указал на вывороченные корни и другие пострадавшие деревья. – Не диверсия, всё в порядке, – усмехнулся он.

Баграт покосился на весельчака. Машинист, грузный дядька с бородой, не разделил радости.

– Ждать нечего, берём пилы, топоры и все на улицу.

Иваныч дождался своих.

– Что такое? Станция?

Серёга присмотрелся с крыши.

– Что-то на рельсах лежит, стоим... О! Все вышли, несут инструменты.

– А мы почему сидим? – посмотрел на ребят Иваныч. – Давайте-ка в лес и оттуда как местные – помогём.

– Оно надо?

– Надо! Попросимся на поезд в благодарность. А так пройдёт «помогала» по составу, нас увидит – что делать?

Он угадал. В пылу работы никто не поинтересовался, откуда в глуши троица явно не рублёвской работы. Им просто кинули по лому и показали, какое бревно сдвинуть. Расправились с древесиной и расселись на шпалах, вытянули ноги. Начало темнеть.

– Дойдите кто-нибудь до путевого столба, где мы – хотелось бы знать, – попросил машинист.

Отправился один из помощников. Второй, неугомонный болтливый оптимист, вцепился в новоприбывших. На их счастье, его совсем не интересовала их история, ему было важно рассказать свою, из которой интересным были паузы, чтобы отдышаться.

Баграт присмотрелся к новичкам, просканировал каждого и отвернулся. Простые работяги, коих много, сбежавшие в поисках лучшей жизни. Не ему им объяснять, что таковой не предусмотрено.

Теперь они присоединились к Баграту в его «спальном» вагоне. Он чувствовал неловкое молчание, но не собирался его нарушать и отвернулся к стенке. Распластался на мешках и закрыл глаза. Как и ожидалось, троица разговорилась – вполголоса, осторожно начал Иваныч.

– Вы скажите, что там всё-таки нашли?

Баграт аж дышать перестал, прислушиваясь: почувствовал скользнувший по себе взгляд.

– Кучу ящичков тротила.

12

Когда машину трясло на ухабах, Макс морщился от стонов раненого. Тот лежит на коленях у Ерёменко. Разговоров в кузове нет совсем, каждый понимает, насколько призрачны шансы товарища добраться до города.

Теперь в грузовике едет геолог-врач. Он уже несколько часов не осматривал сержанта, не видя возможности помочь. Когда ловил взгляды, виновато разводил руками.

Мёдов снова бездумно провёл по карте пальцем, взглянул на всё тот же пейзаж впереди.

– Скоро сворачиваем, лес начнётся.

– Я помню, – отозвался шофёр. – Лучше решайте, как будем горы объезжать.

Мёдов сжал зубы. Он не представлял, как определиться с маршрутом. Привыкший полагаться на факты и объективные причины, лейтенант имеет сейчас в распоряжении лишь интуицию. Он знал, что никогда не выяснит, верным ли окажется решение, и от этого мучился ещё больше.

Судьба, глядя на обилие проблем, подкидывает новые. Форсируя ручей, распороли покрышку о камень на дне, пришлось менять. Мёдов наорал на водителя, затем остыл, но извиняться себе не позволил. Шофёр махнул рукой и занялся домкратом. А вокруг опять темнеет, подошёл геолог.

– Мы остановимся сейчас?

Мёдов покачал головой.

– Хотелось бы не здесь.

– До темноты ещё можем успеть к ущелью.

– Только к северному, – посмотрел лейтенант на карту.

– А к южному нет смысла и соваться.

– Да, – кивнул Мёдов и свернул карту. – Тоже так считаю.

С колесом справились за минуты, включили фары и поехали дальше.

Стемнело окончательно, но путь продолжили – медленно, по компасу, рискуя заблудиться. Под колёсами чувствуется жёсткая каменистая почва, машину подбрасывает на камнях.

И вот фары упёрлись в стену, водитель дал по тормозам. В течение минуты Мёдов смотрел по сторонам, потом выпрыгнул из машины. К нему подошёл Багров.

– Темень одна, не найдёмся.

Лейтенант заторможено кивнул и приказал разбить лагерь. Теперь, опасаясь диких зверей, смотрели в оба.

Ночью Мёдов не мог заснуть. Он боялся утра, которое покажет, ошиблись ли они с маршрутом. Сидел в тени, в стороне от костра и часовых, и кутался в куртку. Тёплая кабина ему осточертела. Кто-то подошёл, это был Смирнов Максим.

– Как там?

– Еле дышит, пульс редкий, но жар пропал.

– Может, выкарабкается... ты-то как?

– А что я? – удивился Макс.

– Мне напомнить?

Сержант не отвечал. Затем откашлялся.

– Свою вину я всё время чувствую, не волнуйтесь.

– Я этого не приказывал. Реши, кто он тебе теперь, ответ может быть лишь один.

Макс ушёл в кунг, Мёдов переместился к костру, огонь осветил напряжённые скулы и нахмуренные брови.

Утром появился повод радоваться: по темноте ошиблись всего на полкилометра. Теперь же въехали точно в нужное ущелье. На удивление

ровная поверхность, видимо, шлифованная когда-то рекой, позволила разогнаться. ГАЗ бодро взревел мотором, вездеход рыкнул чуть позади.

Следующие шестьдесят километров пролетели по устью давно высохшей реки, рассекающему скалы. Геологи заверили, что это один из притоков Томи.

Но вот почва под колёсами стала менять цвет – в землю как-будто вернулась влага. И вскоре машины въехали в ручей. Его не слышно за шумом двигателей, он вытекает из-за камней и наполняет водой колею. Мёдов вскинул руку, но водитель, помня горький опыт, уже затормозил. Вода плещется под колёсами, по ней стреляют лучи фар.

13

Спутники вполголоса обсуждали перспективы, но не могли решиться. Баграт хмыкнул, эти ребята ему подходят, а вербовать он умеет.

– А хотите заработать, парни?

Те вздрогнули, обернулись.

– Порядочно возьмёте. Стащим ящики, о которых столько базару, получите свою долю с реализации.

– Нет уж, – возмутился Серёга. – Долю оставь себе, а нам всё остальное.

Баграт пропустил это мимо ушей, отогнул рукав с часов.

– У вас полчаса на раздумья, потом без меня.

Решено, компаньоны перебрались в нужный вагон. Попробовали груз на подъём, для четверых оказалось реально. Артём притащил доски, из них соорудили полозья.

– При остановке вытаскивать нам не дадут, – произнёс Баграт.

– Сбросим заранее, – предложил Серёга.

– Если не рванёт, то ящики точно побьём на такой скорости. Кто-то в поездах понимает? Может замедлить?

Отозвался Иваныч.

– Могу, но к движку пробраться надо.

– Отлично, устроим.

Когда Баграт зашёл в кабину узнать об оставшемся времени в пути, машинист ответил, сверясь с картой. Баграт поблагодарил. Уходя, задержался возле двери:

– Чего это у вас замок клинит?

– Нормальный замок, – бросил машинист через плечо.

Баграт пожал плечами и вышел. Вернулся к сообщникам, все трое на взводе. Баграт поманил Иваныча. Тот передал вещмешок, в нём звякнуло.

– Как всех уведу, заходи и работай.

И вдвоём пошли к голове поезда. Во втором вагоне Баграт выдохнул, приосанился, натянул улыбку и перешёл в локомотив.

– Айда в кабину, дело есть, – приобнял он помощника и тряхнул вещмешком, при надобности он умел даже улыбнуться.

У дизеля дежурил знакомый уже болтун и лодырь, уговаривать его не пришлось.

– Хочу благодарность вам скромную оформить. Без вас бы просидел в той дыре ещё недели две, а мне в управу срочно.

– Так ты большой человек, земля? – удивился машинист.

– И среди больших бывают свои люди, – усмехнулся Баграт. – Давай стаканы.

И, гипнотизируя журчаньем литровой бутылки, прикрыл ногой дверь. Замок щёлкнул и закрылся намертво.

Иваныч, наблюдавший из-за махины двигателя, тут же подскочил к насосам. Церемониться не стал, перекрыл все. А затем перевернул на них ручки вентилей, чтобы с виду было не заподозрить. И бегом в вагон к ребятам.

Дизель захлебнулся чуть ли не сразу: труба плюнула дымом и поезд стал замедляться.

– Ух... мать! – машинист подавился водкой.

– Давление упало, – подсказал помощник.

– Я умею стрелки читать! Бегом в машинное!

Стук! Парень ударился в дверь, подёргал ручку. Баграт прищурился.

– Что ещё? – машинист побагровел явно не от водки.

Мощная дверь не поддавалась ни плечу, ни пинкам. Монтировки под рукой не оказалось. Помощники переглянулись, топчась на месте.

– Сказал же – клинит, – заявил Баграт. – Давай вылезу через окно и открою с той стороны.

– Будь добр, – махнул машинист рукой, плюхнулся на стул и взял бутылку.

Помощники остались вытянуты по струнке, не понимая, лежит ли вина на них. Баграт легко выскользнул наружу и подтянулся на крышу. Оценил обстановку – поезд почти замедлился до нужной скорости. Баграт посеменил по крышам к нужному вагону.

Там уже приготовились. Баграт шмыгнул внутрь и без слов взялся за ящик. Одним рывком его поставили на полозья и бережно спустили вниз. Разжали руки и отпрянули, отвернувшись, – а ну рванёт? Не рвануло, даже ящик уцелел – скорость совсем упала. Взялись за следующий.

Только выкинули последний, поезд дёрнулся. Баграт поднял голову.

– Вылезли, кажись...

Иваныч швырнул доски в угол вагона.

– Уходить надо.

– Так точно. Пусть считают, что я сорвался, а вы испарились. Давай за мной, пока не разогнались.

И сиганул вниз. Серёга, оставшись последним, бережно прикрыл за собой дверь и кувыркнулся по гравию. Вагоны прогрохотали мимо.

14

Военные всё-таки решились проехать прямо по дну, благо глубина речки позволяет. Для обнаружения подводных препятствий к бамперу приторочили деревянный щуп. На карте устья нет, но ведёт оно, кажется, в нужную сторону.

Последний час Мёдов без усталости ёрзал по сиденью, чем нервировал водителя. И вот он замер. Река забирала влево, и чувствовалось – воды в ней прибавляется. Туда же по течению вытянулась стрелка компаса, а нужно на восток. И машины выбрались на берег.

Мёдов высунулся из окна и крикнул остановиться. Скрипнули тормоза, а в следующий миг взгляд уловил вдали мираж. Лейтенант прищурился. Боясь оторвать взгляд или вспугнуть видение голосом, взял за плечо подошедшего Макса. Тот перехватил взгляд.

– Дым, товарищ лейтенант...

– Геолога сюда! – хрипло приказал Мёдов. Тот уже был здесь.

– Сорск?

– Вероятно... Должен быть он!

– Поехали! – Мёдов помахал рукой.

Хлопнули двери, машины газанули. На следующие полчаса пространство заполнили звуки моторов и дико бьющихся сердец. А потом открылась долина с домами и пространством вокруг.

– Обнимитесь, парни, – постучался в кузов Мёдов.

Оттуда грянуло «ура». Макс прижался губами к горячему лбу соратника, которого всё-таки довезли.

В забытый город въезжали с гудками и на остатках бензина. Зрелище собрало зрителей. Больницы не оказалось, но местный всезнайка посоветовал живущего на этой же улице доктора. Тот оказался на месте, не удивился гостям и сразу принял раненого. Остальных без церемоний оставил за дверью. Бойцы с геологами в изнеможении расселись на земле. Мёдов наладил контакты с населением – вызвавшийся помогать мужчина вкратце рассказал о происходящем в округе и порадовал сведениями о наличии здесь топлива и исправной дороги до Абакана.

– Старшего можно? – позвал врач из-за двери.

– Очень долго ехали, парень почти что в коме. Вozить его больше нельзя, это понятно?

Мёдов кивнул.

– Я потрачу на него последние антибиотики. Если не поможет, других средств у меня нет.

– Он выживет?

– Что могу – сделаю.

– Мы едем в Абакан, могу достать лекарства.

Врач покачал головой.

– У них самих острый дефицит, а медицина не должна подчиняться даже военным, – он помолчал. – Вы вернётесь?

– Не знаю.

– Хм... В Центральной есть доктор Виктор Валентинович. Он знает, как со мной связаться. Поинтересуетесь здоровьем товарища... или попрощаетесь. Мёдов крепко пожал врачу руку. Тот закрыл за ним дверь.

Геологи отблагодарили каждого бойца, Мёдову старший вручил скрепя сердце свою карту – дар бесценный. На том расстались. Местные не рискнули требовать плату за топливо, ещё и накормили военных. Последние километры ехалось веселей – на полный желудок.

В Абакан въехали незамеченными. Заглушили мотор в тихом местечке и собрались в кунге с командиром, какое-то время молчали.

– Парни, – начал лейтенант, – выдохните и забудьте. Мы профессионалы и делаем работу. Ясно?

Ответили нестройным «так точно» и неуставным «да».

– После того что было теперь я уверен в каждом. Поэтому говорю: наша задач – диверсия. Помните, мы сейчас в особенном месте, единственном в своём роде. Этот город неохотно подчиняется правительству, и любить за красивую форму нас не будут, – Мёдов похлопал по снятым погонам.

– Привычное дело, – заметил Макс.

– Не думаю. У власти частные лица – семейка Шепелевых, владельцы водной монополии. И мы ударим как раз по ним.

Мёдов помолчал.

– Посвящать вас в политические причины не буду, тем более что сам всего не знаю. Слушайте приказ.

Для успешной операции требуется разведка. Нужно проверить ключевые точки в городе, на что ушла половина состава. Затем наведаться в самый центр и покрутиться у порта, где обитает диаспора. Этим занялся Мёдов со своими сержантами. Макс с Димой же досталась тонкая работа – пройтись

по значным местам и отыскать подходы через криминальные и околориминальные структуры – в Абакане группировки сильны. Их сведения, а то и помощь сильно бы помогли. Так, полноценного в общем-то отряда хватило впритык

Оставшись без автомата и чувствуя под ногами асфальт вместо грязи, Макс ощутил дикуую свободу. Навстречу стали попадаться люди. И чудо, они не обращали внимания на незнакомцев. Сержанты переглянулись.

– Как ни странно, мы больше похожи на нищих, чем на защитников отечества, – оценил Дима свой внешний вид.

Они вышли на площадь. Названий улиц нет, но они бы всё равно не помогли. При этом Макс был уверен, что Мёдов тем временем чешет к цели напрямик, словно жил здесь с малых лет.

– А может, ну его, – Дима блаженно растянулся на бетонном постаменте. – Отдохнём, потом в строители наймёмся. Найдём девчонок, заживём как люди.

– Надо бы поспешить, – покачал головой Макс.

Дима подскочил, потирая спину.

– Ладно. Больно здесь камни холодные.

Донёсся шум.

– Какой сегодня день?

– Видимо, выходной.

– Что-то я не помню такого слова в других городах, – сказал Макс.

Шум стал громче и оказался музыкой вперемешку с хором и стуком кружек. И правда событие редкое. Макс с Димой подошли к двери и толкнули внутрь – попали во мрак. Пока глаза не привыкли, стояли у входа. Помещение оказалось полуподвальным, узкие окна под самым потолком, но не дают света – на улице вечерет. Макс подтолкнул товарища в спину, он увидел свободный столик. Их было немало, весь люд собрался у стойки и подпевал невидимому за спинами гитаристу. Акустика что надо, и музыка слышна всюду. Песню парни не знали, поэтому слова из общего гомона понимали через раз.

Вот, по эмоциям, наметилась кульминация, и зал наполнили аплодисменты, на них откликнулась звоном струна. Люди расселись по местам, захватив новые бутылки. К Максусу с Димой на скамью плюхнулся рыжий парень с лицом, только оперившимся светлым пухом.

– Позвольте? – потянулся к чехлу от гитары, который друзья не заметили.

– Так это твоё место.

– Ничего, – махнул музыкант. – Нам сейчас выпить принесут, угощу вас.

Он убрал гитару, смахнул чёлку с лица и откинулся назад.

– Умаялся совсем. Чёрт дёрнул морские песни им исполнять.

– Морские?

– Это же моряки после рейса отдыхают.

Макс ещё раз оглядел присутствующих.

– Поверишь, никогда раньше моряков не видел.

– Не местные? Извините, не представился.

Музыкант поднялся, протянул руку.

– Арсений. Любимый всеми бард, но не самый лучший.

– А кто лучший?

– Не знаю, я такого пока не встречал.

Посмеялись, выпили креплёного вина. Дима под предлогом знакомства с городом попросил рассказать о происходящем здесь. Арсений стал расхваливать пабы и ругать рынки, говорить о разливах Енисея и о своём желании спеть людям с Карских островов. Макс остановил его, взяв за локоть.

– Слушай, я не хочу врать. Мы же не туристы и не беженцы. Мы приехали заработать – и не самым законным путём. Ты можешь рассказать, где нам будут рады? А острова я бы сам с удовольствием посмотрел, – добавил он с улыбкой.

– Преступники, значит... злодеи отъявленные. Ох-хо-хо! За это нужно выпить, – Арсений сделал знак бармену. – Вы обратились по адресу, знаю местечко.

Макс и Дима переглянулись.

15

Сообщники перетащили ящики со взрывчаткой в под холм, укрыли их ветками, для чего пришлось вырубить весь кустарник.

– Оставили бы на месте, тут всё равно глушь – никто не увидит, – отдышавшись, заявил Серёга.

– Ну так выстави их обратно вдоль путей, – огрызнулся Баграт.

Он лежал на траве раскинув руки и морщился от ветра, обдувающего потное лицо.

– Нужно сторожить, пока не доберусь до покупателя. Кто со мной? Кто-то обязательно, – добавил он, не видя желания. – Всех при грузе не оставлю.

Вызвался Артём, и они отправились в ближайший населённый пункт – Красноозёрный. Через полчаса усталые ноги принесли путников, как когда-то странствующих менестрелей, к стенам города. Стены, правда, так себе – забор. Зато город процветает – Красноозёрный является поставщиком рыбы в округе. Жители отгородили любимое озеро от потоков грязной воды с речного производства и выращивают такие виды, которые в других водоёмах не приживаются. Хотя казалось бы, пережившие ядерную войну существа должны теперь адаптироваться всюду.

Баграт поозирался, перекинулся парой слов с местными и уверенно повёл за собой. Он остановился у одной из множества рыбацких лачуг на окраине города, Артёму сказал остаться снаружи и зашёл.

В ноздри шибануло особой смесью отсыревших сетей, мёртвой рыбы и крепкого пойла. Прямо на полу развалились храпящие тела. Баграт растолкал ближнего и спросил, где найти Витьку Лохматого. В ответном потоке ругани всё же уловил слова «третий канал» и решил сначала проверить это, затем уже другое подсказанное направление.

Каналы пересекают Красноозёрный насквозь, и повезло, что искомый Витька нашёлся рядом, а не на другом конце города.

Лохматым он не был, наоборот – блестит лысиной даже без солнечного света. Незнакомцев мужчина заметил издали, но отвлекаться не стал. Он проверял работу насоса.

- Салам алейкум! – подошёл к нему Баграт.
- Я похож на татарина?
- Ты похож на доброго человека. Говорят, щедро платишь за полезные вещи.
- Верно говорят. Чем торгуете?
- Тротилом. Шесть вот таких, – показал руками, – ящика. С поезда сняли, совсем недалеко.
- Вот таких, говоришь... Одной «Газелью» заберём?
- Конечно.
- Поехали – покажешь.
- Обернулись за пятнадцать минут, машина с грузом исчезла где-то в глубине посёлка, Баграт знал, что постороннему её теперь не найти. Витька подозвал его, отсчитал деньги. Баграт взял, но не отстал.
- Мне нужно кое-что ещё: контакты кого-нибудь из порта.
- Не было уговора.
- Брось! – Баграт наклонился сверху прямо к лицу. – Тротила тут полно, ты ещё станцевать мне должен.
- Витька закусил губу, потёр ладони.
- Ладно, слушай сюда.
- Когда Баграт закончил, повстанцы уплетали суп.
- Во жрут! А мы этой рыбой уже давимся, – рассмеялся один из мужиков.
- Баграт отдал ребятам деньги.
- Ого, а с тобой приятно работать! – Серёга потрепал его по плечу.
- Тот глянул с прищуром и что-то прикинул.
- Ещё хотите? Есть тут одно дельце. Поднимемся – мама не горюй.

16

Когда начинает холодать, с погодой меняется и ветер. Он становится злым, колючим и проникает в дом отовсюду. Игорь не стал дожидаться очередного

сквозняка и выскочил на улицу. Вдохнул туман, похлопал по затёкшим бёдрам, размял шею и побежал. После долгой езды все приходят в себя и отсыпаются, а он заложил вираж вокруг потухших зданий. Игорь не фанат утренних пробежек, но ему необходимо взбодриться.

На втором круге заметил вышедшую из двери Иру, сделал невозмутимое лицо и ускорился, отчего чуть лёгкие не выплюнул. Исчезнув с поля зрения, сбавил темп и задумался. Обожавший наведаться к девочкам в самоволку, Игорь до сих пор не обратил внимания на эту. А ведь она хороша, к тому же наверняка благодарна за спасение.

Игорь перешёл на шаг, успокоил дыхание и вышел на пространство, помахал рукой. Девушка спрыгнула с крыльца и пошла навстречу. Игорь остановился, любуясь: под курткой угадывается хрупкая фигурка, а не убранные ещё в хвост рыжие волосы горят самым ярким пятном в округе.

– Привет.

– Доброе утро.

– Кроме нас кто-то проснулся?

– Да, они болтают на втором этаже.

– Прогуляемся, -- предложил Игорь, – покажешь мне округу. Ты ведь жила здесь?

– Да... – Ира огляделась и показала рукой. – Пойдём вон туда.

Они прошли через стоянку машин и оказались у подножья холма.

– Осилишь? – усмехнулась Ира.

– Я же спортсмен.

По редкой траве и гравию забрались на вершину, Игорь подал спутнице руку. Здесь обнаружили трубы вентиляции.

– Смотри, – показала девушка.

Взору открылся чудный вид: огромная серая равнина. По ней строго на север тянутся дороги, они утыкаются в горизонт и пропадают из вида. А там, дальше – огни, дым. Оттуда, с севера вдруг налетел ветер, но от него не захотелось прятаться. В этом ветре был запах жизни, была сама жизнь. Игорь совсем забылся и поймал внимательный взгляд Иры.

– Меня тоже впечатляет, – сказала она.

– Что это за город?

– Кемерово. Крупнейший в области. Но там всё как и везде: производство, люди, бедность. Есть наши друзья.

Игорь глубоко вздохнул. Ему страстно хотелось действовать, но он не знал с чего начать. Он предавал ради новой жизни, полной свободы. А трястись в грузовике по пути на очередной перевалочный пункт мог и со старыми товарищами. Ира продолжала говорить.

– Мы ходим в город. У нас контакт со всем производством и хозяйством, помогаем им, они нам.

– Это что, везде так? – перебил её Игорь.

– Как?

– Повстанцы живут на отшибе, просят еду и воруют у государства топливо.

– Ну... – Ира замялась. – Не совсем так. Но мы одна из главных баз...

– Значит, везде, – махнул Игорь.

Он схватил Иру за руку и заговорил порывисто, глотая воздух.

– Всё впустую! Вы же ничего не делаете, вы в тупике! Сколько лет это длится? Если тактика не приносит плодов, её нужно менять. Нужно захватить все умы этого города, всех городов! Тогда будет сила.

– Ты неправ! – аж покраснелась Ира. – Ты не знаешь, с чего начиналось. Очень многое сделано для этой жизни, которую ты зовёшь пустой.

Игорь покачал головой.

– Недостаточно много. Власти даже внимания на вас не обращают, вы для них не опасны. При этом захотят – прихлопнут.

– Ты не страдал и не боролся с нами... Ладно, хватит. Будешь на совете, там и расскажешь всё это.

Ира замолчала, Игорь усмехнулся и произнёс:

– Мне обещали такую возможность.

Они спустились назад, лагерь очнулся и занялся завтраком. Игоря сразу заметил Саша и уволок за собой. В отдельной комнате на третьем этаже собралось всё командование. Незнакомым был черноволосый крупный мужчина в сером свитере. Игорь кивнул, он поднял глаза, но не перестал отбивать такт вилок.

– Миша Крутов, он же Крутой, наш главный, – выдохнул в ухо Саша, бородой уколол в щеку, Игорь поморщился.

Принесли яичницу с хлебом. Оголодавшие мужчины молча вгрызлись в пищу. А потом заговорил Крутов. Игорь собирал с тарелки последние крохи, Саша толкнул его под столом. Никто не ел, все слушали.

– Я поднялся на крышу сегодня. Наш посёлок невелик, мы его прокормим, если город от нас отвернётся. Но если власти пойдут дальше, как защитить людей без ресурсов? Мы же согласились, что на диверсию будет реакция, поэтому её нужно довести до конца. Мы убедили соратников в городе, что способны на это, и они нас поддержали. И теперь вы вернулись с потерями и без результата.

– Но мы вернулись, – возразил угрюмый голос.

– Зачем?! Вы же знаете мою позицию! Наши жизни – ничто. Пускай бы там осталась половина, но вы привезли мне проклятое горючее, барахло из каравана и пустили под откос какой-нибудь поезд. И тогда с нами будут считаться, за нами пойдёт народ. – Крутов остановился, отдышался. – Вот в чём суть! Заявить новую силу, а не обустривать дачный посёлок для беженцев. За нами пойдут, если поверят в нас... Я говорю это не первый раз.

Ему не возражали. В тишине зашёл повар и принёс чай, за ним скрипнула дверь. Игорь медленно протянул руку от стола к потолку.

– Я могу сказать?

– Можешь, раз ты в этой комнате.

– Есть идея, как это сделать.

Мужчины вокруг переглянулись, Крутов жестом велел продолжать.

– Нужна провокация, масштабная и точная.

Игорь не был примерным учеником в разведшколе, но схватывал на лету. И теперь сразу понял, как спасти ситуацию. Идея проста: выставить власти с

худшей, самой гадкой стороны и показательно спасти от них жителей. Как пример, нагрянуть в город самим в чёрных масках и провести карательную операцию за помощь мятежникам. А потом полечь под холостым огнём своих же ребят без балаклав. Схема простая и рабочая. Вот только будут жертвы. Но это всколыхнёт людей и зацепит первых лиц города. Чуть запахнет жареным, пошатнётся мягкое кресло под задом – они сами поднимут массы. Даром, что все главы – ставленники сверху.

Крутов вскочил со стула.

– Ого-го! Когда мне в последний раз предлагали такое? – обвёл всех взглядом. – Я не помню. Это дикость, это смело, это что надо!

Он упёрся руками в стол.

– Всем имеющим голову – работать над этим. Все идеи озвучивайте, не стесняйтесь. Что-то более дурное у вас уже не получится.

17

После полировки вина самогоном троица вывалилась на улицу. Дима с Максом не привыкли к алкоголю, а музыкант одурел ещё до них. Но о цели помнили и пошли по тёмным улицам. Арсений вёл уверенно, только постоянно спотыкался и хватался за гитару. Он протащил спутников через несколько кварталов, попутно раздобыв пива. Сержанты запротестовали, но Арсений делиться и не собирался.

Так добрались до чёрной двери на задней стороне дома, музыкант сказал ждать его и постучал. Открыли не сразу, и дверь за ним закрылась. Макс повис у Димы на плечах, тот сполз по стене.

– Мы же в норме? Нам нельзя проколоться. Что им скажем?

– Правду конечно.

– И очнёмся с пулями в башке.

Это дико рассмешило обоих, тут их окликнули из заново отворившейся двери. За ней узкий коридор. Арсения не было, парней повёл незнакомец. Он покосился на то, как Макс ожесточённо трёт лицо, а Дима, шатаясь, бьётся о стены. Ничего не сказал и открыл неприметную дверцу. Там, в маленькой комнате, сидели пятеро мужчин. Для прибывших прямо в центре стоят два стула.

Сержанты плюхнулись и перевели дух, осмотрелись. Где-то за стеной голоса. Женские, что ли? Тут Макс начала понимать, что дела намечаются серьёзные. Люди производят впечатление именно тех, кого они искали – бандитов. Рыгнул Дима.

Не вставая со стула и не меняя позы, заговорил басом тучный мужчина.

– Добро пожаловать в Абакан. Вам повезло сразу же попасть к нам. Вы решите все свои вопросы, либо пожалеете о своём везении.

– Хотелось бы первое, – голос подвёл Макса, он вцепился в подлокотник.

– Рассказывайте, гости, с чем пожаловали.

Собеседник напоминал внешностью и речью персонажа из сказки, эдакого Кота Баюна, это мешало сосредоточиться.

– У нас... мы возим контрабанду.

– Правда чистая? Тогда по адресу, она вся под нами – вот правда честная.

Парни переглянулись.

– Но дело серьёзное, нужно связаться с Шепелевым.

– Его мы все любим, но привести залётных птичек вроде вас – неуважение-оскорбление. Откуда вы, кстати, нехстати?

– Норильск, – выпалил Макс единственный пришедший на ум город подальше от военных баз.

– Далеко... И как там? Будете палёный пластик торговать? Нам врать?

Вмешался Дима.

– Пластика там никогда не было. У нас металл.

– Хм.

С молчаливого согласия своих Баюн шагнул в конкретику, оставив недоверие и проверки.

– Как я знаю, господа, с металлом и так порядок. Причём, полный.

В тишине стало слышно, как Макс вхолостую крутит шестерёнки в голове. Зато нашёлся Дима. Хоть его звали не Остап, но понесло в лучших

традициях. Он подался вперёд, не упал благодаря Макс и горячо затараторил.

– Они достраивают новый завод, выработка будет больше в полтора раза. Куда пойдёт продукт? Не решено. Но мы знаем тех, кто может повлиять на... за... пф! – Дима заговорился. – Короче, выгода будет. Конечно, вложиться придётся...

Он посидел с минуту, прикидывая на пальцах суммы.

– Отдача конкретная, это точно.

Слушатели заинтересовались, хотя виду старались не подать. И чтобы обсудить случившееся, выставили гостей за дверь. Ответа велели ждать завтра в полдень на центральном рынке.

– Если за двадцать минут никто не подойдёт, считайте – этого разговора не было.

Проходя через тот же коридор, Макс заглянул в одну из дверей. Очень походит на бордель.

Ночь окатила холодом, с трудом устояли на ногах. Что-то произошло, но понимания пока не было. Макс обнял товарища.

– У нас получилось, но я не помню и половины.

Это смешно. Ещё нужно где-то переночевать. Читая мысли, из-за угла явился Арсений. На ходу запахнул куртку, зевая, перехватил в другую руку гитару в чехле.

– Всё перетёрли? Пойдём греться.

И поманил за собой по тёмной улице без фонарей.

– Это реально был бордель, – Макс показал на сползшие с музыканта штаны.

18

Мозговой штурм затянулся и принёс результаты. Цели озвучил Крутов, обсуждение подхватили:

– Западными полями заведует глава города, а углём – куратор всего района. Это приносит им доход и вообще позволяет оставаться при должности.

– Так что, решено?

В разговор вмешался Саша.

– А вас ничего не смущает? Это серьёзный шаг, таких раньше не было. Но всё равно полумеры.

Его слушали, он продолжил.

– Назад дороги точно нет. И поэтому одного города мало...

– Всё понятно, – перебил Крутов. – Спасибо, но я об этом подумал. Другие ячейки не решатся на такое. К тому же если хоть одна сфальшивит... Нет, действуем одни. Кто увидит – тот вольётся, будет с нами. Важен жест, деяние, пример.

«Мы пустим смуту, мы проникнем в самый народ... раскачка такая пойдёт, какой мир ещё не видал», – вспомнились Игорю строчки. Ведь не принимал Достоевский революцию, прямо за безбожием идущую. Устарело мнение, как и тот Бог.

За обсуждением просидели долго. Крутов один не косился на часы, работа увлекла его без остатка. Наконец разошлись, а Игоря он уволок за собой на крышу – любимый наблюдательный пункт.

– Я часто смотрю на город отсюда ночью. Там спят и не знают, а я смотрю, знаю, что он будет мой. Расскажи о себе, потому что я впервые тебя вижу.

Военному прошлому Крутов не удивился.

– Не смущают услуги перебежчика?

– Мол, кто раз предал, предаст ещё? Ерунда, – отмахнулся Крутов. – Всё делается впервые, и у тебя случилось – поздравляю.

Игорь невольно залюбовался собеседником. Высокий, сильный, ничего не смущается, очень умный. И его прямо-таки разрывает изнутри жажда действовать. В этом они похожи.

– Мне пригодятся твои знания, – Крутов сделал жест, отпуская собеседника, но передумал. – Мы на пороге новой эпохи, понимаешь это?

– Хорошо бы ещё в ней выжить.

– Не это главное, – отмахнулся Крутов. – Ты помнишь мои слова, что будущее стоит жертв? Меня за это не любят, а ведь они не понимают, я умру первым, если надо...

– Помню.

Двое мужчин думали об одном, а молчали о разном. Двое мужчин, чьи амбиции превышают возможности. Но один пока этого не понял, а другой слишком давно с этим живёт. Крутов искоса поглядывал на товарища и надеялся, что даст его идеям возможность.

На подготовку потребовалось несколько дней, всё делали спокойно и уверенно. Но чем ближе ко дню «икс», тем больше электричества в воздухе. Посвящённые в суть операции стали задумываться о морали предстоящего. Им придётся навредить тем, кто станет союзниками, и навсегда похоронить эту тайну. А союз не может начинаться с крови.

Игорь подумал, что до такого он даже в армии не опускался. К тому же там можно было оправдаться ролью исполнителя, здесь он был идеологом и главным виновником. Теперь Игорь почувствовал себя в шкуре собственных командиров. Вот только он не помнил, чтобы те о чём-то сожалели.

Именно поэтому он вызвался руководить карательным отрядом.

– За то, что сказал, отвечу тем, что сделаю, – говорил он Саше. Тот в свою очередь будет командовать «хорошими парнями» – вторым отрядом.

– Убью лично за все твои грехи, – успокоил он.

Освободившись, Игорь решил разыскать Иру. Он чувствовал, что не на той ноте закончил общение утром. Да и вообще говорил не о том. Но когда женщины прощали кого-то с пустыми руками?

Игорь дошёл до столовой, повар, носивший еду командирам, его узнал, на просьбу откликнулся. Перед ужином Игорь нашёл Иру, она была с братом.

– Можно тебя?

– Что такое?

– Есть сюрприз.

– Ух ты! Но я собиралась поесть.

– Поверь, ты не будешь голодать.

– Влад, – обернулась Ира к брату и прошептала, – нас накормят первоклассным... шашлыком? И, наверное, угостят вином из бочки Эла. Какие ещё деликатесы тут можно достать?

Это было слишком.

– Нет, вас угостят гречкой в столовой.

Ира рассмеялась и утащила брата в дом. Он не проронил ни слова.

– Овца... Какая же она овца! – Игорь аж побагровел.

В дверях столкнулся с Сашей.

– Воу! Куда летишь?

– К чёрту!

Игорь остановился уже во дворе и обернулся, Саша невозмутимо ждёт объяснений.

– Шашлыка хочешь? С вином.

Пока Игорь доводил до кондиции мясо, Саша откупорил канистру. Он застегнул куртку от ветра.

– На кой ляд тащиться в этот холм?

– Если холодно, ставь палатку.

Саша глянул на кучу брезента и усмехнулся.

– Я понял. А она та ещё штучка, верно?

Игорь устало сел рядом, принял стакан и отхлебнул.

– Зараза.

– Хорошая девчонка, я тебя понимаю.

– А сам ты как?

– Мы давние друзья, если ты об этом. Она сложная... Ты у нас баб видел?

– Немного.

– А тех, кто в рейды с мужиками ходит?

– Одну.

– Вот я и говорю. Ира на самом деле жёсткая и недоверчивая, дерьмовым вином лёд не растопить.

Посидели, помолчали. И принялись за мясо. За беседой уговорили запас вина. Саша поднялся, покачнувшись, и встал лицом к городу. Справил нужду, а затем бросил через плечо совсем не в тему.

– Я пойду за тобой, дружище, и не потому что спас.

– Спасибо, конечно...

Саша подскочил к Игорю и схватил его за плечи.

– Крутов в тебя верит, и я верю. Но у него нет друзей! У него пешки и союзники, он разменяет тебя чуть что. А мне можешь верить. Услышал?

– Услышал, – улыбнулся Игорь и отцепил от себя руки.

19

Новоиспечённые компаньоны бредут до Абакана пешком. По правую руку тянутся железнодорожные пути, по левую — унылая равнина. По ней уходит вдаль Магистральный канал. Дорога пуста.

Только близ Ташебы, через шесть километров, когда, по словам Иваныча, не очень-то уже и надо было, поймали машину. Камаз нагнал путников сзади и сам остановился. В кабину сел Баграт, остальные в кузов, к стройматериалам. Шофёр, весёлый дядька с кепкой на затылке, сразу принялся болтать, как будто для этого и взял попутчиков. У него большая семья, он работает то там то там и всем доволен.

Баграт не утруждал себя ответами или кивками невпопад, он внимательно смотрел сквозь грязное стекло.

– До центра доедем?

– Не-е, я на север двигаю. Вас на Советской высажу.

Баграт кивнул, крикнул в окно, чтобы в кузове были готовы. Высадились, осмотрелись: город ошеломляет. Чистые улицы, обжитые дома, ближе к центру всё больше движения.

– Что мы ищем? – спросил Артём.

Баграт не отвечал. Он щурился и не мог сориентироваться, слишком всё вокруг одинаково внушительно.

– Давай на рынок, еды купим, – пихнул его Серёга, – Мы же при деньгах.

Баграт кивнул. Шли около двух километров по улице прямо и дивились, глядя кругом. Всё-всё пространство забито, ни одного пустыря или

зброшеннага здання. Каждая постройка нужна, каждый метр используется. Город рабочих людей, которые видят плоды своих трудов. Баграт знал, что этот цветник под самым носом у властей почти не подчиняется им, но приносит прибыль и пользу, поэтому в верхах и терпят самостоятельность Абакана.

Рынок нашли без труда, это место в городах притягивает интуитивно. Сейчас, в полдень, народа немного — большинство трудится. Глаза разбегались, парни набрали охапку всего разного и принялись жевать. Баграт терпеливо дождался и поманил наклоном головы – пора браться за дело.

20

При отсутствии иной связи пришлось работать в стиле шпионов прошлого: назначать встречи в одно и то же время, прятать записки под камнями. Первое свидание Макс и Дима пропустили, и потому теперь спешат. В укромном местечке дважды в сутки появлялся сержант Ерёменко в роли связного. Он передавал приказы и принимал информацию. Макс глянул на часы, они должны успевать.

Слежки не видно, но это не значит, что её нет. Поэтому парни подстраховались. Оба исчезли за углом, откуда Дима рванул через улицу, а Макс прокрался назад и нырнул в переулок. Нашёл нужный подъезд, глянул в окна — никого. Но поднялся на второй этаж и увидел на ступеньках Ерёменко.

– Здрасьте! Закурить есть? – громко, еле сдерживая смех.

– Конечно.

Сели рядом и зашептали на ухо.

– Где были, почему так долго?

– Работали. Мы наплели такого, что я не передам... Но бандюки сведут нас с Шепелевым.

– Точно?

– Наверняка. Они не хотят, но мы поставили условия. Должны пойти.

– Отлично. У Мёдова тоже есть успехи. Лишний раз не рискуйте, но будут новости — жду. Сейчас уйду через чёрный ход, посмотри вокруг, нет ли хвоста.

Хвоста не было, Макс вернулся к Диме.

– Уже половина двенадцатого, пора к рынку.

Среди торговых рядов побродили пять минут, как их подозвал к себе узкоглазый владелец лавки, завёл за ширму.

– Встреча в девять вечера у них на Карабельном, третий цех. Удачи.

На этом распрощались. До ночи, до возможности передать сведения Ерёменко надо было где-то перекантоваться. Решили найти Арсения. В это время он обычно появлялся в одном из кабаков и озвучивал его струной. Отыскивали уже в третьем по счёту.

Музыкант обрадовался друзьям, тем более других у него не было, и прервал выступление.

– Покажу вам кое-что.

И снова повёл парней по городу. Повёл на восток, к реке. Плеск Енисея слышен загодя, кажется, он уже под ногами. А у самой воды шум проник в самое тело, гремит в ушах.

– Айда, – поманил Арсений.

За ним прошли по берегу и залезли в какие-то железные обломки, Арсений поднёс палец к губам.

– Тс-с...

Они словно попали в ракушку — в ней голос Енисея из бьющего в уши шума превратился в мягкое непрерывное журчание. Но всё равно мощное. Теперь шум не заставляет содрогаться, он растекается вокруг и внутри.

– Слушайте, слушайте, это же музыка, – прошептал Арсений. – Я бы засыпал под неё, но тут слишком сыро.

Потом вернулись к городу, пошли на свет костра и подсели к каким-то бродягам. Дима шепнул Арсению.

– А я думал, Абакан процветает.

– Так и есть! Где ещё можно позволить себе бездельничать?

Арсений, угостившись, потянул из чехла гитару. Он улыбался, он знал, чем платить за гостеприимство. Макс блаженно вытянулся на подстилке, музыка и костёр усыпляли, и он поддался. Проснулся в ужасе, что опоздал. Дима успокоил.

– Всё нормально, через десять минут выходим.

– Он спит?

Дима кивнул. Арсения на встречу со связным тащить не с руки. Парни тихо поднялись и на цыпочках скрылись в темноте.

Ерёменко был на месте в полночь, выслушал и скомандовал двигаться за ним. Шли долго, в другой конец города. Здесь, возле очередного притока реки, расставились домишки рабочих. Ерёменко уверенно повёл к одному из них — пустующему, с фанерой на окнах, дырами в крыше и кривыми стенами. Под шифером шуршали какие-то птицы.

А дом оказался обитаемым. Парни вошли из ночной темноты в такую же и не сразу заметили весь отряд.

— Вот это класс! Ни следов, ни звуков, а внутри армия, — восхитился Дима.

— А чего мы ночуем где придётся, когда есть такое гнёздышко? — удивился Макс.

— Вы всегда на виду, скорее всего под слежкой, не стоит. Но раз вы здесь, что-то важное? — вслед за голосом из-за угла вышел Мёдов.

Он выслушал, разложил на полу карту.

— Вот здесь. Мы там всё изучили, можем работать. Напомни-ка время встречи...

21

К сроку всё было готово — погрузились в две машины и двинули в город. В автомобиле «карателей» тихо, избегают смотреть глаза в глаза. Только на кочках, хватаясь за соседа, заглядывают в лицо. Игорь злился, но слов не находил.

Остановились у железной дороги, отсюда Саша поведёт отряд пешком. Бойцы в рабочей одежде, спрятав оружие, поодиночке проберутся к центру. Игорь же войдёт в город на грузовике, как бравый гусар, у всех на виду.

Командиры сошлись.

— Всегда помни, что я сказал. Я с тобой, — Саша хлопнул Игоря по плечу и махнул рукой бойцам. Игорь проводил их взглядом.

Своим он скомандовал выезжать минута в минуту по плану. Машина пустила дым и перевалилась через насыпь. В город заехали с юга, медленно прокатились мимо угольной шахты. Игорь смотрел на измученных рабочих, тягавших тележки. Лишь один заметил открытый грузовик с вооружёнными людьми в камуфляже и масках.

На городских же улицах эффект произвели — кто-то даже убежал.

Через главную площадь подружили к администрации. Высыпали из машины, грохоча берцами, мотор не глушили. Пятеро на улице, остальные бросились внутрь. Игорь вбежал на третий этаж и остановил группу.

– Вань, делай шум, гони на улицу. Вы за мной.

Он распахнул дверь: четверо приклеились к стульям. Каждому под нос автомат и потащили вниз. Грохнул выстрел, с других этажей побежали люди. Пленников вытащили на улицу, Игорь лично швырнул на колени главу города. Тот дрожит. Вокруг собралась толпа человек в тридцать, опасно замерла напротив. Стало тихо.

– По закону Российской Федерации! За помощь мятежным силам, – прокричал Игорь. – Арест с дальнейшим рассмотрением в трибунале!

Толпа зашумела, но с места не двинулась. И вдруг кто-то выстрелил, разлетелось стекло грузовика.

– Огонь! – заорал Игорь.

И прострелил затылок пленному. Других уткнули носом в землю, и загрохотали автоматы. Крики, паника, толпа разбегается. На земле остались пятеро.

– Грузим, – командует Игорь.

Бойцы потащили очумевших работников в кузов, те стучат зубами.

– Ложись! – разом крикнули двое.

Под ноги прилетело дымящееся – хлопнуло, брызнули искры. Вихрем пронеслась ватага в разномастных куртках. По военным стреляют в упор, бьют прикладами.

Игорю шарахнули в живот, он вскрикнул – прожгло куртку – и завалился. В минуту всё было кончено: половина бойцов лежит, половина сдалась.

Пленных горожан вытащили из машины и бегом повели обратно в здание.

– Быстрее, быстрее, укройтесь!

Тут один подскочил к Игорю.

– Так тебе, собака! – сорвал маску и охнул – глаза мертвеца открыты.

Его втолкнули в дверь. Военных, и живых и мёртвых, погрузили в кунг, сверху упал тент. Взвизгнули колёса.

Саша проводил машину взглядом и пошёл к спасённой троице.

– Кто главный?

– На улице без башки...

– Заместитель?

– Я, – ответил тот же голос.

Саша кивнул, всё по плану. Кинул мужчине на колени сержантские погоны, тот смахнул их.

– Нам конец. Помощь повстанцам – трибунал, убийство солдат... того хуже. Куда вы повезли тела?

– Не важно. Мы можем спастись вместе. Пусти в город повстанцев, устоим.

– Недолго.

– Под боком уголь и прочее производство, власти пойдут на переговоры.

– А дальше?

Саша развёл руками.

– Не со мной решать будешь. Так что?

Новый глава посмотрел на товарищей.

– Возражений, так понимаю, нет?

22

В четырёхстах километрах на юго-восток начиналась другая операция. Моторная лодка покачивается на волнах неподалёку от порта.

– Через полчаса стемнеет, встанем между судов, – приказал Мёдов.

У другого берега – отсюда не видно – вторая лодка с ударным отрядом.

Мёдов нервничает, план кажется простым, но зависит от случайностей.

Игорь с Димой к девяти вечера подошли к порту. Забор наполовину прячет ангары, в них горит свет, реки отсюда не видно. Их пропустили через ворота, сразу же обыскали, охранник повёл по территории, у входа в ангар передал другому. Макс сжал зубы, он надеялся на меньшую плотность. Простой железный цех внутри оказался шикарным: мебель, кухня, теннисные столы, даже тренажёрный зал.

– Круче казармы, – шепнул Дима.

Это на первом этаже, а парней повели наверх – в большой рабочий кабинет. Отец и сын Шепелевы здесь, оба без труда узнаваемы по описанию. Их как будто прервали, отец – грузный, с обвисшими щеками и лысый – дал понять,

что разговор окончен. Сын, совсем не похожий, худой и черноволосый, вскипел и отвернулся.

– Садитесь, – Шепелев указал перед собой.

Кресло массивное, из хорошего дерева, но одно. Сел Макс, а Дима опёрся на спинку.

– Немногие говорят с нами лично, вы удостоились. Жду.

– Отец! – обернулся Шепелев-младший. – Я ведь не нужен, чего толку...

– Сядь! – рявкнул старший. – Сядь и учись вести дела.

Всё ещё на взводе, бросил гостям:

– Говорить будете?!

Макс оторвал взгляд от охранника.

– Вам известна суть предложения? – ответа не дождался. – Это норильский металл. Его производство увеличат, я ищу покупателя.

– Интересно. Давай конкретней: сколько, когда.

Шепелев сверлит взглядом обоих, его сын откровенно скучает. Макс покосился на часы – можно начинать, но этот охранник!

– Я вижу, Вы человек деловой, – Макс улыбнулся и встал. – Но вы спешите, не видите сути.

Он пошёл по кабинету.

– Спрошу того, кто к народу ближе. – Макс подошёл к охраннику. – Скажи вот: о будущем нужно думать?

Парень обернулся на босса, и Макс ударил. Спущенные на кулак часы разлетелись, Макс вцепился в кобуру. Дима подскочил к столу и вонзил ручку в ладонь Шепелева. Сынок был проворен и повалил обидчика.

Макс отобрал пистолет, огрел рукоятью охранника, потом Шепелева-младшего. Старший замер.

Стало тихо, парни прислушались: кажется, никто не бежит.

– Будешь слушаться – поживёшь. К окну пошёл.

Река с другой стороны, придётся побегать.

Все трое вылезли и посеменили по крыше. Макс подгонял толстяка стволом и боялся одного: заартачится – конец. Стрелять нельзя, а вырубать и тащить – нереально. Вспомнил, что не забрал второй магазин, выругался.

Прыгнули на другую крышу, Шепелев упал с грохотом и застонал.

– Твою мать! Вставай!

Макс передёрнул затвор, руки дрожат. Шепелев поднялся.

И вот оно, добрались. Глянули вниз – плещется вода, качаются баркасы.

Макс подвёл пленного к краю и толкнул – крик захлебнулся водой.

– Вот урод!

Прыгнули за ним – как же холодно! Макс и сам жалобно пискнул. Вдвоём подхватили Шепелева, он перестал бить по воде. Из тени выплыл силуэт – лодка шла на вёслах. Погрузили пленного, забрались и сами.

– Ходу, – скомандовал Мёдов.

Бесшумно скользнули вдоль высокого причала, четверо гребут, Мёдов водит стволом. Шепелев притих, словно тоже боится быть замеченным. Правильно делает, на берегу наконец спохватились. Ерёменко потянулся к мотору.

– Рано, – остановил Мёдов, – идём до развилки тихо, там наши отвлекут.

Так и сделали, мотор включили через пять минут. А через десять позади раздалась стрельба.

– Не задавят наших?

– Вряд ли им охота на автоматы лезть. Но как знать...

Когда в городе показывали кино, Баграт доставал места в первом ряду и теперь не изменил привычке. Он с повстанцами устроился напротив порта на другом берегу. Видели и прыжки в воду, и отплытие лодки, и суету людей на берегу.

– Заводи, Артём, – сам Баграт пытался ещё что-то разглядеть в темноте – кроме машины раздобыли бинокль.

Баграт помнил карту, отсюда по воде два пути: на восток в Минусинск и на юго-запад. Нужно было понять. И когда с одной стороны слышались выстрелы, Баграт ощерился.

– Это прикрытие! Едем на юго-запад прямо по дороге. Они против течения, далеко не уйдут.

Вёл Артём, Баграт уткнулся в карту. Он смотрел то на время, то на спидометр.

– Тормози, глуши мотор.

Вылез на улицу и прислушался. Треск моторной лодки появился через пару минут и ушёл дальше.

– Они здесь, теперь едем километров двадцать в час.

Артём кивнул и с усилием повернул ключ, «Жигуль» затарахтел, погоня продолжилась.

23

В Кемерово целый день прибывают люди, техника и груз – повстанцы переселяются. Игорь сидел в темноте и ждал Крутова. Тот наконец пришёл и плюхнулся на стул.

– Пока всё нормально, хотя и хлопотно.

– Я так и буду здесь торчать?

– Ты много сделал, отдохни.

– Речь не об этом...

Крутов встал, пошёл по комнате.

– Да понимаю, твоё лицо видели. Хочешь явиться из мёртвых?

– Видел только один. Он вам так нужен?

– Да, это куратор всего угля в районе, – Крутов заметил гримасу и всплеснул руками. – Не делай сцен! Ты сам всё понимаешь.

Игорь понимал, но всё равно злился.

– Тогда дай мне отряд и отправь к чёрту, буду дальше убивать кого скажешь.

Игорь отвернулся, Крутов покачал головой.

– Нужна твоя помощь. Скоро узнают, что мы в городе, и будет реакция. Я думаю, отправят военных, вы же так обычно делаете?

– Наверняка. А те войдут как нож в свежий хлеб. Без оружия не справимся.

– Поэтому я пришёл. Что бы ты сделал?

Игорь давно обдумал ситуацию, помолчал, подбирая слова, и взял карту.

– Ближайшая военная база в сотне километров на северо-запад, в Юрге. Хорошая точка – перепутье, и людей там полно.

– Что дальше?

– Решаешь ты... но я бы их опередил. Двинулся навстречу, затаился бы. А когда уйдут, захватил базу. Там и оружие, и транспорт. Пока вы грозитесь угробить всё производство, пусть стоят под стенами и советуются с начальством. А я вернусь и ударю в спину.

– Шикарно, манёвры как на Бородино. Не смущает, что ты хочешь с ружьями ворваться в крепость под автоматы?

– Кемерово – серьёзная проблема, сюда отправят кучу бойцов, на базе останется немного. И я знаю, как туда пробраться.

Крутов молчал и смотрел в одну точку, вот поднял взгляд.

– Делай как знаешь. Я сообщу остальным, чтобы готовились.

– Мне нужна команда.

– Собирай, это твоя компетенция.

Крутов кивнул и пошёл к двери. Игорь остался один, перед глазами встала родная база: всё-всё как наяву, навсегда в памяти. Игорь поймал себя на мысли, что не узнаёт лиц. Помнит их прекрасно, помнит имена и голоса, но не воспринимает как своих.

Ночные улицы освещаются плохо, людей нет, Игорь в одиночку побрёл против ветра – впрочем, как и всегда. Стороной обошёл шумную площадь, там ещё разгружаются. У нужного дома замедлился, потом вовсе встал. На балконе второго этажа угадывалась хрупкая фигурка Иры. Девушка не двигалась и смотрела куда-то поверх домов. Игорь усмехнулся, он здесь не для неё, и проскользнул в дом.

Поднялся и постучал, открыл Влад. Игорь поманил его в коридор, Влад прикрыл дверь.

– Ты помнишь, благодаря кому ты здесь и вообще ещё дышишь?

Влад побледнел.

– Помню, – выдавил с трудом.

Игорь подумал и как будто смягчился.

– Ладно, я не за этим. Тебя ещё не заарканили? Инженер как-никак.

– Ещё нет.

– Тогда слушай. Крутов обязательно обратится, вряд ли сам, но всё-таки... У них теперь куча работы твоего профиля, кто-то должен руководить.

– А в городе инженеров дефицит?

– Точно нет, но он будет ставить своих людей, понимаешь? Это же политика.

– Хорошо, пускай, а ты чего хочешь?

– Чтобы ты помнил – всегда помнил то утро на берегу. Однажды наши с ним пути разойдутся, и я скажу тебе пойти со мной.

– С тобой или за тобой? Надеюсь, что до этого не дойдёт.

Игорь улыбнулся.

– Буду сам очень рад.

Отряд сформировался просто – те, кем Игорь командовал вчера. Парни сидят без дела, для них за радость вернуться к работе. К сроку всё подготовили. Дозаправили машины, в холодном воздухе летают обрывки фраз. Рядом переминается и гладит бороду Саша.

– Крутов шепнул, что в случае успеха надо будет кого-то благодарить. Вряд ли тебя, мёртвого сержанта – врага народа.

Игорь выдавил улыбку.

– Ну ладно тебе, – хлопнул Саша по плечу. – Мне самому стыдно.

Игорь забрался на капот, свистнул, на него поднялись глаза.

– Выезжаем! – характерный жест над головой.

Первую машину вёл Саша, Игорь не желал чужих ушей в кабине. Бородач заговорил первым.

– Думаешь, нам хватит оружия?

– В войну бомбили и заводы и склады, о которых знали, всё равно автоматов осталось больше, чем душ. Сейчас они на базах.

За окнами тянулись луга. Игорь опустил стекло и высунулся, закрыв глаза, но вместо запаха трав в нос ударил песок из-под колёс. Отплевался и укрылся в кабину, Саша спрятал улыбку в бороду.

– Почему ты это делаешь, Сань? Зачем борешься?

– Да как все... Не хочу пахать на дядьку, хочу на себя. Веришь? – Саша подмигнул. – Ерунда всё, просто нужно чем-то занять годы жизни. Не в шахте же батрачить.

– Ну да... лет в пятнадцать я тоже так думал и к вам попал из любопытства. А ещё служба осточертела.

– Что-то изменилось?

– Это больше, чем свобода. У нас в руках люди, куча людей, и они в нас верят. Это невероятно, такие перспективы... только сейчас осознаю.

Саша покачал головой.

– Хочешь захватить мир? Далеко пойдёшь.

Игорь запрокинул голову, в глазах мелькали картины: прошлое и будущее.

Пейзаж давно поменялся, снова равнина – мёртвая и пустая.

– Здесь раскатанная дорога, – заметил Саша.

– Конечно, рядом же Томск, Новосибирск, ей пользуются.

Игорь снова закрыл глаза. Недавно он ехал в другую сторону и был на ней. Навстречу прогрохотал «камаз», водитель задымил всю кабину, он ещё не знает, в чьи руки везёт полный кузов материала.

Вот справа после крутого поворота вынырнула водная гладь. Саша посмотрел на Игоря, тот кивнул. Томь теперь их спутник до самой Югры, значит вышли на финишный отрезок. Потом река вильнёт серебром и уйдёт на север, а повстанцы доберутся до места.

Наконец показались стены, издали база выглядит крепостью, Саша стиснул руль. Свернули на юг, за холмом остановились, бойцы вылезли из машин. Игорь дал время размяться и напомнил план действий. Есть запретил – на случай ранения в живот. Двое посеменили на позицию для наблюдения. Об этом молчали, но Игорь чувствовал – думали о риске авантюры. Убеждать

людей – значит показать, что сам волнуешься, поэтому Игорь сжал зубы. Только ходил перед парнями и улыбался.

– Эй, глянь! – окликнул Саша.

На холме боец машет руками. Игорь бросился к нему, взлетел на четвереньках и плюхнулся в пыль. В руки сунули бинокль.

– Три, четыре... семь. Многовато, но нам же лучше.

– Тяжело идут, людьми под завязку набиты.

Игорь хмыкнул, для такого заключения даже не нужно смотреть на машины, конечно же в город отправят бойцов по максимуму. Наблюдатели остались, Игорь вернулся. Приказал готовиться и попросил от радиста связи с Кемерово.

– На связи!.. Так точно, приём! Встречай гостей, мы поторопимся. Конец связи.

Выждали немного, Игорь помахал ребятам на посту, в ответ поднялись две руки: военные ничего не забыли, не вернулись, можно действовать.

– Пошла жара! – Саша уже просто горит.

Игорь прям в кабине нацепил на камуфляж сержантские погоны. К базе подъехали с запада, встали перед воротами, сигналить не пришлось.

– Да не трясись! – Игорь лягнул Сашу.

Два метра бетона с венцом колючей проволоки, за ним вышки с пулемётами – всё это спокойствия не добавляет, можно понять.

– Кто такие, цель прибытия?! – громынуло с неба.

– Внесрочная доставка из Новосибирска! – крик Игоря потонул в эхе мегафона. – Еда, мелочь всякая... шоколад!

– Чей приказ?

– Откуда мне знать?! – надрывался Игорь. – У меня только список продуктов, чтобы не потырили. Говорю же, внесрочная!

– Въезжай.

Ворота поползли в стороны.

– Так просто? – шептал Саша. – Да знать бы раньше...

– Внесрочные всегда по договорённости с главным, так со складов воруют. А главный у нас где? Ведёт отряд на Кемерово.

Грузовики въехали внутрь, Игорь показал пальцем.

– Туда и не тормози, сейчас набегут машины потрошить.

Подбежавших солдат обдало гравием, Игорь следил в зеркала. Круто за угол и встали в центре базы. Последний грузовик отстал, закрыл проезд.

Посыпался горох, бойцы разбились по группам. Одна бьёт стёкла – им нужно взлететь на этаж к связистам, другая готовится встречать военных. Саша нервно газует на месте, в кузове слышны затворы. Игорь качает головой. А когда за спиной крики и стрельба, орёт в ухо, Саша бьёт по педали.

Грузовик обогнул казарму и вперёд к складу – мимо растерянных военных.

– Удар! – кричит Игорь, чтобы в кузове схватились за лавки.

Бампер бьёт в дверь, створки летят внутрь, машина замирает на пороге.

Высадка. Внутри ожидаемо никого, первым делом бойцы хватают автоматы и патроны – они на виду. Игорь и Саша с фонарями лезут дальше, здесь такой запах смазки и пороха, что запасы несомненны.

Тут в хлопки ружей врывается рокот пулемёта – с вышки бьют. «Своих же зацепит», – думает Игорь и командует:

– Кто с оружием, вперёд!

С оружием все, ещё полтора десятка автоматов рвутся в пекло. Игорь встал на пороге и смотрит, слышит, как Саша лязгает пулемётом.

Из окон второго этажа повалил дым – связь захвачена, но на первом стрельба – почему? И где добрая половина защитников? Игорь щелкает предохранителем, сдирая пальцы в кровь, стрельба умолкает.

– Вон они!

Что и где делал этот десяток солдат, почему только сейчас поспешил на помощь – им одним известно. Но они бегут к штабу.

Подвинув Игоря, на пол улёгся Саша, выдвинул сошки. Время замерло, Игорь зажал уши, успел подумать: «Бегут врассыпную». И ударил пулемёт.

Набирая обороты, всё быстрее застучал под самым боком. Парни валятся на землю, их косит с фланга подчистую. Упали все, кто-то по своей воле.

Игорь подбежал к ним.

– Не двигаться, вы на мушке!

Один перевернулся на спину, взгляд ошалелый, Игорь стрельнул в землю. Раскидал ногами автоматы, заставил живых сползти в кучу, осмотрелся. Поздно вспомнил о вышках, сел на колени, но там уже сдались.

Посреди двора, страшный и могучий, с пулемётом на локте стоит Саша. Он медленно успокаивается, из бороды рвётся хрип.

– Потери? – Игорь остановил запыхавшегося бойца.

– Есть... не считали, но есть.

– Собери отряд, нужно зачистить, все углы проверить, – Игорь подтолкнул парня. – Давай-давай.

Прочесали периметр, никто не прятался, Игоря аж гордость взяла за бывших товарищей. Пленных заперли, перевязали раненых – в том числе и чужих. Как будто всё под контролем. Подбежал боец.

– Вышли на связь, тебя нужно!

Вместе ворвались к связистам, Игорь схватил наушник.

– Что... Что у вас?! Приём, – голос Крутова.

– Захватили, всё в норме.

– Они у ворот! Грозим порчей завода, пока притормозили, но готовятся на штурм. Если пойдут, не сдержим.

– Жди, Мишань, я всё сделаю.

– Конец связи.

Игорь положил гарнитуру, потребовал связать его с Новокузнецком.

* * *

Гловацкий видел сон, а какой – забыл. За дверью топают, хлопают дверьми, не дают вспомнить. Что такое? Ручка дёрнулась – заперто, тогда постучали.

– ЧП, все у главного! – и топот прочь.

Сонливость не уходит, информация воспринимается с трудом, только на лестнице пришло понимание: ЧП, чрезвычайное положение. И не то, в котором весь мир уже давно, а посерьёзней – конкретное, где-то под носом.

В кабинет Гловацкий вошёл последним, притворил дверь, никто на него не взглянул. Он замер у входа и вслушался в тишину. Всмотрелся – нет президента и военминистра, в хорошей компании опоздал Антон Валерьевич. За пустым креслом приоткрытая дверь, там мощнейший в стране координационный пункт связи, и оттуда слышны голоса.

Гловацкий всё-таки сел среди камней – никто не шевелился ровно десять минут, засёк по часам. Вошёл президент с видом таким, что побоялись вставать. Но голосом владел по-прежнему.

– Кто был за немедленный ввод солдат в Кемерово?

Гловацкий на том собрании воздержался.

– Не прошло пяти часов, а войска не могут войти, там угрожают лишить страну угля. А ещё мне звонит с нашей базы вшивый повстанец! «Я разобью ваши отряды и пойду на столицу!» С нашей военной базы звонит! – президент задохнулся. – И-их же мать!

Все молчат.

– Эти черти на проводе, а пока Виталя их забалтывает, мне нужно решение. Нам нужно решение!

Поднялся один министр.

– Необходимо время всё проверить...

– Нет его!

Встал другой, задел животом стол.

– Нельзя рубить с плеча, там же запасы...

Президент снова перебил.

– Знаю! И давайте решим, что важнее: ресурс или авторитет власти.

Молчат, слишком всё неожиданно. А Гловацкий впал в восхищение, такого он ещё не видел.

Вошёл генерал, суровый лысый мужчина, ещё не старый, с острыми морщинами и синим от бритвы лицом, которое, по наблюдениям Гловацкого, меняет оттенок ежедневно, и щёлкнул каблуками.

– Разрешите предложить. Отзовём Юрговскую бригаду, чтобы они успокоились. И она встанет в Топках, перекроет наглецам дорогу домой. Из Новосибирска двинем технику, я не верю, что бунтари настолько сильны.

– Хм...

– Но, товарищ президент, это уже война.

– А что, кто-то хочет решить это мирно? Предлагайте, пока можно.

Гловацкий кожей чувствовал, как вокруг бесшумно выдохнули, как успокоились стучащие сердца.

– Предложений, так понимаю, нет.

24

Светало, когда лодка прошла шестьдесят километров, доплыли до Шалгинова. Мёдов приказал править к берегу, чего все давно хотели. За ночь промокли и замёрзли, особенно купавшаяся троица. Лес начинался прямо от воды, в нём укрыли лодку. Осмотрелись, только потом развели костёр.

– Этому поесть дайте, ещё помрёт с голодухи, – наморщился Мёдов.

Шепелев понял, что его не убьют, сразу вернулось мужество. Но пока молчал – думал.

– Всё по плану? – спросил Макс.

– Да. Дождёмся машину, свяжемся с Центром.

Макс понизил тон.

– Ребята выберутся, как думаете?

Мёдов поразмыслил над ответом.

– Тебя в училище хорошо готовили? Багрова готовил я лично. Выберутся.

Получив консервы, ожил Шепелев.

– Вам же интересно, зачем я тут?

– Заткнись, – лениво бросил Макс. Без угрозы, поэтому Шепелев продолжил.

– Вы пешки и не в курсе политики. С земли не видно, что наверху.

Его как будто не слушали, но никто не перебивал.

– Правительство не терпит независимости Абакана, а мои недавние решения – последняя капля. Вот вы и здесь.

Мёдов обвёл парней взглядом, неужто кто-то засветил форму? Шепелев всё верно понял, кивнул.

– Конечно вы военные, бандиты бы меня не тронули... Так, что дальше? Сынок примет бразды и отдаст вашим хозяевам всё, лишь бы попасть в совет правительства.

– А почему не продолжит твоё дело?

Шепелев отмахнулся.

– Умом не вышел. Думает, власть в кабинетах. А она здесь, над своим народом власть, над ресурсами. Свобода – есть власть.

– Не похож на тебя.

– Совсем, – голос всё-таки подвёл. – Ты, командир, уж реши, кто меня кончать будет. Живу я на всякий случай, пока наверху вопросы не решат.

Мёдов отвернулся. Он мог не беспокоиться, всем плевать на слова пленного. С командиром переглянулся только Макс.

Команда Баграта начеку, он заразил их азартом погони – рёв грузовика услышали сразу же.

– Затаились!

Машина тормозит рядом, в кабине только один, его лицо скрыто за картой. Водитель не знает, что не доехал полкилометра до своих, Баграт знает. Он гладит рукоять пистолета. Шепелева нужно забрать: отбить его мало, необходимо избавиться от преследования.

С треском включилась передача, «ГАЗ» покатился вперёд, перед поворотом на узкой тропинке он притормозит. Серёга толкнул Баграта, тот кивнул.

Со скрипом колодок из кустов метнулись тени. Двери распахнулись, водитель крутанул головой, его вырвали наружу. Серёга с пассажирского лезет за руль и жмёт педаль тормоза.

Баграт заткнул военному рот стволом и ждёт секунды, пока тот успокоится.

– Их пятеро и пленный? – в ответ кивок.

– Какой сигнал?

Водитель слюнявит пистолет, Баграт разбирает слова. Серёга уже вытащил из-под сиденья автомат. Пленного с кляпом во рту крутят к лавке в кунг.

Военные сначала слышали шум двигателя и похватались за стволы, а потом гудок.

– Поднимайся, – это Шепелеву.

Дима похватал с костра котелки. Продрались через кусты и захлопали в ладоши, транспорт подан. Только пусто в кабине, так и встали перед ней растерянно. Из окна, из-под колеса выглянули стволы.

Всё так быстро. Хлопки, Мёдов валит Шепелева, в Димину посуду бьют пули. Молча упали Ерёменко с другим сержантом.

Макс влупил полмагазина в ответ, а потом открыл глаза: лежит в яме, крови нет. Рядом командир пашет ногами землю, спиной толкая пленного за дерево. Из машины не стреляют. Неужто свои обознались, как на речке?

– Вась, это мы!

– Шепелев живой? – голос незнакомый.

– Да!

– Пустите к нам и живите! В кунге ещё водила.

Макс прикусил губу, это он изрешетил брезент на кузове.

– Кто вы?! – крикнул Мёдов.

– Пленного пусти!

Неужели догнали из Абакана? Капитан хотел было крикнуть... Нет, им он тоже нужен живым. А ещё живым нужен Вася – водитель.

Всё решил Шепелев. Сбросил Мёдова и побежал – в обход, чтоб не под пули. Мёдов дёрнулся за ним, грохнул выстрел. Снова стрельба с двух сторон. Шепелев выскочил на дорогу и замер, к машине не сунулся. Но «ГАЗ» сам покати́л навстречу.

– Уйдут! – заорал Мёдов.

Шепелев нырнул в кабину. Военные бегом на дорогу, грузовик на пробитых колёсах набрал ход. Кто-то замешкался и повис на кузове, Дима стрельнул – вскрик, и парня втащили внутрь.

– Баграт, ходу! – голосит он.

– Заряжай и бегом! Без колёс не уйдут, – Мёдов в бешенстве.

Пять минут бега и втроём упали в пыль, впереди стоит грузовик.

– К нему, – шепчет Мёдов.

С автоматами у лица, впрыскав подобралось. Колёса пробиты все, из бака течёт. В кунге лужа крови, на водителя выстрел пожалели – полоснули ножом по горлу. И забрали систему связи.

Макс уловил за деревьями шум, там сорвалась и умчалась легковая машина. Посмотрел на товарищей, и они это слышали. Мёдов упал, и плечи задёргались.

25

– Ух, братцы, век помнить буду. Вы кто? – шумел и ёрзал Шепелев.

Серёга выругался, он пытался затянуть жгут на бедре. Впятером в «жигулях» стало тесно.

– Добрые разбойники, везём тебя домой.

– Разбойники обычно выкуп требуют... Ну будет вам награда, только бы добраться.

– Бензина хватит – разжились. Колымага должна дотянуть.

Шепелев нахмурился, щёки надул.

– Зуб даю, сынок рад видеть не будет.

Баграт отмахнулся, ему неинтересно, сейчас нужно просто убратся подальше. Машина до шоссе не дотянула, встали меж двух озёр, вокруг ни души. Иваныч копается в двигателе, уже остывшем, Серёга морщится и матерится от боли. Шепелев глянул карту, заявил, что в десяти километрах на восток посёлок, там же дорога. Снова взвыл Серёга:

– Ой-ё! Десятку топать!

Баграт стоит в стороне, закрыв глаза. В ноздри рвётся ядрёный запах незнакомой травы, а в ушах стоит эхо шепелевских слов. Серёга точно не дойдёт. Ещё и заказчик не выходит на связь, а без его указаний действовать себе дороже – вернут барона домой, потом окажется, что не надо было.

– Всё! Померла, куча навозная, банка жестяная! – Иваныч хлопнул капотом.

От Баграта ждут решения.

– Так, значит, Артём, Иваныч, найдите пару жердей, вон возле озера деревья вижу. Насадим спинку от сидушки – вот и носилки.

– Да ты что, я дойду!

– Не дойдёшь, – Баграт покачал головой.

Серёга потрогал рану, скривился и сник. Пока готовились, Баграт ещё раз взял трубку, взглянул в серое небо, обращаясь к спутнику. Нет, на том конце тишина.

«Ладно, за то мне и платят, что сам решаю вопросы».

Носилки тащили по очереди, даже Шепелев не отлынивал в благодарность за спасение. Или понимал, что это в его интересах. Передав ношу, поравнялся с Багратом.

– Ты так и не сказал, кто вы, кого мне благодарить.

Баграт пожал плечами.

– Благодарю судьбу. А мне сначала нужно с начальством поговорить.

Шепелев повесил голову, ничего не ответил.

– Да ты не трясись, – продолжал Баграт. – Пока что мы ведём тебя домой.

Посёлок нашли, хоть и добрались в темноте.

– Краснополье, ребят, оно самое, – заверил гонявший козу дядька.

Деревянные и кирпичные дома, свет костров и фонарей, шум, несмотря на позднее время. По совету пастуха, сначала разыскали знахаря. Даже не так, Знахаря – так его называли. Хотя по виду обычный сельский врач.

Сразу, с вечера договорились о машине, утром в Абакан повезут зерно. Шепелева узнали, поэтому гостей обеспечили комнатой и ужином. Глава посёлка долго сжимал в руках ладонь Шепелева, о чём-то шептал, кивая.

Шепелев вернулся к парням с улыбкой.

– Люди знают, кому обязаны, добро помнят.

– Как же хорошо, что ты с нами, – съязвил Баграт.

Пришёл Знахарь, сказал, что достал пулю, но крови потеряно много, Серёга без сил, пока что останется у него.

– Ну, – Шепелев откупорил бутылку, в нос ударило спиртным. – За парня.

– Под твои пули башку подставил, – напомнил Баграт.

– Да знаю же! Отблагодарю, не обижу. Домой бы добраться...

– Будем, – Иваныч не церемонился.

От ста грамм и горячей пищи в сон свалило тут же. Баграт посмотрел в окна, прислушался, закрыл дверь на щеколду и лёг. Пистолет сунул греться под подушку.

Скоро, с рассветом, посёлок проснётся, дисциплина – первое условие выживаемости любой общины, хоть деревни, хоть страны. Поэтому нужно спешить. Парни только вдвоём знали о похищении, сами только из города, и, увидев Шепелева, обомлели. На пленного не похож и держит путь домой.

– Младший уже за дела взялся, по отцу не скорбит, еле радость скрывает.

– А будет ему радость, когда батя вернётся, – оба говорят шёпотом, с паузами, прислушиваясь.

– Или не вернётся...

– Мы же решили не убивать! Он ему отец всё же.

– Да помню, порешим остальных, его захватим... Всё, пришли.

Напарник схватил за руку.

– Стой! У них же стволы.

– У меня ружьё, надоел! Режем спящих, никто не дёрнется.

Обошли дом, заглянули в окно. Внутри темнота, вроде видна кровать... белки глаз!

– Чёрт!

Оба юркнули вниз, переглянулись.

– Показалось?

Чувствуя дрожь товарища, один снова прижался к стеклу, смотрел долго. Точно показалось. Поддел раму ножом и отворил, удалось без скрипа.

Первый проник тихо – специально разулся, сразу присел. Второй за ним. Коснулся плеча, мол, я здесь, и комната взорвалась. Вспышка, потом грохот, рядом упало тело, захрипело. Снова грохот, хрип прервался. «Это выстрелы!» – понял лазутчик и замер, не в силах двинуться.

Баграт перевёл пистолет на вторую тень, та не шевелится, выстрелил, целясь в бок – не в сердце. Вылез из-под кровати, прыжком к окну, выглянул – чисто. Один дышит, придавил коленом.

– Что надо?

– Шепелев...

– Кто послал?

– Сами! Не надо...

– Врёшь, гад.

За спиной вскочили, засуетились, лязгнули затворы.

– Иваныч, Артём, к Серёге быстро! А ты за дом, тыл смотри, – Баграт кинул Шепелеву подобранный обрез.

Нападавший хрипит. Баграт схватил за волосы и рванул на себя.

– Кто послал?

– Чирик сказал: заработаем... Перехватим его и доставим молодому.

– Молодому? Чирик?

– Сыну Шепелева. Он... он давно мечтал отца слить. А вон Чирик...

Баграт проследил за взглядом, Чирик стал кучей тряпок и залил полы кровью.

Уж не ясно, привыкли ли тут к стрельбе, но проснулись сразу же. К дому стянулись со всех сторон с фонарями, вроде бы с ружьями. Застыли неподалёку.

– Они в теме? – шёпотом спросил Баграт, почувствовал коленом, как внизу мотают головой.

– Только мы, потому ночью пошли. Эти старшего уважают, – парень замолчал и поинтересовался робко. – Я бок не чувствую, перевязать бы...

– Рот закрой. Меня бы перевязал? То-то.

Подошёл, пригнувшись, Шепелев.

– Меня здесь не могут предать, я им верю

– Сиди тут, мало ли что.

Баграт поднял раненого, за шкурку вытащил на крыльцо, упёр ствол в спину.

– Ваш?!

– Да! Что стряслось? – говорил главный, не прятался.

– Я его убью. Подходи один, и поговорим.

Мужчина осмотрелся, прочёл что-то в глазах товарищей и медленно пошёл вперёд. Дробовик демонстративно положил на сгиб руки. Когда поднялся на крыльцо, закрыл спиной от стрелков, Баграт отпустил подранка, тот осел на пол.

– Внутри ещё один – мёртвый, вломились с ножами и ружьём. Что скажешь?

– Ничего. Будь моё желание, их было бы не двое, – мужик наклонился, взял парня за подбородок. – И не наши это. Вчера из города приехали за зерном.

– Ага-а! Это с ними завтра мы должны ехать? Вот спасибо!

Из двери Шепелев видел, как Баграт крепче сжал пистолет за спиной.

– Что мне сделать, чтобы ты верил?

– Отпусти всех и зайди в дом, там поболтаем.

– Знахаря кликну, не то парень кровью истечёт.

Расселись на кроватях друг напротив друга, Баграт смотрит мимо всех – в окно. Глава посёлка уже без ружья, но куртка топорщится.

– Ещё раз. Эти залётные, я ничего не знал. Зачем залезли – без понятия, может, грабить... но это глупо.

Баграт и Шепелев молчат, приходится продолжать.

– Что гадать, у него и спросим, пока жив.

Бедный парень, весь белый, ещё в сознании, наверняка уже трижды пожалел если не о содеянном, то о неудаче.

– Не мучай, мы уже спросили, – заявил Баграт. – Другое интересно...

В дверь постучали, попросили не стрелять. Вошёл Знахарь и Артём.

– Серёга в порядке, с ним Иваныч. Серёга спит как убитый.

– Так себе сравнение в его-то случае, – покачал головой Шепелев.

Знахарь занялся раненым, Баграт задал свой вопрос раненому.

– Ну мы чего... Можно, конечно, с утра вас увезти, в дороге разобраться. Но опасно, решили ночью. Сразу бы уехали.

– Точно, – всплеснул руками глава посёлка. – Машина уже гружёная.

Раненый понял, что умереть ему не дадут, разговорился.

– Чирик сказал, знает, кто к хозяину проведёт.

Шепелев фыркнул.

– Это и сам знаю, – повернулся, подался вперёд, заглянул главе в лицо. – Алексей, я давно тебя уважаю, ты меня. Спрошу две вещи, ответь правду.

– Валяй.

– Я тебе плохое делал?

– Не припомню.

– Значит, за меня пойдёшь?

– Глупости говоришь.

– А против сына моего? Против власти?

– Так вот в чём дело... Как же так вышло?

– Ответь мне, Алексей.

Мужик встал, отвернулся к окну, поковырял носком ботинка пол, как провинившийся школьник, и ответил негромко.

– У меня сотня человек здесь, мы зависим от города... Но предавать я тебя не буду. Лично всё сделаю, но остальных не втяну, извини.

– Это уже немало, спасибо.

Над горизонтом разлилась утренняя заря, кто сидел у окна – почували на лице свет, но не тепло. Пора было решать и решаться.

– В Абакан. Бояться нечего, у меня есть верные люди.

– У вашего сына их не больше?

– Не знаю, потому и еду в кузове.

Серёгу и пленного оставили, выехали поскорее, посёлок только просыпался. В зеркале долго был виден Алексей, он словно просил прощения. В жёстком кузове, разделив одну накидку, тряслись Шепелев с Багратором. Пахло зерном.

– Уже жалею, что согласился. Мешки только кажутся мягким. Ехал бы с комфортом в кабине, мне-то прятаться не надо.

Шепелев со смехом похлопал себя по бокам.

– А мне ничего.

– Ещё бы...

– Но давай о деле. Когда ты позвонишь хозяину?

– Отъедем подальше.

* * *

С этими повстанцами покоя лишился и Гловацкий. Никаких действий, только суета, но ни одной свободной минуты. О звонке по спецканалу доложил помощник.

– Отлично, что всё получилось. Сложности? Да, знаю, на то и был расчёт. Хорошо, дай ему трубку. Доброе утро. Именно так, это по моему приказу вы на свободе. Я представляю верхушку, что вы ещё желаете знать? Не имя же в самом деле, – Гловацкий рассмеялся. – У меня нет конкретной задачи для Вас, просто хочу дружить. Кстати, ваш сын уже связался с нашими. Сами знаете, чего он хочет? Ну тем лучше. У нас ещё не знают о провале вашего похищения, бригада экспертов вылетит к Саяно-Шушенской ГЭС завтра.

Гловацкий что-то долго слушал, кивал и начертил на бумаге странную сложную фигуру.

– Короче, так. Ты в моих интересах, но помогать могу лишь на своей территории, остальное сам. И Баграт, ему верь.

Мёдов совсем раскис. Дима с Максом, идя за ним, слышали, как он бормочет. Уже два часа шли не разбирая дороги. Наконец лейтенант завёл их в болота и ухнул в тину по колени. Вытащили, нашли сухой пяточок, развели костёр.

Мёдов только скинул обувь, больше и пальцем не пошевелил. Он молчит, глаза прячет. Дима свернулся в клубок и показал спину, дрожит. Макс плюнул на них, стал дёргать мох. Влажный, он совсем не горел. Рвал, жёг, раздувал до боли в щеках, и вот затрещал огонь. Мёдов, всё глядя в сторону, придвинулся ближе.

– Всё нормально?

Мёдов молчит. «Ладно, на это ты точно ответишь».

– Ты ошибся. И всегда будешь помнить.

Командир встрепнулся, сфокусировал взгляд.

– Да-да, – продолжал Макс, – всё по твоей вине.

– Что-о? – одними губами вывел Мёдов.

– И Ерёменко погиб! И Вася... Все погибли!

Перебор. Мёдов прокусил губу и вскочил. Макс отпрянул, не успел, командир швырнул его наземь, придавил коленом. Потянулся за оружием, Макс ухватил руку. От возни проснулся Дима.

– Щенок! Не смеешь!

Мёдов ударил кулаком, вырвался и вскинул автомат – дулом в зубы. Сзади бросился Дима, вцепился в оружие, завалил командира в траву и слетел кубарем, получив прикладом.

– Очнулись оба? – Макс и не думал подниматься, вытирал с лица грязь.

– Сукин сын... Ай да сукин сын! – Мёдов рассмеялся, опрокинулся на спину – в лужу, автомат на замочил – привычка.

– Меры экстренного возврата к жизни пропавшего командира? Хорош, Смирнов, запишу благодарность в личное дело.

Дима понял, что его не пристрелят, и шумно выдохнул, подполз на четвереньках.

– Отряд, слушай приказ: привести себя в порядок, найти место для ночёвки. Какого хрена я вас в болото завёл...

– Есть, товарищ лейтенант! – просиял Макс. – С утра поохотимся? Следы видел.

Мёдов махнул рукой, с кислой миной надел мокрую обувь. С новыми силами из топи выбрались быстро, но дальше ноги не шли, потому встали тут же.

– Здесь бы зерно сажать, – Дима дёрнул жёлтый сорняк, такие простирались до берёз.

– А ну гляди! – ткнул в них Макс. – Дым?

Не понять, уже темнеет, на сером фоне струйка дыма может и мерещиться.

– Да, как будто... – шурится Мёдов.

– Ох! – втроём одновременно.

В сумерках взлетела искра, ломанулись без команды. Макс отметил точку на компасе, поле широкое, пока дойдут, совсем стемнеет. А поле оказалось ещё и длинным. Шли по холмам, горизонт поднимался и опускался, деревья не приближались. В траве шуршало, пару раз что-то крупное, хватались за оружие. Но дошли. Отплевались полынь-травой, продрались через сучья и вышли на опушку прямо к хижинам и костру.

Дима присвистнул, Мёдов щёлкнул предохранителем.

– Идём осторожно, мало ли кто здесь.

– Запах какой, мм... – потянул носом Дима.

Дым шёл из-за домика, обошли его, увидели тушу на вертеле, уже запёкшуюся. Вокруг четверо на корточках, один проткнул мясо ножом, кивнул. Другой поднялся звать остальных и замер, из тени вышли трое в камуфляже. Местный обернулся на своих.

– Беги, скажи, еда готова. А вы подойдите, подойдите. Машина сломалась?

– Когда-то... Мы пешком. Заночевать можем?

– Конечно. Вы и к ужину успели, – говорящий ещё раз надрезал мясо. Он казался стариком в темноте: космы волос, серая борода, сам сутулый; но голос не под стать.

Подошли жители, всего человек двадцать, на вид обычные, одежда в заплатках. В свете костра блеснули ножи, топор, у парочки за спиной ружья. Макс пихнул Мёдова, тот сам видел.

– Ну давай, пока горячее.

Седой сам ловко – в два приёма – делил мясо. Люди рассаживались неподалёку, Макс косился через плечо.

– Сейчас тарелки принесут, а то руки обожжёте и форму запачкаете.

– Ерунда, камуфляж.

Досталось всем, в тени вокруг зачавкали. У костра остался лишь седой.

– Утром уйдём, спасибо.

– Да чего там, я не гоню. Патроны есть? С охотой подмогли бы завтра, здесь оленей стая забрела – выследим.

– Мы не охотники, отец, уйдём с утра.

– Ваша воля, ваша воля... Вкусно?

Мёдов кивнул, облизался.

– Сочный зверь к вам заглянул.

Седой всплеснул руками.

– Обидеть хочешь?! Зверь везде один, а вот готовить уметь нужно.

Улыбнулись, извинились. И вроде перестали чувствовать взгляды на затылках.

– Тут же не одни олени, – заговорил Дима. – А у вас ни забора... Не боязно?

– Ночью в домах спим, не залезут, так огнём пугаем. А кто не боится, тому и забор не помеха... ружья имеются.

Сейчас бы многозначительно глянуть, но местный просто ел оленя. Он охотно рассказал о своей жизни и ничего не спросил о гостях – мудрый человек. Живут здесь выходцы из разных мест, кто заплутал, кто бежал.

– Есть и преступники, не без того, – он поднял палец.

До города ходят, но обычно незачем. Обитают в удовольствие, рыбачат. Многие вскоре прощаются: отдыхают и уходят.

– Не беда, всегда кто-нибудь вместо них остаётся. Отдыхают с полгода – год... и тоже раскланиваются. Только я с семьёй никуда не деваюсь.

– Большая семья-то? – спросил Макс.

– Хорошая, – седой задумался и перевёл тему.

Выходило, что их селение – дом отдыха для нуждающихся.

– Благодать, – потянулся Дима и зевнул.

– Давайте-ка ночёвку покажу, утомились вы.

Легли осторожно, чтобы не разбудить соседей по койкам. Ладные деревянные стены держат тепло, нагретое телами, получилось даже раздеться. За стенами слышен шелест листьев и крики ночных птиц.

– Как под Тулой, – прошептал Макс.

– Где?

Макс не ответил, ему снилась другая ночь в другой палатке, другие люди. Игорь. Когда в лесу ухнул филин, Мёдов поднялся. Тело ломит от усталости, голова не соображает, а сон всё не идёт. Он вышел, прикрыл дверь. Обошёл хижину, вдыхая полной грудью, и наткнулся на седого. Тот молча подвинулся, освобождая место на бревне, гладком, без коры.

– Думал послушать, о чём говорить будете, – он не смотрел на Мёдова, набивал искусно вырезанную трубку. – Да и не сплю я ночами.

– С утра мы уйдём, – в который раз заверил Мёдов.

Седой не ответил, чиркнул спичкой, подул – ноздри щекотнул пряный запах.

– Лепестки местные, названия не знаю, но дурманит... ах! Попробуй.

Не похоже на коноплю. Мёдов задержал дым в лёгких, выдохнул вдвое меньше. Затянулся ещё. И не успел вернуть трубку, шибануло – аж затрясло. Через секунду отпустило.

– Ох...

– Обожди, – местный хитро улыбнулся.

Дурь накрыла с ударом сердца, только теперь мягко, бережно. Шея онемела, но голова почему-то не упала. Мёдов осмотрелся, силуэты не плывут, но тень пульсирует. А в мыслях вдруг пустота как по щелчку. Щёлк, щёлк...

– Эй! – Седой похлопал в ладоши перед носом.

– Да здесь я.

– Говорю же, хороша.

– Дай ещё.

– На.

Время застыло, даже птицы смолкли. Мёдов косился на собеседника, он так и не видел его при свете. Когда разгорается огонёк в трубке, виден острый нос крючком и как будто морщины. Сознание дорисовало образ перьями на голове и краской на щеках. Индеец. Злой вождь племени людоедов. Мёдов не чувствовал тяги к болтовне – чудо-дым уже отпустил – но заговорил.

– Я устал. Это не первый отряд, что я погубил.

– Но ты ведь и спасал?

– И спасал...

– Ты не думай о былом, оно как дым, – седой выдохнул в лицо. – Было – ушло, забудь.

– О чём же думать?

– Ни о чём, послушай историю. Жил да был в степи сурок. С молодости самый зоркий и шустрый в стае, как опасность – он первым свистит и в нору. Вот и пережил отца, братьев и сестёр, завёл семью. А прыти не утратил, чуть что – всегда начеку. И вот раз опоздал со свистом, утащил орёл двух сыновей, а его не достал. Горевал, думал сурок... Сколько времени уже?

Мёдов очнулся, его усыплял голос.

– Три.

– Спать пора. Короче, хрен с ним. Не спрятался сурок, искупил, так сказать, убила его змея. Отдохнула, залезла в нору и детей порешила. Был бы жив, увёл.

– Это мораль?

– Это конец. Давай на боковую.

27

Переговоры с властями удались, как Игорь и думал. Он сразу связался с Крутовым, тот ответил сам.

– Уходят, гады! Что ты сделал?

– Развязал войну.

– Не при моём статусе спрашивать, но что теперь делать?

Игорь выждал, барабанил пальцами по столу, подумал.

– Ничего. Укрепите стены, разберитесь со всем. Будьте готовы мне помочь.

– А ты?

– Сейчас буду думать, есть одно предчувствие.

Игорь откинулся в кресле, потянулся, на лицо легла улыбка. Крутов теряет контроль, он заперт у себя и мало что может. Ничего не может. Но его хотя бы не сметут в первую очередь... Теперь Игорь цель номер один.

– Кофе есть? – это пленному связисту, свидетелю великих дел. Тот кивнул.

Игорь вынес две кружки во двор, Саша закончил с указаниями личному составу.

– Во-о, добро! – принял напиток. – Пятеро ранены, один, боюсь, отмучается скоро.

– Пять трёхсотых, – поправил Игорь машинально, думая о своём.

– Чего?

– Их бригада не будет гулять в поле, ей наверняка поставили задачу. Как думаешь, какую?

– Нас выбить.

Игорь поскрёб затылок.

– Не хотелось бы. Да и всё-таки мы на военной базе, с наскока не взять.

Саша пожал плечами, Игорь воскликнул.

– Ах чёрт! Я дурак.

– Ну?

– Чего мы гадаем? Позвоним и спросим. Айда со мной.

На ходу Игорь объяснил.

– У нас же спутниковая связь и все каналы под рукой.

– А толку? Наверняка мы в чёрном списке.

– Попробую схитрить.

Вернулись к заскучавшему связисту.

– Труби SOS.

– А?

– По всем каналам: спасите-помогите.

– Зачем?

Игорь аж поперхнулся.

– Ты военный или кто? Выполнять!

* * *

– Товарищ генерал, есть сигнал! – доложил вбежавший адъютант и замер по стойке, тяжело дыша.

– Доложи.

– С захваченной базы просят помощи.

– Опомнились... так! Просят помощи? Что сообщают?

– Ничего, товарищ генерал, только сигналият.

– Не могут привлечь внимание что ли? Неужто вырвался кто-то. Бегом наладить связь!

Адъютант умчался, генерал быстрым шагом – бегать статус не позволяет – за ним.

* * *

– Центр откликнулся.

– Игнорируй, – приказал Игорь. – Ждём. И помни, глобальные проблемы не твоё. Ты спасаешь своих парней, что рядом, и себя заодно.

Выждали, и военный снял трубку, заговорил быстро и шёпотом. Игорь слушал через наушники.

– Это пятая база, приём... На нас напали, захватили. Они уходят, вывозят арсенал на машинах.

– Куда уходят?

– Чёрт его знает! Кто-то идёт... Я уничтожу телефон.

– Стой, боец!

Игорь вырубил связь, потрепал военного по щеке, приказал увести. Саша смотрел, ожидая разъяснений.

– Теперь вот что. Им не угадать, куда мы пойдём, – Игорь усмехнулся. – Хотя и попробуют. Закроют дороги и возьмут в клещи. Мы опасны и непредсказуемы, захотят устранить в первую очередь, Кемерово пока оставят в покое, а мы подыграем.

– Подробнее можно?

– Да, Сань, слушай внимательно, повторяю один раз.

Игорь включил телефон, ему ответили сразу.

– Миша, ты дежуришь там, что ли? Мне нужны корабли. Хорошо бы баржи – погрузить всё. И оставь одну для нас... думаю в Томск наведаться.

Саша дёрнул себя за бороду, проверяя, не спит ли.

– Да, по воде, они же закроют дороги. Уверен, те молодчики и сейчас недалеко от вас, меня поджидают. Так что действуем по-моему.

Дальше Саша не слушал, пошло обсуждение деталей. Он думал о логике, о Томске – это на севере – и не понимал. Игорь казался уверенным, даже слишком, не эйфория ли это? Саша видел уже командиров, пьяневших от побед и губящих всё. Но этот взгляд и голос... нет, Игорь точно знает, что делает.

– Чего застыл? Собираемся, – голос Игоря вывел Сашу из раздумий.

Грузовики набили оружием под завязку, замучились грузить на баржу. Сюда же загнали оставшиеся машины. Корабль ушёл обратно и забрал раненых. В распоряжение отряда поступил второй – длиннющая посудина. Курс взяли курс на север, по течению.

Уставшие бойцы завалились прям на палубе под навесом, только командованию как обычно не до сна. Игорь встал на носу, ухватившись за фальшборт, брызги бьют в лицо и стекают по куртке. А впереди темнота, осязаемая – хоть руками хватай.

Игоря беспокоило, как резко он сам сорвался на север. Он знал кое-что про Томск, всё равно бы там оказался, но сейчас так спонтанно, словно бегство. Он отшагнул, вода плеснула на ботинки. Пускай. Рраз так складывается, нужно действовать.

Игорь оглянулся и никого не увидел, он вдруг почувствовал, как одинок. И бойцы, и Саша умрут за него, но не за его идеи, которых не поймут. Тот, кто мог бы оценить, остался по ту сторону. Игорь сам его оставил. Если на секунду представить, что Макс рядом с ним... Он бы поразился тому, что друг наворотил в одиночку. И всё бы исправил, как всегда. Наверное, он должен стать образцовым офицером. Игорь очень хотел ещё увидеть Макса, но боялся, что теперь только в прорезь прицела.

Корабль проплыл мимо пожара, огонь доходил до самой воды, та играла заревом далеко вперёд. Игорь сам зажигал целые деревни, заставлял уцелевших идти в город и работать. Они с Максом делали это. Учились ловить шпионов, а тренировались запугивать беззащитных людей. И почему-то в памяти нет Макса с файером в руке, он и бензином рук не пачкал, только бил прикладом непослушных. Может, ему и не снится ничего?

Игорь зашёл в рубку, капитан обратился во внимание. По просьбе развернул карту.

– Утром будем. Ты бы выспался, вон возьми мою койку.

Проснулся Игорь, как и уснул, мгновенно. Но не первый, Саша уже гоняет ребят. Заставил почистить оружие, посчитать боезапас.

- О, командир! Скажешь чего-нибудь?
- Доброе утро, наверное, – Игорь улыбнулся, поёжился от холода.
- И сразу созвал штаб.
- Известно ли вам, что такого в прекрасном городе Томске? Са-мо-лѐ-ты...
- Тю-ю! В небе ни одного не видел, – не поверил Саша.
- Ну, положим, я видел. Но эти, на наше счастье, стоят на земле, и мы до них доберѐмся.
- Подожди, – Саша пошёл мерить шагами каюту. – Мы же их не утащим.
- Есть один вариант.

28

На ржавом грузовике Шепелев и компания весь день катались по городу, встречались с людьми. Баграт терпел и ждал, а Иваныч с Артёмом вовсю глядели: гаражи, лодочная станция, склады – везде встречали серьёзные и, по словам Шепелева, верные ему мужчины.

– Указания раздал, ждѐм вестей, – заявил Шепелев.

Засели в лачужке на берегу, занялись ужином – щедро нагрузил один из связных. Баграт ещё видел, как он сунул Шепелеву пистолет, тот его спрятал в карман.

– Когда до того дойдѐт, сможешь решить вопрос? Не спасуешь? – спросил Баграт.

– Убивать, что ли? Кого? Нет конечно, и тебе не дам. Мы так всё решим.

– Вот бы он тоже так думал.

С утра явились к условленному месту – бухте неподалѐку. Еѐ давно забросили, она высохла, получился закуток в зелени. На встречу Шепелев пошѐл один, что Баграту не понравилось – он укрылся рядом, но слов не слышал. Иваныч с Артёмом страховали у воды.

Шепелев говорил так долго, что Баграт успокоился: хотели бы взять, уже бы схватили. Он пытался сквозь кусты понять по жестам говорящих, не получалось. Шепелев двигает лишь губами, а связной только качается с пятки на носок, руки в карманах. Закончили болтать, руки пожали – хороший знак. Шепелев вышел на берег, Баграт проследил, нет ли «хвоста», и к нему. Шепелев присел у воды и молчал.

– Вижу, ребята возвращаются, – подстегнул его Баграт. – Им не всё нужно слышать.

– Я не думал, что так много его поддержит. Он сказал меня не искать – послушались, свалил похищение на бандитов – поверили. Люди обжились, им жалко терять места.

– Везде так.

– В Абакане раньше не было. Но это лирика, – Шепелев потянул щёки в улыбке, стал похож на бультерьера. – Тебе нужно скоординировать наших друзей, я не пойду в центр города, могут узнать, – хотя по выражению лица читалось, что Шепелев боится чего-то ещё. – Не волнуйся, место приятное – наш знаменитый бордель.

Что ж, Баграту за дыры в шкуре и платят, хотя обычно не в своей. Там его ждали. Из темноты на плечо упала рука, обыскали тут же – нарочно грубо, подтолкнули по коридору. «Нервничают». Пистолет он спрятал за углом.

На встречу пришли трое, но говорил один – толстый, с поставленным низким голосом. Баграт про себя окрестил его «соловьём».

– Он сказал, что ты придёшь. А сам стесняется-смущается, вестимо, и это после стольких-то лет...

Замолк, переход хода.

– Рассуждает-переживает, мало ли срисуют злодеи, сыном родным засланные, – наверное, так дразнить – лишнее, но Баграт не удержался.

– Мудрый человек, мне всегда нравился. Наш ответ, – мужчина обвёл взглядом партнёров, – да. Штыки готовы. И напомни ему, после всего наши условия придётся пересмотреть, – он вскинул руки. – Не думай, не гадай, просто передай.

Баграт ограничился кивком.

– Нам нужно время. Может, пока отдохнёшь красиво? В счёт заведения любую возьми-удиви.

– А вот и отдохну! – Баграт потёр ладони. – Ведите в протестантский рай.

Баграт остыл довольно быстро, заплатил молодой брюнетке, хоть и не должен был, и остался один в тёмной комнате. Он думал.

Утром они не ушли. Макс проснулся, зевнул и огляделся: в палатке сопит один только Дима. Макс отпер дверь и обнаружил командира, тот уже смастерил перекладину и упражнялся – сильными руками выдёргивал тело чуть ли не со свистом. Значит, пришёл в себя. Но почему они ещё здесь?

– Товарищ лейтенант, когда выходим?

Мёдов крутанулся через голову и плавно опустился, аж носочки вытянул, обернулся.

– Чего вскочил? Отдыхал бы, – произнёс он непривычно мягко, по-отечески.

– Я думал, мы двинемся...

– Куда? Ты знаешь? Я нет, – Мёдов накинул куртку, пряча разгорячённое тело. – Мы ещё солдаты, мы ещё отряд, но командир не видит цели. Я не хочу идти наугад.

– Но по-другому теперь не получится.

Мёдов дёрнул губами, посмотрел куда-то в сторону и пошёл. Бросил через плечо:

– Буди Семёнова и догоняй, завтрак вам греть не будут.

Ели со всеми вместе, напряжение ушло, сколько Макс ни ловил косые взгляды – их не было. Седой допил бульон из миски, толкнул Мёдова коленом.

– Бездельничайте пока, к вечеру пойдём на охоту, а то едите вы за радость.

Обитатели разбрелись по хатам и хозяйству, военные остались не у дел. Побродили, посмотрели. Мёдов пропал, Дима опять заснул, Макс не удавалось. Часы тянутся как резина, лишь за минуту до шагов с улицы Макс понял, что ушёл ещё один день.

С Седым был Мёдов и двое местных – коренастые и похожие, будто братья, с ружьями за спиной.

– Снаряжаться извольте.

– Нам проснуться только, – Макс растолкал Диму. – И обуться.

Один из охотников что-то шепнул Седому, тот кивнул.

– Мы на зверя идём, – зазвучал мягкий, бархатный голос. – Позвольте рожки.

Охотник сел, в руке уже нож, взял магазин и выщелкнул патроны. Удивился, взглянул на Мёдова – боекомплекта нет и половины.

– Ничего, мы сами много не берём, дисциплинирует, – заметил Седой.

Быстрыми движениями охотник мелкой пилкой на обухе клинка надрезал наконечники пуль.

– У дичи бронежилетов нет, ваши пульки будут насквозь шить – толку никакого. А так хоть в туше раскроются.

Военные доверились знающему. Он же и повёл по маршруту, даже Седой подчинялся каждой команде.

Шли гурьбой, как чаща сомкнулась – цепью, след в след. Но всё так же скорым шагом, нужно было успеть до темноты. Седой шёл вторым, ведущий заботливо придерживал ветки, кивком указывал на ямы и камни под ногой, подавал руку. Макс так не повезло, перед ним топтался Дима, закрывал обзор и мешался. Второй охотник замыкал, отстав. Он молчал, и Макс не терпелось узнать, достался ли ему баритон брата. Даже специально сбивался с тропы, но его возвращали на место молча, рукой за плечо. Когда голова пошла кругом от тени и зелени, охотник остановил отряд. Мёдов глянул на часы, времени прошло меньше, чем ему казалось.

Охотник раздвинул ветви, и показалась поляна. Уже было плохо видно, но он заверил, что почва влажная и трава зелёная, звери сюда ходят. Затем скользнул со склона и, вернувшись, сказал, что следов пока нет, гости будут.

Он расставил всех по позициям, объяснил, что олени сначала пустят разведчиков, только потом завалятся всем стадом, поэтому спешить не нужно. Показал два свистка, один – сигнал к стрельбе, другой – общий сбор.

– Хорошо бы туда человека поставить, – блеснул тактикой Мёдов.

– Хорошо бы. Только по ветру будет, запах почуют, – охотник улыбнулся даже как-то виновато.

В кустах сидели долго, сумерки сменились темнотой. Но глаза уже привыкли и силуэт зверя различат.

Вот они! Сначала шелест, потом две тени. Замерли, Макс затаил дыхание, пошли дальше. Непонятно, что за животные, рогов не разглядеть. Они не издавали звуков, через минуту появились ещё двое, трое... четыре зверя. Раздалось чавканье и сразу трель. «Огонь», и Макс выстрелил – дважды в одну тень. Загрохотало, рванулось пламя из стволов. Достаться должно было всей стае.

Ни звука, живые метнулись обратно в лес. Бахнула двустволка, олень свалился, с ним второй. Звучит свисток – конец стрельбе. Люди сыпятся вниз, команда:

– Подранков добить!

Мёдов стреляет в упор, охотники бьют ножами, жертвы затихают. Ни одно животное не спаслось. И за всё время ни крика, только хрип и стон. Макса передёрнуло.

Оба охотника с Седым принялись за туши. Выпустили кровь, стали потрошить. Макс видел, как охотник поморщился, когда взял первую же, автоматные пули вспороли желудок. Военных отправили порубить жерди для переноски.

Костра не зажгли.

– А то зверь не вернётся, это плохой запах.

– А кровь?

– Впитается.

Луны не видно, но она освещает небо из-за облаков, лица усевшихся рядом в тених. Макс опять почувствовал родство, как будто его признали своим. Охотники и смотрят иначе: подолгу задерживают взгляд, и слушают с интересом. Даже второй, немой до этого, заговорил таким же приятным, как у брата, голосом.

Заговорили о разном, военным стали задавать вопросы. Расспросили о жизни, о том, что чувствует человек по ту сторону – под крылом власти.

Макс потерялся, от него ждали ответа, а он никогда об этом не думал. Не знал и не представлял другой жизни. А кое-кто представлял... Макс мотнул головой, отогнал воспоминания, заговорил не торопясь, взвешивая слова.

– Я с детства в системе, я всем обязан командирам, казарме и таким же как я – моим братьям. И тогда же принял, что живу не для себя.

– Мы тоже не для себя, – перебил охотник. – Это мясо будет есть весь хутор.

– Это не то! Я служу всей стране, это не тридцать человек.

– Эти тридцать – тоже твоя страна, но нам ты не очень служишь.

Макс не ответил, он как будто нырнул в озеро, где его слова бесполезны, лучше рта не открывать.

– Ты же ничего не решаешь, парень.

Макс вспыхнул, оглянулся на Мёдова, тот даже не смотрит на него.

– Вам бы решать! Решать есть кому, нужно делать. И я делаю, делаю честно.

– Это ты хватил... Не путай нас ни с кем, мы тебе не оппозиция. Хотя, признаюсь, я во многом с ними согласен. Кто решил, что люди должны пахать во благо... во благо чего? Будущего? Кто решил закрыть города от голодных и бросить их на голые поля? Всё те, кого ты защищаешь, страна. А не думал, что защита нужна не стране, а её людям?

Седой, видя, куда катится разговор, не пытался вмешаться, улыбался и зажёл трубку.

– Я не буду лезть в чужие дела, только ответь. Какой долг ты исполняешь, бездельничая с нами? – продолжал охотник.

Макс уже на пределе, был только рад поделиться злобой.

– А это вопрос нашему бравому командиру. Я же пешка, верно? Тупой исполнитель.

Мёдов встретил взгляды и продолжил чавкать хлебной лепёшкой, чем позабавил местных и вконец взбесил Макса.

– Серьёзно, товарищ лейтенант. Объясните, что за каникулы? Мы провалили задание, потеряли парней, потеряли вторую группу и сидим здесь. Объясните!

– Не собираюсь.

Охотник залился чистым и звонким смехом.

– Ах-ха... Верно, парень, замолчи и слушай мудрых, слушай старших... по званию.

Военные посмотрелись в щели глаз, это не для чужих.

30

Из тумана, как веками назад пиратский бриг, показался корабль. Тяжёлый, неподвластный волнам, остановился, затрещал маховиком – ухнули в воду якоря. Встали в пятнадцати километрах от города, укрылись за Синим Утёсом – сланцевой скалой. Сгрузили на плоты джипы, двумя шлюпками переправили состав..

– Связи нет, работаем по времени. Я рассчитал с запасом, должно получиться, – Игорь сделал отметку маркером прямо на запястье, напротив часов.

Проехали полями – издалека обогнули работяг, увернулись от еловых лап – мимо леса и выехали на дорогу.

– Богашёвский тракт, уведомил Саша. – Вроде тихо.

Игорь прислушался и согласился.

– Наткнёмся на местных, идём уверенно, оружие не прячем, косим под военных.

К аэропорту, сделав крюк, подъехали со стороны полей, с востока. На виду у караульного на вышке деловито побросали у забора инструменты, Саша покачал столбы – стоят намертво. Оружие упрятано под брезент.

Игорь прикрыл глаза от солнца, задрал голову.

– Где материал?!

Караульный свесился по пояс, пытаюсь понять, что происходит.

– У меня работы по горло, всю бригаду таскаю! Где металл?!

Караульный развёл руками.

– Ну и хрен с ним! Мне сказали, я делаю. Режь, пацаны!

Щёлкнули кусачки, и Саша вырвал секцию проволоки. Загудела лестница, не придумав лучшего, парень спустился с вышки. Он ещё думал, как разогнать работяг, а Саша шмыгнул внутрь, в два прыжка сгробастал и опрокинул его на землю. Игорь подобрал отлетевший карабин, присел на корточки.

– Какая связь по периметру, сколько людей, сколько оружия? Говори, будешь жить.

Почему-то все хотят жить. Диверсантов не заметили, они рванули к ангарам. Уже привычно: два человека лишают связи (здесь это спутниковый телефон у начальника), остальные работают по часовым – они сдались без стрельбы. И теперь к заветным крылатым машинам.

Здесь полный комплект: грузовые, пассажирские, лёгкие спортивные, вертолёты тоже. Игорь, дотянувшись, провёл рукой по крылу, холодный металл ответил скрипом. Поражали мощь и какое-то немое обещание этих акул.

– Они прекрасны, – шепнул Саша.

– Почему не летают? – Кто-то сзади.

– Маленькие на бензине летают иногда, а для этих нет топлива. Заводы погибли, запасы попрытали военные на чёрный день.

Игорь перехватил взгляд связанного механика у стены, казалось, он горд впечатлением. Диверсанты взялись за дело. Опустились на пол набитые взрывчаткой ящики, пошли по рукам детонаторы, в тишине слышен только шорох разматываемых проводов.

Если бы в городе среагировали сразу, всё равно бы не успели. Но в городе ни сном ни духом, пришлось тревожить по телефону.

К воротам с юзом подлетела легковая машина – одна, как договаривались. Хотя с вышки Саша видел в бинокль пыль от других колёс на границе видимости. Здесь не может быть военных, а местного ополчения бояться... это они должны бояться.

Машину с начальством и автоматчиками пропустили внутрь, глава, высокий красивый мужчина, демонстративно вышел вперёд, он ведь дома, в безопасности.

Игорю нужен контакт, а не конфликт, к тому же снайперы здесь только его. Он подошёл вплотную, мужчины встали на взлётной полосе перед ангаром – ветром продувает. Рассмотрел друг друга, оценили. Начать Игорь позволил оппоненту, проявил уважение.

– Вы залезли в пасть. Зачем?

– Я заминировал самолёты, – Игорь мог поклясться, собеседник не выдал волнения. – Меняю их на вашу дружбу.

– Вы горстка выскочек, и вас раздавят.

– Когда мы взорвём ангара, раздавят вас. Вы перестанете быть нужны, здесь же мизерное производство, крылья – единственная ценность. И город умрёт, жителей раскидают по стране.

– Если ты соберёшься и свалишь прямо сейчас, у вас будет шанс. Можешь даже не снимать взрывчатку, сами справимся.

– У нас есть люди и оружие. Когда придут военные, мы поможем отстоять город...

– Повторять не буду.

Игорь махнул рукой.

– Дай нам уйти. И рацию. Буду в безопасности, скажу, как разминировать. Сами не суйтесь, даже близко не подходите – там подлянка, рванёт.

– Без толку всё затеял, не находишь?

– Я без толку жил годами.

Взрыватели проверены, должны сработать минута в минуту, но Саша захотел остаться – проконтролировать. Рисковать другом Игорь не хотел, пришлось напомнить ему о субординации, силой втащить в машину.

Нырнули под холм и двумя машинами двинули к реке. Игорь смотрел на часы: ещё круг секундной стрелки. Она не замедлила вдруг ход, как бывает, только вот деления раздвоились в глазах. Четверть круга. А если не рванёт? Половина. А вдруг ещё хуже – рванёт? Сорок пять секунд. Остановите машину! Могут же озвереть, и нам конец. Что вообще за бредовый план, почему никто не возразил? Было бы можно, сейчас бы сам выкрутил порезал провода. Игорь спрыгнул на землю, глянул на часы – лишние полминуты. Неудача?

И он сначала почувствовал ступнями, затем увидел, а через секунды услышал грохот. Самое большое хранилище гражданской авиации со всем горючим и прочим отправилось к чертям. Храни, Боже, если кто там остался.

31

За стеной прогремела подвеска по булыжникам, скрипнула, и заурчал мотор на холостом ходу. Грузовик, должно быть. Баграт напряжился, затаил дыхание, в шуме выделил звук шагов. Точно за ним.

– Собирайся, готовы, – дверь открыли без стука.

– Нужно позвонить.

Гловацкий ответил мгновенно, наверняка ждал. Сообщил время вылета бригады и дал задание: оценку ГЭС нужно провести. Главный учёный у Гловацкого на крючке, сотрудничать будет с ним, можно всё устроить выгодно и тайно. В этом необходимо убедить Шепелева-старшего.

В «зил» с крытым кузовом набились крепкие ребята с одинаковыми лицами, уступили место с краю, задёрнули брезент. Машина тронулась. Баграт терпеливо перенёс оценку глаза в глаза, откинулся в тень и ощерился. Это те люди, с которыми он привык иметь дело: бандиты, многие убийцы – они сработаются, иначе не бывало.

В пределах досягаемости нет щелей, приходится ориентироваться по звукам и вибрации. Колёса отстучали по щебню, облизали асфальт и мягко вкатились на рыхлую землю. Здесь добавились ещё машины, им по пути, Баграт понял это по оборотам на одной волне. Скорее всего, выехали на простор – эхо улиц пропало. И правда, водитель дал газу, нагруженная машина с опозданием ускорила. Невидимые союзники не отстают.

Баграт заснул и проснулся, а они всё едут. Спросил, долго ли ещё, рядом лишь пожали плечами. Ясно, полна коробочка «штыков», командиры в другом месте. Здраво рассудив, что из города выехали, Баграт отодвинул завесу. Сидящие рядом жадно потянули головы. Сзади пылит такой же Зил, водитель помахал рукой, по бокам тянется простор и небо – низкое, розовое.

Перед Саяногорском сбавили ход, на въезде остановились, Баграт спрыгнул. Спешились командиры с трёх машин, здесь же Шепелев и двое из борделя.

– Город мёртвый, но в экспедициях там всегда перевалочный пункт. Скорее всего, младший ждёт гостей там.

– И точно не нас, – вставил Баграт.

– Если тебе верить, мы опережаем их на час.

– Верить, верить... Знаю, что говорю.

– Тогда решаем: дожидаться их или идти сейчас, – главарь задрал подбородок – здесь и думать нечего.

– И думать нечего. Давайте о другом, – напомнил Баграт. – Чего мы хотим? Вернуть власть – да, а что с бригадой из Центра?

– Развернуть и придать ускорения пинком.

– Хорошо хоть не пристрелить... Думайте глубже, нам завтра ещё жить и послезавтра тоже. Что с ГЭС? Хватит своих ресурсов на реставрацию? Я слышал, что вряд ли, – Баграт предостерегающе вскинул руки. – Почему не воспользоваться? Мы можем с ними договориться на своих условиях, мой хозяин поможет.

– Замолчи! Абакан – последний город, который не в цепях, а ГЭС – его шанс на вечную независимость. Я не отдам им станцию.

– Никто не просит отдавать...

– Хватит! – Шепелев обрубил так, что замерла ворона, копавшаяся в гнили. – Пока что это мой город, моя станция, от вас я просил людей, а не советов.

– Пока что как раз не твой... – главарь бросил окурок и повернулся к бойцам.

– Боевая готовность!

Те ссыпались из машин, привели в норму себя и оружие, командиры развернули карту. Баграт ждал от Шепелева слов наедине, тот смолчал.

В город вошли пешком с двух сторон: с северо-запада и с востока – через мост. Мимо пустых домов с провалами окон и разросшихся кустов прошли по треснувшему асфальту быстро, с руками на прикладах. Врага просчитали,

сын, как и ожидалось, остановился в центре, в Советском микрорайоне, где осталась база. Нападения не ждал и охраной не озаботился. Хотя людей с оружием полон двор, никто не беспокоится, жгут костры. Машины здесь же в куче.

Отправили разведчиков, те обошли квадрат района, на той стороне встретили вторую группу, вернулись с её командиром.

– Важных лиц не видно, снаружи только пехота.

– Отлично, значит не зацепим. Все же понимают, что без стрельбы никто не дастся?

Закивали.

– Тогда слушай команду: хлопнушки, залп в воздух и на прицел. Не поверят, дёрнутся – бейте на поражение. Твои когда будут готовы?

– Добегу к ним за пять минут, начнём через десять.

– Добро, сверимся.

Мужчины сверили часы, кивнули, и поджарый дядька в камуфляжных штанах и чёрной куртке исчез на соседней улице.

Подобрались ближе. Пятёрка бомбометателей ползком двинулась по обочине к цели в упор. Время вышло, и зажглись фитили. За забором грохнуло, закричали, полетели бомбы с другой стороны. Взрывпакеты не секут осколками, но вспыхивают и дымят всюду, парни валятся наземь.

Нападающие отстрелялись в небо, и те совсем потерялись, но кто-то нашёлся в доме. Из окна – единственного застеклённого – ударил автомат, звякнуло стекло. Тут же опомнились во дворе, похватались за оружие. Баграт нырнул, над головой свистнуло – не пуля, дробь. Жажнул в ответ, перекатился за дерево и замер.

У стен трёхэтажки схлестнулись вплотную, стреляют, закрыв глаза. Отряд здесь застрял, перепуганный враг забыл о бегстве или сдаче. Второй отряд штурмует здание.

Шепелев испугался за сына, дёрнулся, попал под пулю. Тяжело осел, по штанам потекло, но боли нет.

Бешеная стрельба опустошила магазины, повисла тишина.

Баграт выстрелил в чью-то спину, Шепелев попытался и не смог встать. Дверь на втором этаже вышибли ногой, проём покрестили из автомата. Глянув туда, боец увидел, в кого попал, выругался и побежал дальше.

Здесь были готовы сдаться, но взвинченный боец сорвался. Замелькали вспышки, коридор заволокло дымом. Пули впиваются в стены, рикошетят от батарей. Одна прямо в висок зачинщику.

Бойня на улице прекратилась, проигравшие наконец признали себя таковыми. Их под прицелом сбили в кучу.

Баграт первым ворвался наверх. Трое пленных стоят на коленях, над ними двое с оружием, кто-то стонет в коридоре. Баграт заглянул в лица живым и неживым, толкнул первую дверь и сразу его узнал: чёрные волосы, худоба, но такие же короткопалые ладони. Он оглянулся, бойцы отвели взгляд и вышли. Баграт медленно подошёл и присел.

Шепелев-младший лежит на боку, грудь в крови, голова в крови, та пузырится... и он дышит! Баграт успел, вцепился в руку, выбил пистолет. Раздался топот, заглянул боец.

– Шепелев мёртв!

– Вообще-то не совсем... – Баграт уже рассмотрел, что прострелено плечо, а не грудь, что на голове ссадина.

– Умер! Нашли под деревом, в бедро попало, артерия.

Абсурд и бред. Его просили не лезть, но Шепелев боялся за сына, хотел сам всё контролировать. И не испугался раны, ведь не может одна пуля в толстую ляжку убить такого человека. Абсурд и бред.

Младший повернулся на спину и растянул кровавые губы в улыбке – жуткой. Это он должен был умереть. Баграт оттянул затвор – патрон в стволе.

– Ты не нужен. Авторитетам ты не нужен.

Шепелев-сын перестал дышать, он теперь точно знал, что хочет жить. Баграт точно знал, что ситуация дерьмо, всё перевернулось.

– Сделаешь, как скажу, и я тебя вытащу, – на лестнице раздались шаги, Баграт заговорил быстрее. – Требуется только...

– Мне плевать, – зашептал Шепелев, – спаси меня, и сделаю всё.

Баграт сунул ему под куртку шапку, прижал рану, перевалил тело набок. В комнату вошли двое.

– Тебя зовут вниз.

Ступив на землю, глубоко вдохнул улицу – сморщился, всё пропахло порохом. Баграта подозревали, старшие встали над телом Шепелева-отца, рассматривают так, будто видят впервые или хотят запомнить навсегда.

- Раз всё так, есть предложение, – говорит один, другие ухом не ведут, значит уже обсудили. – Гостей в расход, в Новокузнецке подумают на младшего. Затем пустим слух, что мы его сместили, нам за то благодарность и уважение. Красиво?
 - Восхитительно. От меня что требуется?
 - У тебя же связь там с кем-то. Если твои слова – как наши, нам поверят.
 - Когда узнают, что Шепелевы мертвы, расторгнут прежние договорённости. Решат, что можно прибрать Абакан к рукам.
 - Дудки! Мы раньше своего не отдавали, а теперь и подавно.
 - И ГЭС?
 - Что ты хочешь услышать?
- Баграт слышал вертолёт.
- На крышу! – рявкнул старший.
 - Я с ними! – Баграт рванул за стрелками.

32

Приготовили добычу к переноске и стали ждать. Целый час никто не говорил, кто-то вздремнул. Макс всё косился на Мёдова, тот его не замечал. Наконец за ветвями показалось небо цвета дыма, посветлело за десять минут, луна осталась висеть потухшей лампой. Попарно взвалили груз на плечи.

Макс подумал, что местные дошли бы назад и по темноте, просто боятся за гостей. Палка отдала плечо, он, предупредив партнёра сзади, перекинул на левое. Впереди маячил затылок Мёдова, и Макс опять погрузился в сомнения, не отрывая глаз.

Наверное, только кажется, что командир пришёл в норму. Его гложет чувство вины или бессилия – не угадать. Как может боевой офицер расклеиться после первой неудачи? Или она не первая? Макс уже возвращал его к жизни, стоит попытаться ещё. Группой прикрытия тогда, на реке в Абакане командовал Багров – протеже командира.

Когда вернулись в посёлок, сдали груз, Макс тут же отвёл Мёдова.

– Командир, выслушай меня.

Мёдов осмотрелся, кивнул.

– Признаю, мы провалились. Но там остались наши парни, мы можем их найти.

– Не можем...

– Товарищ лейтенант! Я же не взываю к долгу, о нём сложно помнить вдали от начальства. Давайте просто найдём наших ребят.

– Говорю же тебе, не найдём. Как ты думаешь, где они? Какие у Багрова инструкции?

– Не могу знать.

– Никаких! Он не знает, куда мы ушли, что дальше, ничего не знает. По тому руслу было не уйти, он не должен знать ничего, если попадётся.

– Ведь есть шанс...

– Конечно. Тогда они где угодно. В уставе это называется отмена до возврата. Группа за штатом на срок до двух месяцев. Если по истечении не возвращаются на базу, считаются пропавшими и дезертирами наравне – до какой-либо информации.

Макс сжал губы, нахмурился.

– Всё равно можно просчитать. Кто-то их наверняка видел. А вдруг им нужна помощь?

Мёдов хмыкнул.

– Мы-то поможем, ещё как. Нечего здесь просчитывать, сержант, даже если по аналитике у тебя высший балл.

Макс вытянулся, он не представлял, как скажет это, поэтому выпалил на одном дыхании.

– Я уйду, считаю преступным оставаться и бездействовать. Если вы когда-нибудь вспомните о службе, можете доложить обо мне как о дезертире. Но если я вернусь, ничего скрывать не стану, – Макс щёлкнул каблуками – глухо, обувь облепила грязь.

– Не надо ничего скрывать. Диму заберёшь?

Дима отказался. Макс ушёл злой, только забрав рюкзак и набрав воды, глядя под ноги, и ткнулся в Седого.

– Возьми вот на дорожку, – он протянул мешок с мясом и лепёшками.

– Как узнал, что уйду?

– Угадал, – Седой хищно улыбнулся. – После тех слов кто-то должен был уйти.

Максу нравился этот вождь местного разлива, он выглядит, как будто давно устал жить, но это не сломило, а наоборот, ему стало интересно смотреть, как до того же доходят и другие.

– Дай мне совет, чтобы я запомнил.

– Иди. Всегда иди, нет неверных путей, в тебе огонь, ты не должен останавливаться. А командира не суди, он гаснет и сам это понимает.

– А ты? Гаснешь?

– Я никогда и не горел, – Седой улыбнулся ещё шире. – Тлею потихоньку.

Макс шёл весь день, остановился трижды – чётко по времени – для еды. Жевал, не чувствуя вкуса, шёл дальше. Не было ощущения, что он возвращается, хоть и было так. Дорога убегает за спину, значит он идёт вперёд.

Хотелось думать, что Мёдов переосмыслит, найдёт силы и цель, но ждать этого – трата времени, никаких гарантий. И так целые сутки потерял.

Ночью никак не приходил желанный сон и не избавлял от мыслей. Макс укрылся в обветшалой сторожке с гнилой крышей, прямо внутри развёл костерок из обломанных досок. В его свете развернул карту, блики заиграли по рекам, полям, названиям городов. Макс водил по ним пальцем, пытаясь сосредоточиться, и очнулся, когда упёрся в низ карты – Енисей ящерицей убегает туда.

Багров опытный офицер, пускай всего сержант – как и Макс, он вряд ли пошёл по реке вниз до упора – могут перехватить. Наверняка выбрался на сушу при первой возможности и резко сменил направление или затаился. Вопрос – была ли такая возможность.

Вот удобные места: Зелёный бор, Лугавское – изгибы, разветвления, можно обхитрить преследователей. Но откуда знать, как там было на самом деле... Кажется, Мёдов был прав, аналитика здесь не поможет. Удача разве что.

Спина ноет от ходьбы не меньше ног, Макс потянулся, стало легче. Огонь согрел воздух, теперь так уютно... В одиночестве, когда не перед кем быть героем, идея спасательной экспедиции кажется такой глупостью, к тому же без шансов на успех. А не это ли настоящая проба?

Дрова прогорели, и, сквозь опущенные веки глядя на угли, Макс наконец задремал.

Проснулся от холода, разбитый, с ломотой в теле. Не хватало заболеть. Запустил руку в мешок – еда кончилась ещё вчера, и чудо не случилось. Воды глотнул совсем чуть-чуть, смочить пересохшее горло.

Шнуруя берцы, Макс вспомнил, как они с Игорем бежали ночью в самоволку в деревню за пятнадцать километров от базы – за самогоном. Иначе начсклада выдаст обувь из старой партии, она и посыпется через месяц. Свезло, добыли и горячительное, и новенькое обмундирование. На этих берцах красивый рисунок на подошве – широкие косые линии и решётка на каблуке. Где-то сейчас Игорь оставляет такие же следы...

Макс уже должен выйти к Белому Яру, на карте он отмечен как обитаемый, но вокруг деревья, под ногами неезженная дорога. Сержант посмотрел на компас, на солнце – идёт верно. Накатило чувство нереальности всего вокруг: компас сломан, солнце врёт, карту составили с ошибкой... и идёт он туда, где никому не нужен.

И Макс решил: ещё полчаса тем же курсом, если не выйдет к месту, к чёрту всё. Можно и к хуторянам вернуться, если дойдёт. Через полчаса пейзаж тот же, дорога стала шире, но так же без следов. Ладно, чего терять, ещё полчаса на восток и баста. И опять ничего. Макс забавлялся, обманывая себя ещё столько раз, что сбился со счёта. Стало темнее, дорога упёрлась в пруд и пропала. Пруд по форме квадратный, что-то хотели строить.

Макс провалился у воды, мучая себя желанием набрать флягу. Он ждал, переборет ли жажда здравый смысл – вода застойная, обеззаразить нечем.

В ушах шумит кровь, в одном ухе, правом. Необычно так, не в такт пульсу, а сплошным потоком. Макс затаил дыхание, а кровь ли? Приподнял голову, вслушался, закусив губу. Шум проник и в другое ухо, проник извне. Макс подорвался в страхе, что мираж исчезнет, пошёл в обход пруда, раздвигая ветви.

Оказался на той стороне, отдышался, звук-ориентир стал громче, но Макс боялся дать ему название, чтоб не сглазить. Преодолеl последний заслон деревьев и словно вырвался из клетки. Под ногами разлилась гладь воды, того берега не видать – это Енисей. Макс скатился с крутого берега и нырнул лицом в воду. Онемели щёки, губы, холод плеснул за шиворот, течение чуть не сдёгнуло за собой. Макс отвалился на траву, стал думать, куда его занесло.

Глянул ниже и выше по течению – река разветвляется. Внизу, на юге, угадывается людское присутствие, не видно – далеко, но точно должно там

быть. Туда Макс и побрёл, то поднимаясь по берегу, то спускаясь к воде — дороги и даже тропинки не было.

33

На полной скорости джипы вылетели к реке, шинами вспороли песок, передние колёса ушли в воду.

— Живо, живо! — Игорь замахал, с корабля спустили шлюпки и плоты.

Подгоняемые страхом, не командами, переправились в считанные минуты. Воду вспенили винты.

— Уходим обратно, чуть ниже, где река шире. Там встанем прямо по середине.

Капитан всё понял. Игорь вышел на палубу к Саше.

— Я был уверен, что нас просчитают и отрежут.

— На что надеялся?

— Что ошибусь.

Рация заговорила только через час, видимо, их всё-таки пытались найти.

— Никто не пострадал? — Игорь действительно переживал.

— Ты сбежал по воде?

— Я ещё не сбежал.

— Помолись там.

— Как думаешь, скоро в Центре узнают о случившемся?

Связь прервалась, Игорь сказал Саше:

— Серьёзный дядька, я хочу с ним работать.

* * *

Гловацкого снова оторвали ото сна.

— ЧП!

Он спокойно привёл себя в порядок, закрыл дверь на два оборота и всё равно прибыл в кабинет «номер один» не последним. Люди привыкли к последним событиям и не подрывались с мест.

— Радиограмма: в Томске диверсантами уничтожен аэропорт, вся ремонтная база, все самолёты.

Гловацкий покосился на президента и понял, что он слышит это не впервые – больно спокоен.

– Министр внутренних... население Томска?

Гловацкий отрапортовал чётко, с прямой спиной, взглядом перед собой, как президент любит.

– Оформляй бумагу, отправляй человека. Половину рабочей силы направить в... сам смотри по списку, где не хватает. Мне доложили, в Омске заводы стоят.

– Но... Что с Томском будет? С городом?

Президент сверкнул глазами, и стало ясно, он еле сдерживается.

– С идиотами, которые оставили страну без самолётов? У которых в городе больше ни черта полезного? Не задавай мне такие вопросы, товарищ министр!

Гловацкий сделал последнюю попытку.

– Там есть порт и контроль... – щёки загорелись под взглядом президента. – Так точно! Разрешите идти?

Президент махнул рукой, окликнул на пороге.

– Скажи своим, чтобы самолёты не бросали где попало, они горят на ура.

До своего кабинета Гловацкий шёл, бормоча: «Я всего лишь исполняю, я ни в чём не виноват...»

Такое решение подорвёт отношения с Томском, как бы ещё и там не взбунтовались. Почему этого никто не видит?

* * *

Столичных гостей ждали, но всё равно были застигнуты врасплох. Ещё не остыло прокалённое добела железо на месте катастрофы, на центральную площадь сел вертолёт. Мощная остромордая чёрная машина разогнала птиц и местных жителей. Вышли трое: мужчина в костюме и с кейсом и два автоматчика в бронежилетах.

Прозвучал указ. Гонец собрал подписи об ознакомлении и без слов вышел, взвыла турбина, раскручивая винты. В кабинете молчали, пока не затихло эхо вертолёта.

– Нас убивают, – один из троих присутствующих плюхнулся на стул. – Не хватит людей, погибнут поля, встанут корабли.

– Брехня, меньше народу – меньше будут жрать. Есть проблема похуже, – говорящий закусил губу, что-то высмотрел в окне, отошёл от него. – Люди не согласятся. Никто не хочет покидать семью и дом.

Ждут слова главного. Он всё думал о взрыве, о подрывниках. И ещё кое о чём. Его окликнули дважды, прежде чем он решился.

– Заберут наших людей, потом суда, что останется? И мы втроём отправимся копать стратегические запасы угля.

– К чему ты?

– Ведь тот отморозок в аэропорту оказался прав... Что если принять его правила? Он болтается с бойцами и оружием где-то по Томи в пределах связи. Я его вызвоню.

– Объясни, пожалуйста.

Говоривший тихо, глядя в пол, поднял глаза и изложил план чётко, рубя ладонью воздух.

– Народу объявим всё как есть, но мы на их стороне. Сами запросим помощь военных в подавлении мятежа. Мы чистые с обеих сторон, кто бы ни победил.

– Думаешь, у томчан есть шансы? Даже с твоим суперменом.

– Кемерово, говорят, так и осталось за повстанцами...

– Это измена родине, за неё расстреливают.

– Говорю же, чистые с обеих сторон.

Двое переглянулись, тот, что стоит, подмигнул сидящему, ответил так:

– Я за. Звони.

Сидящий охнул и вжался в спинку.

Игорь, ещё не взяв рацию, приказал разворачивать корабль. Он видел вертолёт в небе, знал, зачем с ним связались.

Обстановка в городе тревожная, злая, люди все на улицах и площадях, стоит гвалт. Наверняка не обошлось без провокаторов.

– Вас мало, – глава города оценил прибывший состав. – Я хочу больше людей и оружия, иначе пойду на уступки властям, а тебя упакую в подарок.

– Уже не пойдёшь. Видел, что на улице? Лучше скажи, сколько у нас времени.

– Есть ещё.

– Тогда мне нужна связь.

* * *

Кемерово за это время ошетинилось стволами, закрылось новыми стенами и, не встретив нападения, выдохнуло. Запустилось производство – в нормальном режиме, без переработок – теперь весь ресурс остаётся здесь. Плавно привыкли к обычной жизни, пусть и с патрулями на окраинах.

Крутов поймал себя на двух постыдных мыслях, даже оглянулся на спящую Иру, испугался, вдруг увидит, прочтает по лицу. Во-первых, находясь за стенами, он уже не хочет идти дальше, бороться за всеобщую свободу, как собирался. Во-вторых, Игорь обеспечил этот покой, властям не до города, пока у них такая заноза в ягодице. Вот бы он подольше их отвлекал и ничего взамен не просил...

Из постели поднял срочный выход на связь. Накликал.

– Рад слышать тебя, где ты? Приём.

– Не перебивай и слушай. На днях возьмём ещё один город, и вот что нужно сделать.

* * *

Ещё одно собрание у президента было формальным – он публично отдал приказ готовить войска.

– Все понимают, что начнётся, если их не приструнить? Второе Кемерово нам не нужно.

Все понимают, все кивают.

* * *

Перед Игорем положили план города и список боеспособных мужчин.

– Баз на севере нет, сюда отправят бригаду, которая охотится за мной. Могут усилить из Новосибирска.

– Сколько человек?

– Человек – это у нас, а там бойцы...

Добровольцев оказалось с избытком, Игорь три часа отбирал подходящих. Критерии стандартные: физическая форма, уверенность, по возможности не последний мужчина в семье. Если соврали, их на то воля.

Сформировавшийся отряд, нагрузившись оружием, патронами и лопатами, промаршировал через мост. Игорь задумал дать бой в районе Дзержинского,

на западном берегу Томи, где поля и нет жилых построек. И не теряя времени повёл новобранцев знакомиться с местностью.

– Мы остановим их здесь, – Игорь обвёл рукой простор, задержал взгляд на Шегарском тракте. – Если вы ещё не знаете, расскажу: убивать не страшно, иногда очень легко. Но убивать идут нас.

Игорь поделил всех на две группы: одну повёл на стрельбище, другой раздал лопаты и указал точки. Он хотел встретить военных в окопах.

– Копайте, как покажут мои ребята. Скоро вам вжиматься в эти норы и грызть песок, не ленитесь.

На стрельбах Игорь провёл кучу времени с самого детства и сейчас поймал ностальгию. Он показал устройство автомата людям, у которых та самая лопата в руках явно уместнее. Но отбор не прошёл зря, никто хотя бы не пугается оружия.

– Разбирать вам не надо, – Игорь пресёк попытку парня вытянуть шомпол. – просто запомните, где крючок, затвор и ствол.

– Ну-у... Не тупые... И не такое видели!

Почти час Игорь заставлял снаряжать и менять магазины, отпускать затвор, чтоб не закусывал патрон. В диком лязге подходил к каждому, смотрел и видел, как наливаются уверенностью воронёной стали руки. Когда половина содрала в кровь пальцы о предохранитель, Игорь повёл стрелков на рубеж. Мишени – кстати наваленные поленья.

– Флажок до упора вниз, стрельба всегда одиночными. Всегда лёжа или сидя.

Сам целится, стреляет: деревяшка подлетела, перевернулась, встала на торец. Три выстрела – почти очередь, унесло в траву, только щепки во все стороны.

– По пять человек на рубеж!

Игорь зажал уши ладонями, ему слух пригодится, бойцы пускай привыкают. Встал рядом, ничего не говорит, только кивает на смену пятёрок. Они бьют старательно, целятся с трепетом, в труху рвут дерево, но слишком много промахиваются. Ладно, всё равно в грядущей схватке расчёт не на них.

Клинит затвор, Игорь показал, как ногой вернуть его на место, паренёк в восторге.

Отстрелялись все, пошли на второй круг. Игорь встаёт за спиной одного из бойцов, про себя извиняется и лупит очередью над головами – строчит по земле в метре от носов; грохот, гильзы, комья грязи. Мужики уткнулись в землю, один застучал зубами, у другого забила в нерве нога.

– Огонь, огонь!

Нестройный залп, достреляли магазины мимо цели. Игорь наградил ещё очередью, дерганая нога замерла.

– Молодцы, всё правильно. Чуть что – не бежать, а падать, запомните, это ваша молитва. Смена! Остальные на их место, – Игорь сменил магазин, удивился отсутствию желания. – Где радость на лицах? По вам стреляли, а вы живы, всегда бы так! Ложимся, привыкаем!

Одуревшим воинам Игорь дал отдых, когда убедился: грохот выстрелов им наскучил, запах пороха впитался в поры, а руки дрожат, но меняют магазины.

Поменялись с другой группой, с облегчением приняли лопаты. Игорь провозился до вечера.

Сам шатаясь от усталости, вернувшись в город, созвал собрание и потребовал отчёт. Жителей увели в глубину города – подальше от берега, минёры под руководством Саши закончили работу. Перед сном связь с Крутовым – у него всё в порядке, и отдыхать.

34

Взбежали на крышу вовремя, уже можно разглядеть пилота в вертолёте. Боец опустил чехол, дёрнул лямки, показалась труба РПГ-7, он взглянул на товарищей – кто рискнёт?

– Дай! – гранатомёт схватил Баграт, ему подали снаряд.

Вертолётчик увидел опасность и принял худшее решение: в попытке развернуться машина зависла прямо над стрелком, борясь с инерцией.

– Лупи!

Бух! Дымный след оборвался взрывом. Вертолёт вынырнул из огня, из борта валит дым, но винты работают, хотя несущий, возможно, по инерции.

– В баки надо было!

Баграту подают второй заряд, пока он заряжает, вертолёт накренься валится за деревья.

– Стреляй!

Баграт медлит, всё-таки стреляет, но цель скрылась, выстрел порвал верхушки деревьев. На крыше замерли, слушая удаляющийся кашель. Он оборвался, поднялся столб дыма.

– Упал! Через улицу!

Бегом вниз, на ходу прокричали своим, все срываются с места. Командиры делят поисковые группы, Баграт бежит с первой впереди всех. Нужно сразу оцепить сектор. Ориентир – почерневший дым.

Подобравшись, Баграт вскинул руку – стоп, выглянул из-за угла. Вертолёт упал во двор и воткнулся в стену. Видна вспаханная трава и обломки шасси. Движения нет. Глянуть бы внутрь на предмет мёртвых, но опасно – баки нагреты огнём.

– Кровь на стене!

Глазастый боец прав, красные отпечатки ладоней на светло-жёлтой краске. Зачем хвататься руками за стены, когда есть товарищи? Чтобы направить по ложному следу. Баграт повернулся на сто восемьдесят градусов? Больничный комплекс, есть где спрятаться.

Компаньоны не повернулись, побежали по следу. Баграт не окликнул, поймал спины на мушку. Слетевшиеся вороны пулями сорвались с крыши.

Баграт подошёл к зданиям, где запах спирта и ваты давно испарился, а нездоровое ощущение осталось. Дёрнул дверь – отворилась со скрипом. Тут нет явных следов, зато должны быть настоящие.

На земле асфальт, подошвы не отпечатаются. Баграт всмотрелся в окна нигде никого. Прикинул, где здесь подвал, и зашагал, хрустя камнями, к главному корпусу. Сам бы никогда не прятался в тупике, но для человека неискущённого подzemелье равно безопасности. Хотя, может быть, им повезло, и внизу сеть ходов и лазов.

Из-за угла выбежали двое.

– Эй! Ты стрелял? Наши где?

Баграт прикинул, отсюда им не видно тел.

– Вниз пошли, я страхую. Там стреляли.

– Чего стоишь? Давай!

Оба кинулись к двери. Баграт схватил одного за плечо, ударил ножом под затылок. Другой успел обернуться, Баграт прижал к стене, исколол живот. Почувствовал, как набухла куртка, отпустил. Оглянулся на первого – не дышит. Заглянул в дверь, втащил обоих.

Быстрым шагом пересёк первый этаж, нашёл лестницу вниз и указатель: морг. Ну конечно. Баграт постоял полминуты, зажмурившись, чтобы глаза привыкли к темноте, заодно прислушался – что-то есть, но скорее всего кажется.

Лестница короче, чем он думал, ещё одна дверь. «Если скрипнет, влечу кувырком», – решил Баграт и дёрнул. Ни звука! Плавнов вошёл с автоматом перед собой.

Воздух спёртый, вентиляции давно нет. Баграт потянул носом, пытаясь уловить свежие запахи крови, тела, человека. Ничего не заметил, но решил идти направо. Длинный коридор заставлен каталками, одна дверь в начале и одна в конце, за ними само хранилище, морозильные камеры. Интересно, сколько они проработали после всего? Может, и сейчас там лежат, дожидаются гостей пациенты. Баграта эта мысль развеселила.

Странное дело, он убивал и умирал, но сейчас совсем не хочется туда заходить, дразнить костлявую. И он был благодарен, когда зашуршало за другой стенкой. Припал ухом, прикинул расположение: одна дверца у входа, но должна быть и здесь. Её нет, зато обнаружил дыру под потолком. Когда-то там были трубы, теперь щель... как раз человеку пролезть.

Баграт подтянулся, вполз, придержал автомат, чтоб не стукнул. И услышал шёпот. Вдохнул пыли, зажал нос, чтоб не чихнуть. Кончиками пальцев пощупал перегородку, подобрался... Удар ногой, и грохот жести глушит прыжок. Баграт приземлился прямо между беглецами. Ударил прикладом, толкнул и отскочил, взял на прицел.

– Стоять, руки вверх!

Ещё бы стрельнуть для острастки, но шуметь нельзя.

Баграт разглядел всех: шесть человек, пилоты, три специалиста, один военный – на полу в отключке. Один пилот не дышит, это его кровь была на улице. И хорошо, ещё раненого таскать не хватало.

– Жить хотите? Тогда верьте, что я не враг и ваш единственный шанс.

Оружие можете не сдавать, – Баграт сам опустил автомат, левую руку расслабленно упёр в бок, почувствовал пистолет ладонью.

Он вывел их, кивнул на тела в холле, теперь ему точно поверили. И подобрали оружие. Инженеры вдвоём тащили объёмный кофр. Баграт хотел прикрикнуть, но здраво рассудил, что без приборов учёные теряют в цене.

– Стой, – пилот прихватил за рукав. – Мы, что ли, идём обратно?

– Так точно, нужно кое-кого забрать. И там есть транспорт.

– Я рассмотрел твоё лицо, это ты стрелял с крыши.

– Поблагодарить хочешь?

– Ты так легко убил своих...

Баграт в уме считал, сколько ещё бандитов рыщет поблизости. Если бы его отряд был отрядом, соотношение было лучше. Но один военный на шесть человек... на пять.

Перебежали через дорогу, затаились. Кажется, получилось оставить врага за спиной. На первоначальной точке остались пленные, конвой и чудо если живой Шепелев-младший. Старший тоже здесь, только уж точно без чудес .

– Учёные здесь, мы втроём штурмуем. Вперёд!

Во дворе никого, только тела, Баграт показал, как зайти сбоку, не перед окнами. Проникли так же, как до этого, с чёрного входа. На первой же лестнице кучка пленных , все привязаны к перилам.

– Тс-с... свои! Где они? – Баграт срезал путы.

– В комнате, четверо.

– Ждите, – Баграт кивнул напарникам на дверь. Открыта, подкрались по стеночке.

Баграт сел на колено, давая место военному, увидел цели: у окна, за столом, прямо перед входом. Расстреляли в два ствола, отскочили. Сунулся пилот – не нашёл, в кого стрелять. Баграт вошёл, перевернул тела ногой, дважды выстрелил. Сегодня абаканский криминалитет серьёзно пострадал.

На втором этаже забрали Шепелева, бледного, со стеклянным взглядом, но живого. Его подхватили на руки выжившие соратники.

– По машинам!

Выбрали «зил», остальным, уже побитым пулями, прострелили колёса. Баграт потянулся к замку зажигания, опустил руку.

– Господа, у нас же всё в силе? Едем смотреть электростанцию?

– Что-о?! Увози нас отсюда к чёрту!

– Туда и собираюсь.

Машина свернула на юг.

35

Вдоль реки Макс шёл час, прежде чем добрёл до баркаса у берега, который всё это время видел. На нём работяги с лесопилки заканчивают работу. Макс представил, как выглядит со стороны: грязный, небритый, камуфляж истрёпан, автомат сложен в рюкзаке – похож на бродягу.

– Здорово, хлопцы, – Макс издали помахал рукой в доказательство открытых намерений. – Из хутора в город возвращаюсь, верно иду?

– Промахнулся чуток. Но вовремя вышел, мы закончили, пойдём на тот берег, а там найдёшь, кто вверх плывёт.

– Вот спасибо. Давайте помогу, что ли.

Но погрузку Макс отдал последние силы, и в баркасе повалился без движения. Только глазами водил по лицам, по спинам.

– Давно меня не было. Изменилось что?

– А сколько? – сосед весь загорелся от возможности удивить незнайку.

– Месяца два уж.

– О-о... Слушай сюда.

В разговор вступили ещё двое. Споря, поведали о событиях с мужицкой точки зрения. Макс поймал момент, спросил:

– А вот когда главу похитили, никого потом не поймали?

– Ловили кого-то поначалу...

– Мне Семёныч говорил, по реке ушли.

– Немудрено, ещё бы!

– И никто больше не видел? – вклинился Макс. – Может, где-то рядом до сих пор.

– А-а... – работник махнул рукой. – Шепелева найти хочешь? Пустое, сынок сразу остановил поиски.

– Зачем?

– Оно понятно зачем. Пока батьки нет, он хозяин. Временно как бы. А как найдут мёртвого, властью делиться придётся. У нас желающих полно, сам знаешь. Вон бандиты... Когда город поднимали, покоя не было, пока Шепелев порядок не сделал. Уж не знаю, как договорился, отдал им что просили, а к нормальным людям чтоб не лезли.

– А ты из какого района? Ну когда жил ещё здесь, – любопытствовал сосед.

– Я из... вообще из Минусинска.

– Ну ясно, не продолжай, там одно рабочее место – завод ваш для геологов. Угадал?

– Верно, – улыбнулся Макс. – Там и работал, надоело – жуть.

– Кстати, там бы на окраинах похитителям и спрятаться. Место спокойное, от центра далече.

Макс согласился и прикрыл глаза, представляя карту. Его высадили в Лугавском поселении. Макс тут же нашёл лодочника, лысого худого мужика в брезентовой накидке. Но тот никуда плыть не собирался, а позвал обедать.

– Знаю вашу породу. Умаетесь, уходите искать чего-то, а потом все назад возвращаетесь.

– Так уж и все?

– Далеко не все, – согласился мужик. – Но ты же вернулся. Друзей навестить? Остались друзья?

– Ннесколько.

Прямо возле лодки поставили котелок на огонь. Лодочник покидал туда резаной рыбы, посмотрел на гостя и добавил ещё.

– Меня Витька Лохматый зовут, – словно решил, что уже можно довериться незнакомцу. – Слухай, а ты же не спешишь? Два месяца гулял, ещё чуток подождёшь. Помоги мне тут, а потом, обещаю, довезу до самых сходней.

– До каких сходней? – не понял Макс.

– В какие пальцем ткнёшь! До любых.

Макс глянул вправо-влево, на берегу пусто, грузить нечего. Порыбачить ему, что ли, помочь?

– Доедим, и показывай.

Лысый, оказавшийся Лохматым, обманул ожидания ещё раз: запустил руку за борт и достал ружьё. Там же Макс разглядел зелёную крышку ящика.

– Стрелять умеешь? Ну не бойсь, – поспешил успокоить, – не придётся. Просто подстрахуешь, посидишь в кустах, чтоб я спокоен был.

– Умею немного...

Макс подтянул рюкзак, вытянул чёрный пламегаситель. Лодочник сглотнул.

– Давай, что за тема?

Витька прибыл из Красноозёрного, что на западе. Там разжился тротилом – товаром дорогим, но не ходовым. У себя толкнул два ящика и отправился искать предложения. В Абакане продал ещё ящик, а три оставшихся готовы забрать здесь.

– Что ж ты один с таким товаром?

– Были два товарища, разругались. Прикинь, с первой выручки всё им отдал!

– Не боишься в одиночку?

– А делать что? Да все думают, что я кручёный, иначе откуда у бродяги такое. Они же не знают, что мне повезло, что Баграт это где-то дёрнул.

Холод по спине, иголки в ладонях. Макс слышал это имя.

– И где он сам? – прохрипел через силу.

– Кто? Баграт? Откуда знать. Продал, ушёл. Спрашивал про порт, я дал свой контакт...

– Я помогу, а ты выведи на него. Такой уговор.

Витька подивился эффекту, какой произвёл одним именем, но согласно обрадовался. И пообещал всё, что было нужно.

Встреча с покупателем назначена на берегу выше по течению, у Зелёного бора. Отплыли заранее, Макс сошёл за километр, прошёл вверх-вниз, покрутился вокруг. Забрался на гараж – их тут целый ряд – место встречи как на ладони. Слезая, столкнулся с двумя спешащими парнями, потупил взор и посторонился. Юркнул за угол и проследил: парочка спряталась в гараже, дёрнув ржавую дверь монтировкой. Вряд ли они из сексуального меньшинства, видно, покупатели тоже страхуются.

А вон ещё двое, над кустами потянулся дымок, и Макс, обойдя, разглядел силуэты. И один стоит у воды, вытянулся, приложил руку ко лбу козырьком. Многовато для одного продавца.

Раздался рокот лодочного мотора – пока вдалеке. Парень с берега махнул рукой, откуда-то взялась машина. Грузовик с закрытым кузовом. А сколько в нём человек?

Есть лишь один способ узнать об их намерениях. Макс пригнулся и трусцой пробежал за деревьями, остановился. Нацепил погоны. Засада впереди в тридцати метрах, отсюда не видно, но они к нему спиной. Подкрался, мягко ступая, рассмотрел: оба стоят напряжённо, в руках ружья.

Макс глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Напрыгнул сзади, прикладом в затылок, второго схватил за шею. Бросил, перекатился, сел сверху, к горлу нож, на рот ладонь.

Распахнутые глаза жертвы скосились на второго, тот лежит недвижно, голова разбита. Такие допросы капитан в учебке называл «пока кровь не засохла».

- Кто такие, с какой целью? И не ври! – Макс кивнул на сержантские погоны.
- А... а-о-о...

Макс надавил лезвием, пленный обрёл дар речи.

- Продавца берём, тротил ворованный толкает.
- У кого ворованный?
- У нас же! Поезд по дороге обчистили, потом товар в Абакане всплыл.
- Баграта знаешь?
- Кого? Нет-нет, Вагита знаю... старший смены.

Макс прикинул ситуацию. Парни по-своему правы, но ему Витька нужнее. Спросил, где ещё сидят бойцы, ухмыльнулся тому, что заметил всех, и убрал нож. Снял с плеча автомат.

- Не рыпайся, военная операция.

Звонко хлопнул выстрел в небо. Из кустов видно было, как Витька закладывает вираж, чуть не переворачиваясь, и уходит обратно.

- Ох чёрт! – а такого Макс не ждал.

На берегу среагировали тут же, из машины спустили лодку, плюхнули в воду, затарахтел мотор. Макс упал на колени, прицелился. Та-та-тах! Всё по обшивке, пассажиры пригнулись. Слышно, как скрипнула дверь гаража – не до того. Та-татах! Лодка рванулась, взлетел нос, и мотор закрыла пена – не попасть. Макс стрельнул наудачу.

Ба-бах! В лицо швырнуло ветки, дробь ушла выше. Ба-бах! Макс упал, выстрел задел пленного, тот кричит. Очередь в ответ вслепую, кувырок за дерево. Ба-бах! Совсем близко! Раненый замолк, Макс выглянул – живой, глазами хлопает.

- Кричи по именам, дурак! Застрелят свои же!

- Миша-а! Колька-а!

Тишина, бегут секунды, и голос в десяти метрах.

- Это ты, что ли?! Живо...

Тра-та-та-тах! Весь магазин на звук, и бегом отсюда. Макс припустил так, что земли не чувствовал, только ветер в ушах. А с реки слышатся два мотора, один тише, как эхо. Только бы успеть, только бы Витька не сплеховал...

Не сплеховал. Свернул налево и скользнул меж узких берегов протоки. Макс добежал, споткнулся, проскользил на брюхе, прижал щеку к ружейному

прикладу. Рокот уже здесь, а сердце колотится, мушка дрожит, Макс прикусил губу – не помогло.

Нацелился в точку и поймал преследователей на повороте, когда накренилась лодка, пошла прямо но него. Бух! Повёл стволами – бух! – из второго. Двое выпали, лодка перевернулась, булькнул и заглох мотор.

Макс отполз, поднялся через силу, весь в поту с дрожью в ногах, и снова бегом.

36

Игорь предпочёл бы проснуться по тревоге: запал подчинённых не успеет иссякнуть. Когда его растолкал Саша со словами «завтрак проспишь», он вскочил.

– Какой завтрак?! И бойцов кормите?

– Что-что? – Саша рассмеялся. – И бойцов. Не голодать же.

– Отставить! Кто приказал?

– Да главные же, сюда и кухню пригнали.

Игорь ворвался под навес, не откликаясь на приветствия, пробился к поварам. Успел, как раз хотели разносить первую порцию.

– Но люди собрались...

– Я сказал ждать!

В командном пункте Игоря не поняли, пришлось объяснять.

– Вы разведку запросили? Может, нас атакуют через час, а у меня бойцы отъевшиеся, пробежаться не могут.

– Им голодать, что ли?

– Когда сытого ранят в живот, спросишь ещё раз. Давай разведку.

Убедившись, что опасности нет, разрешили есть. Суп уже остыл, Игорь от тарелки отказался.

– Не могу. Они не знают, что нас ждёт, а я знаю. Всего трясёт, поем – стошнит.

Природа, видимо, прознала, какой сегодня день, и подыграла – с самого утра солнце слепит нестерпимо, что случается редко. Игорь закрыл глаза, прислушался, слуха коснулся привычный с армии набор звуков: дыхание, неловкие шорохи, иногда шёпот – каждому страшно, и он это прячет. Игорь

знал, сколько времени нужно на подготовку военным, и они уже опаздывают. Не готовят ли чего?

В шесть часов вечера раздался звонок, Игорь поднял бойцов. Через полчаса, когда заняли позиции, на юге взлетела ракета, оставив красный хвост: враг здесь. Игорь услышал нарастающий звон антабок в стиснувших оружие руках.

– Готовность! – рявкнул в том числе сам себе, перекинулся взглядом с командиром из повстанцев, тот показал большой палец. – В лица не смотрите, бейте по силуэту!

Две трети отряда он увёл ещё дальше, Саша с людьми остался, держа мост на прицеле. Шум колонны донёсся одновременно со столбом пыли, по звуку не понять, есть ли бронетехника. Машины уже близко, теперь ясно: есть. Всего один БТР – недооценили.

Военные остановились, БТР сгрузил пехоту и вполз на мост. За ним, под прикрытием брони – разведка, остальные не двигаются.

Уже на середине моста. План был рвануть его со всей кодрой, а военные не дураки, осторожничают. Зашелестела рация – это Саша с того берега.

– Жду приказа, приём. Он уже близко!

БТР нельзя пускать на тот берег.

– Рви!

Саша, видимо, держал руку на кнопке, грохнуло раньше, чем прервалась связь. Разнесло опоры, махина моста прогнулась и медленно повалилась набок. Солдаты успели попрыгать в воду, туда же бултыхнулся БТР.

А военные на этом берегу как будто не удивились, деловито укрылись за машинами.

– Давай!

Двое уронили забор, за которым спрятали окопы. С собой Игорь взял проверенных стрелков, ему нужен результат. До целей метров сто двадцать, придётся постараться. И они постарались – военные понесли потери. Но смутились ненадолго. Отстреляв по магазину, повстанцы нырнули, им ответили шквальным огнём.

– В штаны не ссать! – крикнул Игорь, чтоб знали: командир жив.

Попытка отстреляться захлебнулась. Игорь глянул на дымовые шашки – рано. Военные атакуют. Группами идут на повстанцев, прижимая огнём.

И всё-таки пора. Игорь зажёг и раскидал шашки, дым поднялся сразу. Переждали усилившийся свист пуль, отстреляли ещё по магазину и побежали. Пятьдесят метров до роши – суший ад, бойцы бегут зажмурясь и спотыкаются. Кого-то сбила пуля, успели подхватить. Кто-то вскрикнул за спиной, все услышали, никто не обернулся.

Живые вбежали в Северный парк, в трёхэтажный дом, где засела подмога. Последний рубеж. Через дорогу сбоку окопы, там ещё люди.

Военные опять не спешат. В дыму слышны моторы, идут под прикрытием машин. Но без разведки. Перестроились и ударили в лоб. Повстанцы не уступили, огрызнулись из-за стен, заставили обходить правее. И только грузовики заехали на дорогу, только за ними попрятались бойцы, им в спину ударили из окопов.

Строй рассыпался, бойцы растерялись. Крик командира оборвался всхлипом.

Вечность Игорь ловил фигурки на прицел, пока впустую не щёлкнул затвор. И как назло, военные собрались. Оставили побитые машины, ползком сгруппировались. Подавили стрельбой засаду в окопах и отступили. На асфальте остались тела.

– За ними?! – выдохнул боец.

– Сидеть! Их там полно, вылезем – перестреляют. Связь мне!

Поднесли рацию

* * *

Крутов возглавил поход, не потерпев возражений, его корёжило от мысли, что Игорь снова сделает всю работу. Вооружённый отряд погрузился на корабль и отплыл по первому зову. Они укрылись в притоке Томи рядом с городом и ждали сигнала.

Затаив дыхание слушали стрельбу и смотрели, как рушится мост.

– Проверь частоту, – приказал Крутов радисту, ему казалось, что пора.

– Частота та же! – и тут же, – есть сигнал!

– Выгружайся!

Бойцы попрыгали в мелководье, взбежали на берег.

– Стой! Что это?

С реки донёсся мощный гул, и за ним показался крейсер. На скорости, вспарывая воду, серый боевой корабль пронёсся под уцелевшими балками моста. Бойцы открыли рот: план рушится.

* * *

– Они и правда отошли, отсюда не видать...

– Сидим и ждём. Сейчас им задницы подпалят, тогда повеселимся, – Игорь протёр глаза, красные от дыма. – И оружие зарядите!

Защёлкали затворы. Мало жертв, это воодушевляет. Но какое-то нехорошее предчувствие... ерунда, хорошего на войне и быть не может. Взорвалось что-то на реке – негромко, хлопком. Свистит... Прямо там, куда смотрел Игорь, на окопных позициях в поле дрогнула земля. Крик, и секут осколки, рвутся тела. Все застыли перед окнами, такого не бывает.

Бахнуло на реке, свистнуло, пропахало ещё раз окопы.

– Миномёт! Ложись!

Игорь не лёг, никто не лёг. Не в силах отвернуться от умирающих друзей.

* * *

Одно дело бить в спину связанному боем врагу, и совсем не то, когда он на чеку. Сейчас военные под прикрытием корабля обложат Игоря...

– Чёртова коробка! Ни с суши, ни с воды не подбить.

Крутов, сжав зубы, молчал, посмотрел на помощника.

– Только брандер?

– Не даст, расстреляет на подходе.

– Баржа впереди как щит...

Помощник задумался, кивнул и сказал:

– Приказывать умирать – ваша привилегия.

Бойцы что-то почувствовали и собрались плотнее.

– Разгрузить баржу! Катер на воду! Сапёров ко мне!

Люди разбежались выполнять, Крутов поманил корабельную команду, объяснил план.

– Не могу никого заставлять, я прошу.

Усмехнулся капитан с короткими седыми волосами.

– Говоришь, будто шансов нет.

– А разве есть, Евгенийч?

– Ежели повезёт, вовремя спрыгнем...

– Ты помни, что не должен мне, – Крутов задумался, надавить ли. – Игоря спасти надо, он многое нам сделал.

Капитан улыбнулся – теперь грустно, крепко сжал Крутову предплечье и зашагал к кораблю, его команда за ним.

37

Баграт переулками выехал из города и устремился к станции. Шепелеву остановили кровь, он перестал отсвечивать зелёным.

Дорога повторяет изгибы реки, заставляет выкручивать руль двумя руками. Солнце сверкает в зеркалах, стреляет в глаза. Трижды проехали сквозь распластавшиеся по обочине посёлки, пустые. Инженеры поверили наконец, что будут жить, и стали деловито расспрашивать.

– Плотина в порядке? Турбины? Напор воды изменился за годы? Водосброс как?

Шепелев слабой рукой отмахнулся. И вот на горизонте показалась она, высоченная плотина, врезанная в береговую породу, шум реки перебивает звук мотора. Такую мощь обуздать сам Бог велел. Баграт остановил машину, все вышли и встали, заворожённые.

Вся история человечества – борьба и попытки обуздать природу. Перед глазами символ неудачи, один из многих. Вода больше не подчиняется, сквозит через запор, не замечая преграды. Но Баграт знал, кто победит. Природа ничего не жаждет, она просто не замечает людей. Енисей мог бы разойтись в берегах и смыть все плотины, турбины, генераторы и насыпи. Но ему это не нужно, он сам по себе. А человек пригонит технику, запустит механизмы и одержит ещё одну победу. Не так давно люди побеждали слишком часто и возомнили себя всемогущими. Потом сами же друг другу доказали обратное.

– Мы начнём здесь, измерим скорость потока, – тихо произнёс инженер, словно извиняясь, что нарушил тишину.

– Как Колизей, – Баграт ткнул в арочный полукруг плотины.

Инженер удивился сравнению, присмотрелся – действительно, похоже на виденные картинки.

Прошли по берегу, забрались на плотину. Её инженеры изучали с благоговением, ухом прижимаясь к поверхности, прошли ширину реки туда и обратно. А это километр. Здесь, над потоком, его звук изменился, стал рокоочущим. Перекрикивая, заметил один из инженеров:

– Тут работали до нас, вон следы. Не смогли без специалистов?

Баграт кивнул, он подумал о том, чем сейчас занимается: перевороты, судьба целых городов. Как всё было проще и свободней, когда он грабил и жёг, пока не попался. А потом стал действовать по заказу. Баграт прислушался к себе, расслышал стук сердца. Теперь ему нравится даже больше. Это крупная игра, и он способен побеждать.

Закончили снаружи, пробрались внутрь. Десятки метров безлюдных помещений, элементы управления. Спустились в машинный зал, где инженеры с педантичностью – по двадцать минут на каждый – проверили все гидроагрегаты. Все бездельничающие измучились в ожидании.

Баграт наблюдал за работающими и думал. Им не простят резню в Саяногорске. Баграт ещё раз обвёл взглядом всех и спросил у себя: готов ли подставляться за них? Ведь ему плевать на всё вокруг, он не бьётся за идею и не зависит от заказчика, захочет – уйдёт, когда захочет. Но что-то же держит. Не может быть, что простое любопытство или жажда приключений. Но точно и не верность: некому её хранить.

Когда закончили осмотр, ещё добрый час, сев в кружок и разложив на полу записи, инженеры подводили итог. За окном рубки сгустилась темнота, река слилась с берегами.

– Заночуем, – постановил Баграт и тут же поёжился, словно что-то коснулось плеч, будто громада станции, услышав, обратила внимание на чужаков.

Обшарили помещение, раздобыли портативный генератор, от него запитали обогреватель. За хлопотами Баграт выскользнул наружу, поднялся на смотровую площадку, на самый верх. Порыв ветра с поверхности водохранилища продул насквозь.

В темноте не видно, но Баграт помнил, что находится на краю мира, дальше на юг только леса и безлюдье на тысячи километров. Он видел разных людей, от некоторых с затуманенным взором слышал о таких местах, о мечте их разведать и проложить пути, вернуть их человеку. Никогда над этим не смеялся, уважая, но не понимал. Ему чужды дела на благо поколений, он просто живёт и делает что умеет. А раз так, ещё раз вопрос: зачем он здесь? Баграт стиснул зубы и перила, рыкнул во тьму. Вздор и вздор, такая чепуха. Собрались вместе, закрыли дверь, кто-то даже включил свет, но он быстро надоел.

– Вкратце, какие результаты? – в ожившего Шепелева вернулся делец.

– Ещё обсудим на базе, но... опущу термины, её можно запустить, – инженер ласково погладил пол. – Процесс тяжёлый, но затраты окупятся, я уже уверен.

Шепелев присвистнул и хлопнул в ладоши.

Рассвело, небо отразилось в воде. Баграт ещё вчера заставил отыскать горючее, так что бензина хватит. За руль отправил пилота, один из парней Шепелева пошутил, что теперь его не собьют – пошутил не к месту. Баграт подсел к Шепелеву в кабину.

– Что ты придумал? Как удержать власть после такого?

– Зависит от того, что сделают они.

Перед Саяногорском сбавили ход, на въезде совсем остановились. Баграт спрыгнул вниз, за ним трое шепелевских. Озираясь и пригибаясь вышли к месту бойни. Машины, трупы – всё на месте, бандиты ушли налегке. А может, не ушли?

Баграт подошёл к дереву, тела Шепелева-старшего нет. Приказал прочесать дом – главари тоже исчезли.

– Теперь ясно, выставят меня предателем и отцеубийцей, – сказал Шепелев, узнав.

– Не сильно наврут. Уезжаем!

Снова заговорили нескоро.

– А скажи, ты раньше был на станции? – Баграт спросил тихо, будто что-то неловкое.

– Ребёнком. Отец давно хотел её восстановить. Водохранилище же разошлось, он там перекапывал, загонял воду обратно.

– Я первый раз.

– И что, пробрало? У меня тоже мурашки, – Шепелев наклонился и заговорил совсем шёпотом. – Скажи, он считал меня предателем?

– Просто глупцом.

– Старая песня. Ничего не знаю, ничего не понимаю. Я не глупец, вижу, что его утопия заглохла. Абакану некуда расти в одиночестве, нам не нужна отчуждённость, нужно будущее. Я бы ввёл нас в систему и сохранил независимость.

– Отлично, все двери открыты.

Шепелев покачал головой.

– Обидно, что с ним так... Не увидит ничего.

В город въехали с опаской, но баррикад на улицах нет. Доехали до порта, а там пространство забито вооружёнными людьми, чётко разделёнными на две группы.

Одна сразу закрыла полукругом машину, другая подпёрла снаружи. Баграт разглядел в толпе Соловья, хмурого и дёрганого. Вывел Шепелева, толпа выдохнула на два настроения. Баграт закрыл его спиной, их увели под защиту стен.

Накалилось. Узревшие лидера обрели решимость, другие воспылали ненавистью. Баграта так и подмывало стрельнуть, спровоцировать. Но не полыхнуло. Баюн перекричал гомон, Шепелев отдал приказ пропустить его. Представитель оппозиционной партии зашёл внутрь с десятком охранников – пускай, лишь бы это его успокоило. В зале со стороны Шепелева столько же людей. Инженеров увели подальше с глаз.

Захлопнулась тяжёлая дверь. Баграт, держащий руку на плече Шепелева, почувствовал, как тот дёрнулся подняться навстречу и передумал.

– Почему ты один? – спросил он.

– Потому что ты всех убил: и отца, и брата, и солдата.

Шепелев поморщился.

– Я не про бандитов. Где управляющие, где портовики?

– С тобой не хотели даже говорить, пока я не попросил. Я не хочу разорять город.

– Или войны, в которой не победишь. Ладно, я понял вашу демократию.

– Разоружи людей, и соберём совет. Поедешь с нами – пока что врагами.

Шепелев не отвечал, в помещении ни звука, каждый боится сбить его с верного решения. Шепелев подался к Баграту и нашептывал с минуту.

– Не вижу выхода, они сильнее. При всех я знаю, что сказать, мы выиграем этот раунд... Как думаешь? Мы сдаёмся тем, кто сильнее, чтобы их опрокинуть. Всё, изобрази, чтобы не расслаблялись.

Баграт принял серьёзный вид, посмотрел на часы и кивнул. Соловей вспотел от напряжения.

– Едем, – Шепелев словно дал команду «вольно», вокруг засуетились.

Встреча состоялась в борделе – по традиции. Переступив порог, Шепелев отпустил плечо Баграта, с прямой спиной сел на стул.

– Говори в свою защиту.

Шепелев кивнул и, глубоко вдохнув, начал:

– Она заверяла, что ей восемнадцать, господа. А выглядит и вовсе на двадцать! Вы же сами видели...

– Замолчи! – вскочил седобородый грозного вида мужчина – начальник северного порта Усть-Абакана. – Что за чушь?

Шепелев и бровью не повёл.

– А тогда предъяви обвинение, потому что других преступлений я не совершал.

– За стеной в ряд лежат наши люди и с ними твой отец. Об этом ничего не знаешь?!

– Предъявите обвинение...

Певуче зачитал Соловей:

– Предатель, отцеубийца, сговорился со врагом... Они хотели тебя остановить, ты продавал нашу свободу.

– Доказательства? Свидетели? Только не пехота, а то мои тоже всё видели и подтвердят.

Соловей не совладал с собой, глянул на Баграта. Шепелев продолжил.

– Когда отца похитили, на меня тут же надавили...

– Ты сразу бросился решать по-своему! Зарвался-испугался!

– Вы надавили на меня! А потом предложили обмен: живого отца на передачу власти. Встреча в Саяногорске. Я не собирался отдавать вам ни отца, ни город и собрал людей. Зря... лучше бы согласился.

– Это вздор-ерунда! Чушь и полная байда! – взвизгнул Соловей.

Шепелев спокоен:

– Моё слово против твоего. Паритет? Решать третьей стороне.

Заговорил моряк.

– У тебя тоже нет свидетелей и доказательств.

– Дело же интимное, переписку не вёл.

Зашли в тупик. Первые лица посовещались и вынесли вердикт. Озвучил тот же портовый начальник.

– Эта история ваша, разбирайтесь между собой, нам важно следующее: все условия работы сохраняются, договорённости соблюдаются. Не дайте вашим разборкам коснуться других, – моряк поскрёб бороду, передохнул и закончил басом на одном дыхании. – Вот наше мнение, мнение и не больше того. Но советую прислушаться, Абакан это – мы.

38

Макс пошарил по прибрежным кустам, его окликнули, он нырнул в листву. Витька сидит в лодке, пальцы стиснуты на бортике, крутит головой.

– Что такое? Что стряслось?

– Подстава. Товар твой ворованный, хозяева серьёзные, вот и нашли тебя.

– Ох-ох...

– Погоню я отсёк, заводись и вывози нас.

Под треск мотора вырвались из камышей, подмяли стебли носом лодки.

Шмыгнули в протоки, протиснулись меж узких берегов.

– Давай тут.

Вдвоём вытащили ящики на берег и прикопали тут же в мягкой податливой земле. Устали, развалились на встревоженном дёрне.

– Спасибо, спас, Максим.

– Да-а... Ты обещал мне Баграта.

Витька помахал пальцем перед носом.

– Не-а, я обещал человека в порту, с которым его сводил. А самого видел всего раз.

– Хорошо. Тогда поплыли.

– Вот уж нет! Давай пешком, там же эти. Хотя нам только до Минусинска двенадцать километров...

Макс теперь только почувствовал, что от километража последних дней ноги распухли и удобные всегда берцы сдавили стопы.

– Мы поплывём.

– Сдурел?! И так еле сбежали!

– Снимай мотор – всё равно бензина нет, ломай стекло. Мы поплывём вдоль другого берега, они не узнают лодку с другим силуэтом и на вёслах.

– А нас не узнают?

Макс всплеснул руками.

– Кто-то в здравом уме вернётся на место преступления через час? Есть ли смысл нас там ждать?

– Вообще-то нет.

– Вот и всё, снимай мотор.

Когда подплывали, Макс сполз на дно – всё-таки ищут двоих. Но на берегу нет ни машины, ни людей. Если их и разыскивают, то на суше. Через полпути Макс сменил партнёра на вёслах: они плывут по течению, грести не требуется, только держать курс. Увернулись от быстроходного катера навстречу, мелькнувшие лица мазнули взглядом по неприглядной парочке.

Стемнело и похолодало, Витька зажёл фонарь, а вскоре по воде расстелились полосы от огней на берегу. Добрались до города. Выбрались на пристань, кутаясь в одежду, вжимая подбородки в воротник.

– Согреться бы. Но нам близко.

Витька бросил Макса мёрзнуть, сам юркнул в дверь. Вернулся, как назло, нескоро.

– Дела-а...

Портовик сообщил: Баграт выходил на него неделю назад, взял машину и расспросил о местности. Пропал вместе с Шепелевым-старшим и вернулся с младшим, а теперь он первый помощник. Однажды столкнулись лицом к лицу, узнавать не захотел. Витька спросил полунамёком, услышал, что Баграт сейчас всегда на базе.

– Туда он нас не проведёт.

– Мы далеко от центра? – спросил Макс.

– Почти в нём, а что?

– Знаю одного человека в этом городе.

Макс не узнавал улиц, но с баром не ошибся. Открыв дверь, услышал знакомую гитару. Он позабыл эти звуки, так много с тех пор случилось, что навернулись слёзы и отяжелело сердце. Макс нашёл в уголке гитарный чехол и погладил его пальцами, вместе с Витькой сел туда. Музыкант доиграл,

допел ещё две песни и попросил передышку, толпа неохотно разбрелась по столикам.

– Ну здравствуй.

Арсений остолбенел, и Макс не выдержал, крепко его обнял. Кликнул бармена.

– Ты не изменился... хотя с чего бы, неделя прошла, – сказал Макс.

– Разное было. Как вы исчезли, так и началось. Где Дима?

– Разошлись, ещё увидимся, может. Скажи, в порт можно попасть?

– Нет, теперь там закрыто.

– И раньше так было.

– Раньше с бандитами не цапались, а сейчас совсем закрыто.

Макс взял музыканта за локти.

– Ты же знаешь весь берег: лачуги, каналы, лазейки... что угодно мне скажи.

– Тебе туда не попасть. Но если уж так надо... меня всегда рады видеть за стенами.

Макс покачал головой.

– Ты не знаешь зачем, ты подставишься.

Арсений фыркнул.

– Тогда расскажи, это будет честно.

Витька согласно покивал, задумчиво кусая губы.

– Мне нужен Баграт. Хочу его убить. Помогать не прошу, извини за всё это.

Тихо-тихо, слышно, как шевелит клён голыми ветвями. Арсений спросил еле слышно и спокойно:

– За что?

– Ну хватит.

– Расскажи. Я не просто пою в кабаках, я слушаю людей, они говорят. Всё слухи, домыслы, но в городе что-то нездоровое и твой Баграт появился не просто так. Он замешан? Не верю, что ты просто ему мстишь.

– Как раз-таки мщу. Но он замешан.

Макс рассказал, Витька присвистнул, узнав, что его тот военный. Заговорил Арсений:

– Вообще-то выходит, он спас нашего любимца от тебя... Только что было дальше?

– Мне уже плевать, я вне политики, я один. Просто хочу, чтобы он ответил. К тому же может знать, где мои выжившие... – Макс не смог сказать «друзья».

– Сослуживцы.

Макс прищурясь смотрел лицо Арсения в тени, пытался угадать реакцию, тот не шевелился и молчал. Витька переминался и пыхтел, потом сказал:

– Давайте уйдём, вдруг патруль.

– Мы достанем его, – Арсений улыбнулся – блеск зубов в темноте, свет надежды во мраке. – Я попрошусь выступить завтра, и мне будут рады.

С рассветом, когда тени ещё не исчезли, но задрожали, он привёл их к свалке на берегу. Витька всю дорогу вслух рассуждал, что благодарен Максу, но убивать никого не будет, но и бросить не может и просто посидит в лодке.

От воды поднимается сплошная стена склада без окон.

– Здесь нет охраны, потому что наверх не залезть.

Макс поднял голову: в синий выкрашенная стена, гладкая – не уцепиться, тянется на тридцать метров.

– Вам придётся караулить с четырёх часов. Когда найду Баграта и улучу момент, кину с крыши верёвку.

– Тебя наверняка обыщут.

Арсений похлопал по чехлу, полая дека акустической гитары отозвалась глухим звуком.

– Пожелайте удачи!

39

Военный корабль встал, как указатель на перекрёстке, направив по сторонам пушки вместо стрелок. По полученным координатам отработали сполна, перенесли огонь дальше.

– Есть попадание! – доложил наводчик с суши.

Там перед ним осыпался кирпичами угол трёхэтажного дома, оттуда закричали. Пушка бахнула ещё. И ещё раз.

– Внимание, за кормой!

Объект увидели сразу: порожняя баржа – идёт легко и не проседает – летит на них.

– Дай упреждающий!

Секунды разворачивалось орудие на корме и бултыхнуло снаряд перед носом неизвестного, взметнулись брызги. Баржа не сбавляет ход, не сворачивает. Капитан открыл рот, ещё чуть выждал и рявкнул:

– На поражение!

Попали вторым выстрелом: снесло ящик с палубы, пробило борт навылет, взорвалось возле рубки. Баража идёт прямым курсом.

– Манёвр! Вправо, вправо! Мощная турбина крутанула винты, крейсер дёрнулся. Очередной выстрел – загорелась пробоина, из борта дым.

– Чёртовы камикадзе, и не прыгают...

Прыгать некому. Когда осколки угодили в стекло, капитан не пригнулся. Помощник, увидев манёвр, просигналил дважды, как условились, и крутанул штурвал – заклинило. Новый выстрел развалил рубку напроочь.

Капитан военного корабля выдохнул, неуправляемая баржа, вся в огне, пройдёт мимо. И не поверил глазам своим. Из дыма вынырнул катер прямо на них – не уйти.

– Пулемёт!

Лязг механизма, и очередь из крупного калибра ушла мимо – катер вильнул вбок. Капитан схватился за поручни, он разглядел взрывчатку на носу.

Механик прижал руль и спрыгнул с катера, он знал, что впустую. Взрывной волной его оглушило, он утонул, не очнувшись. А крейсер качнуло: взорвалось прямо посередине борта. Никто не погиб, но броня не выдержала – открылась течь.

Капитан приказал уходить на мель, к берегу. Кивнул радисту.

– Сообща, что поддержку огнём прекращаем, – и добавил вполголоса. – Самими бы теперь отстреляться.

* * *

Вечность под обстрелом. Игорь боялся, что парни сломаются, попытаются бежать – будут жертвы. Нет, они залегли под стенами, дисциплинированно сжались комками. Но жертвы были. Обрушился потолок, двоих завалило – одного вытащили со сломанными ногами. В пробежавшего перед окном

попал снаряд, брызги залепили стену. Стало ясно, что это не миномёт. Откуда взялась пушка?

Нужно уходить, но снаружи точно ждут. Разве лучше под автоматы?

В трёх метрах справа ударил снаряд, стена взорвалась кирпичами, соседка смело в коридор. Игорь закричал и не услышал себя, снова закричал – глухо. Выругался длинно и с наслаждением, в комнату вбежали трое. Ага, кто-то ещё слышит.

– Глухой! Кивайте, если понятно!

Все задвигали шеями, подняли командира. Игорь сразу рухнул обратно – послышался свист снаряда. Но взрыва нет, свист перешёл в писк – это в голове.

– Оружие к бою, будем прорываться! Соберите всех.

Двое убежали, один остался.

– Я не слышу! Можешь ругать, что я вас всех убил! – подмигнул Игорь.

Парень наморщился, Игорь кричал ему в ухо.

Пока взваливали на себя раненых, а Игорь ухмылялся, что не слышит стонов – ни одного выстрела. Уже проходит глухота, а по ним не стреляют.

«Артобстрел кончился, будут штурмовать». Но никто не штурмует. Тряхнули за плечо, боец пошевелил губами, развёл руки, помотал головой. Их не атакуют и не обстреливают. Перезаряжаются? Это шанс.

– На выход!

Бойцы высыпали на улицу, залегли, осмотрелись. Пошли вокруг домов, где-то здесь враг... На крыше в пятидесяти метрах силуэт с биноклем, Игорь вскинул автомат, не попал, солдат спрятался.

Отряд переместился под прикрытие деревьев в парке. Игорь понимал и чувствовал, что враг поблизости, но не знал наверняка где. Главное – теперь их не достанет семидесятимиллиметровый кошмар. Игорь сейчас только обратил внимание на раненых — полтора десятка: его люди и местные поровну.

– Движение!

Игорь не услышал, его ткнули в бок. На том конце двора мелькнул камуфляж, за ним ещё. Игорь показал рукой: «группируемся», «к бою». Без слов и стрельбы обе стороны заняли позиции на концах заросшего двора.

На исходных, как в детской игре «Захват флага». И затаились. Военные тоже не понимают, что пошло не так, их подвёл план.

Птицы в гнёздах, если были, ощутили нерв и затихли. Игорь прикусил язык, в уши вернулся писк. И ворвалась канонада. Он завертел головой – никто не стреляет, все переглядываются. Стрельба удвоилась – военные сцепились со врагом.

– Наши подошли, ура! – сам услышал последнее «...ра-а!» и рванулся в атаку.

Связанные боем военные не встретили, отряд ворвался на их позиции и расстреливал в упор. Военные, кто успевал, бросали оружие, кидались ниц с руками за головой. Их прибывали к земле пулями. Крутов, растолкав своих и чужих, нашёл Игоря, обнял, вцепился в рукава. Игорь опустил голову на плечо. Они забыли о спорах, они были живы.

* * *

Севший на мель крейсер отстреливался, пока не берегу не выставили в ряд пленных на колени. Капитан снял фуражку, отцепил шевроны, бросил всё в воду и скомандовал сдаваться.

40

Баграт не собирался слушать местную рок-звезду, о которой к тому же узнал постфактум. Но его убедили хотя бы глянуть, и он решил, что имеет право. Дела идут самотёком, инженеров незаметно посадили на вертолёт и вернули в Новосибирск с наилучшими пожеланиями. Шепелев согласился работать с Гловацким, если тот вправду всё устроит. Он помнил, как сутки назад умирал и обещал Баграту всё. С бандитами вопрос открыт, но как-то негласно договорились не форсировать.

Гитарист Арсений сам выбрал помещение для концерта по принципу лучшей акустики – большой склад у реки. Баграт похлопал в ладоши, топнул, разницы в звуке не заметил и пожал плечами. Сначала музыкант угостился на кухне, со всеми поболтал и посмеялся, вот наконец собрал слушателей у импровизированной сцены. Долго копался в гитаре, отвернувшись, чуть ли не струны менял. Вот отложил чехол, поставил стул ближе к слушателям и накинул гитарный ремень на плечо.

Знающие музыканта не сомневались, что долго на стуле он не усидит, заиграется, распоеётся и не удержит внутри, пойдёт по залу. Раздаст себя всем, одарит эмоциями каждого.

Арсений взял аккорд, другой, проверяя строй, подмигнул и перескочил на знакомый мотив, зал одобрительно загудел. Со второй песни ему тихо подпевали. Потом молчали, прислушиваясь к новой музыке, и радостно узнали следующую, всем известную. Баграт, сидевший у всех за спиной в углу, кивал, уста тронула улыбка: парень умеет увлечь зрителя.

В паузе Баграт подошёл и похвалил. Арсений посмотрел до странного пристально, вдруг опомнился.

– Ох, да, спасибо. А раз Вы здесь, позвольте переговорить после всего?

– Конечно, рад буду.

– Только дело такое личное... наедине бы.

– Все дела такие, хорошо.

Арсений отпросился в уборную, задержался там, чем вызвал в зале тематические шутки ниже пояса. Вернулся с огнём в глазах и довёл слушателей до экстаза и грусти – несколько раз туда-обратно. Хлопали десять минут.

Баграт терпеливо дождался и подошёл последним, все расходились. Арсений поманил в дверь – вышли в длинный тёмный сквозной коридор. Арсений остановился, Баграт тоже. Арсений ещё отступил, глядя в пол. Мелькнула тень.

Баграт втянул голову в плечи, удар скользнул по макушке. Пошатнулся, толкнул музыканта. Закрылся руками, звучно треснуло предплечье. Лево́й за пистолет – выронил. Напавший бьёт – мимо.

Всё в тишине, только свистит железка. Музыкант бросился хватать двумя руками, Баграт срубил одним ударом. Нырнул под атаку и свалил за ноги второго. Припечатал кулаком, крикнул:

– Тревога, мать вашу!

Противник выскользнул. Схватил пистолет, Баграт кувырком за дверь. Бам-бам-бам! Пули сквозь жестянку плющатся о сталь. Всё ближе топот и крики. Макс поднял Арсения, и побежали. Вот крыша, край, верёвка. Как назло разыгрался ветер, стропу качает и крутит.

– Я первый, тебе придержу!

Макс сунул в руки пистолет и сиганул вниз. Слетел за секунды, стёр перчатки с кожей на ладонях. Чуть не убится о стену. Схватил, натянул верёвку.

– Давай!

Арсений убрал пистолет под мышку, неловко перевалился, выронил его и вцепился в стропу.

– Давай, держу!

Баграт сразу разглядел балку, куда прицепили верёвку. Рубанул ножом как топором, повернул клинок пилой и срезал. Вскрик оборвался жутким хрустом, Баграт оскалился.

Подбежали к краю, нацелили оружие.

– Дайте свет!

Прожектор высветил распростёртое тело, его наполовину скрыла вода.

* * *

Баграт мерит шагами сцену, перед ним лежит гитара. Никто ни звука, ждут Шепелева, он собирался выпастся.

– Бред, я его знал, добрейший паренёк, – Шепелев задумчив поскрёб щёку.

Баграт аж подпрыгнул.

– И я так думаю! Просто мы песню не похвалили!

Он швырнул кусок трубы, таким его никто ещё не видел. Шепелев подошёл вплотную, прошептал на ухо:

– Он в борделе постоянно, якшался с бандитами.

– Мы их уничтожим, завтра собери людей на площади.

– Ты же был против, мол, не провоцировать.

– Они пришли за мной, он вывел туда меня, меня! Мы будем провоцировать!

* * *

Гловацкий Антон Валерьевич лично встретил вернувшихся учёных, расспросил, посочувствовал. Подивился. И, обняв, увёл главного к себе. Говорили недолго, расстались почти друзьями.

– Ты же всё помнишь, всё понимаешь. Повтори, пожалуйста, что нужно делать.

Инженер отчеканил с неподвижным взглядом:

– Наверх доложить, что ГЭС убита, её не восстановить, проще заняться другими. Сам готовлю проект и приношу лично вам.

– Ой молодец! А главное?

– Команде сказать то же самое, за их болтовню отвечаю головой.

Гловацкий подпёр ладонью подбородок, умильно качая головой, словно любовался.

– Вот ты умница. Иди отдыхай с дороги.

41

Макс съёжился на дне лодки, не моргал, бил ногой в борт. Они уходили на вёслах, бесшумно в темноте вдоль берега. Ещё несколько гребков, и скроются под пристанью, откуда пешком по забитым мусором ходам. А в ушах стоит звук удара тела о камни, и его не заглушить своим стоном.

Витька вытащил Макса из лодки, тот зашептал.

– Если бы я вторым, мог бы прыгнуть...

– С самой верхушки упал, ну что ты говоришь.

Макс хотел сказать что-то, хотел оправдаться, вымолить прощение. Витька толкает в спину обеими руками, сбивает с мысли, заставляет передвигать ноги. Макс вдруг взлетел под своды и увидел себя бредущего по воде с опущенной головой. Такое уже было, один уже не справился с гибелью товарищей, и как же Макс его ненавидел! Но это другое, пострадал тот, кто не должен был. И как Макс возненавидел себя...

От перемещений в пространстве закружилась голова, он упал на четвереньки, затхлая вода плеснула в нос.

– В порядке? – Витька потянулся помочь, но не стал.

– Да, куда дальше?

Они прошли под северной пристанью, выглянули из-за двухсотлитровых баков в темноту, перебежали. На инстинктах и смутной памяти улиц добрались до другого края города. На открытом пространстве шли нервно, сдерживаясь, чтобы не побежать, вздрагивали и прятали лица при виде кого-то. Пытались выглядеть естественно: Витька смеялся, Макс скрипел зубами. Он вспоминал всё, что наговорил Мёдову, и горел со стыда.

Приют нашли под утро на чердаке. Забрались на цыпочках, так и не разобравшись, кто живёт в доме. Витька всё косился на Макса, пытался определить его состояние. И думал, как теперь выпутываться. Дать бы ему заснуть и сбежать куда подальше. Но во-первых, он вряд ли вообще заснёт, а во-вторых, куда бежать? Наверняка их ищут обоих.

Макс сел в углу и рассматривает ладони. Из-за него ещё никто не умирал. Хотя теперь кажется, что все смерти рядом как раз его вина.

– Если хочешь спросить, я не уйду. Теперь уж точно, – он произнёс это спокойно и как-то лениво.

Витька скорчил гримасу, вытянул шею, знамения на потолке не разглядел – слишком темно.

– Максим, я всё понимаю... Но ты не в том состоянии...

– Не говори, что всё понимаешь, если не понимаешь ничего. И ты ничего не должен, не повторяй ошибок.

Витька с трудом устоял пуститься по лестнице. Тротил. Он помнит, как чуть не попался в одиночку, повторять не хочется. Сбежать успеет.

– Давай спать, а завтра решим.

– Спи.

Проснулись вместе, Витька с руганью стал мять затёкшую спину, Макс молча выбрался из-под куртки и надел её. Прислушивались к двери минуты две, сбежали по лестнице, оцепенели на улице – кучка людей прошла, не обратила внимания.

– Пойдём за мной, – Витька повёл.

– ВНИМАНИЕ! – хрип над головой. – ВНИМАНИЕ! – голос из динамика стал чётче, эхом отозвался через улицу: в центре радиоточек достаточно.

– В пять часов на главной площади будут осуждены виновные в нападении на главу города! С пяти до семи часов в городе объявляется рабочий перерыв, мы ждём каждого на справедливый суд! Пять часов, главная площадь.

Динамик пошуршал и заглох. Рядом застыли ещё люди, открыв рты. Переварили, воскликнули – Игорь не узнал слов – и пошли дальше. Мужчины переглянулись.

– Идём туда, – сказал Игорь.

На ходу он подобрался, реальные задачи выдавили рефлексия. Площадь огромная, наполовину занята торговыми палатками, но их уберут. Витька не успевал за Игорем, тот пробежался по периметру, нашёл лобное место – деревянный помост. Игорь остановился, задыхаясь.

– Тротил! Наша взрывчатка!

Витька, округлив глаза, зашептал:

– Да что ты... народу куча, конвой... и если это не твои? А я уже вписался... гитарист упал, убили. Не-ет! И знаешь, вообще! Такой товар сливать, я же подняться могу.

– Не тараторь, у нас мало времени.

Макс пошёл к выходу через ряды, Витька за ним, всплёскивая руками. Навстречу вышли двое, встретились глазами, Макса бросило в жар. Прошли, коснувшись плечами, Макс схватил спутника за руку и втащил за угол. Он тяжело дышал. Следом ввалились двое.

– Никто не видел, – заметил Мёдов.

Дима сдерживает смех.

– Как? – только выдавил Макс.

– Услышали объявление, подумали о том же, пришли посмотреть.

– Здесь как?

– На лошадях, Седой одолжил. Дима сказал, что ты фартовый, найдёшь наших... И я себя дураком почувствовал.

– Да уж, я нашёл... и ещё кое-кого.

Витька, стоя в стороне, слушал чёткий доклад и понимал, что теперь пути назад нет. И ладно груз, жизнь бы сохранить.

Макс похлопал Диму по плечу.

– Рад видеть, сильно рад. Товарищ лейтенант, принимайте командование!

42

Томск выдохнул и сошёл с ума: натянутая струна лопнула. И ночью гремел народ и стоял визг. Врывался плач по погибшим, его топили в эйфории. Но вернувшиеся из боя не веселились, все до одного заснули, так их умотало. И бог знает что они видели во сне.

Крутов, глядя вокруг и морщась, пробрался к главе города Зря боялся, тот хоть со стаканом в руке, трезв абсолютно, поднялся сразу же.

– Перепьются без нас, пойдём ко мне.

Крутов помешкал, но послал за Игорем, тот явился немытый, принёс пороховую гарь.

– Сейчас без лишних давайте решим, что дальше.

– Они уже знают, мне оборвали телефон.

– Если власти хотят говорить, а не стрелять, с ними нужно говорить, – заметил Крутов.

– Одно другому не мешает, – сказал Игорь. Он искал глазами воду, глава понял, но не предложил.

– Что мы им скажем?

– А смотря что предложат, – Крутов всё хмурился чему-то.

Игорь, совсем измученный, кивнул на стол.

– Чего гадать, подключай.

Глава глянул на дверь, сдвинул крышку стола – показался телефон.

Подключил.

* * *

К президенту сбросились не спеша, устали. Армия разбита под Томском, убитые и пленные. Почему-то никто не удивился, словно к этому и шло. Президент не спрашивал мнения и даже не озвучивал своего, только кивнул связисту. Просидели несколько часов, ожидая отклика. Молчали, президент регулярно кивал – связист жал кнопку и мотал головой. Молчали.

Гловацкий привычно абстрагировался и выпустил мысли носиться по голове. Думал о ГЭС, о том, что людей может вербовать не только он, и стоит проконтролировать инженеров. Ему нужны специалисты с третьей стороны. Когда президента уведомили о бесперспективности Саяно-Шушенска, он так посмотрел, что Гловацкий поблагодарил повстанцев и всех остальных за проблемы. Не они, президент бы точно заподозрил неладное.

Гудок, и головы повернулись. Президент поднёс трубку к уху.

* * *

Глава города слышал этот голос регулярно, но всё равно вздрогнул. Он перевёл взгляд с Крутова на Игоря, те кивнули, что слышат. Президент поздоровался, спросил о пленных, как будто решал рядовой вопрос. Потом сказал просто:

– Мне нужны мои люди и нужны повстанцы, главари. Вышлю за ними авиацию. Хватит стрелять, пришло время говорить.

– Минуточку, – глава накрыл микрофон рукой.

Крутов с Игорем зашептались, мелькнуло: глупость, покажем силу, все узнают. Игорь сдался, махнул рукой.

– Если бы я не устал как собака, мы бы поспорили.

Крутов протянул руку, принял трубку – тяжелее в жизни не держал.

– Мы сами доберёмся.

Собеседник помедлил, не узнав голос, ответил:

– Жду, – и бросил.

Игорь ушёл досыпать, глава вызвал помощников, покачал головой, прихватил бутылку и исчез на улице. Асфальт ещё тёплый.

Крутов раздавал указания. Он долго шёл к тому, чтобы его услышали наверху, и оказался не готов. Вот он гоняет людей, смотрит, как варят пробитый борт крейсера – лишь бы не думать. Что он скажет в президентском кабинете? Отстоит ли свои идеалы, сохранит ли себя? Если нет, уж лучше бы его закатали танками в грунт.

Колонна выехала утром через Северск – взорванный мост подлатать не успели. В десяток грузовиков – половина трофейные – уселись вооружённые до зубов бойцы, сложили вязанки пленных. Уместились бы в пяти машинах, но хороший понт...

Игорь, только тронулись, снова задремал, как будто усталость и вся тяжесть ответственности свалилась только теперь. Он не хотел ехать, ведь глупо складывать все яйца в одну корзину, обоим в стан врага. Но и понимал, что иначе нельзя, Крутов не вытянет в одиночку. А ещё хуже, если вытянет. Игорь сделал что мог: нагрузил инструкциями Сашу, приказал укреплять город.

Первые километров пятьдесят шли бодро, водитель головной машины выжимал педаль, заставлял остальных догонять. Проехали посёлок, взбодрили жителей протяжными гудками.

– Для них ведь стараемся, – тихо произнёс Крутов.

На перепутье у Юрги Игорь напрягся, проверил автомат под сиденьем, тсюда всё началось. Свернули направо, на запад.

В полдень въехали на холм, и солнце, ещё не пропавшее, разлилось вниз по асфальту. Шофёр отпустил газ, машина покатила под горку, набирая ход. Блеснула отражением разметка, Крутов прищурился, но не отвёл глаз. За десяток километров до столицы она уже показала себя. Жухлая трава по обочине сменилась полями с огромными теплицами, вынырнула слева железная дорога – рельсы чистые, наезженные.

А вот и блокпосты – один, другой – пропускают без вопросов. Мост, который колонна заняла целиком, и уже сам город. Люди на улицах останавливаются,

проводят взглядами. Была ли информация о гостях? Вряд ли, народу ни к чему.

Крутов сразу заметил разницу: жители одеты лучше, не горбятся после вахты на заводе. Конечно, здесь же город умников, а не батраков. Неудивительно, что их всё устраивает: они не видят жизни по ту сторону.

Мимо парка, мимо чешского ресторана добрались до главной площади перед многоэтажным зданием администрации. Машины вправо – влево, развернули квадрат, спешили, укрылись за кузовами. Военных не видеть, но Игорь знает их уловки: вон рабочие бездельничают с «инструментами» под брезентом, там тёмные пустоты окон. А за домами никто не мешает выставить оцепление.

На крыльцо вышел человек в костюме и жестом пригласил войти.

– Ну давайте, пацаны, – шепнул Игорь.

Их с Крутовым сопровождают пятеро, остальные в боевой готовности. Поднялись в просторном лифте. В здании, кроме охраны на местах, Игорь приметил приоткрытые двери, вздутый от бронежилета пиджак у случайного встречного.

Правительство в полном составе по одну сторону стола, гостям отвели место по другую. Некоторые поздоровались кивками, сам президент, военный в форме и молодой министр с краю – нет.

– Все здесь, начнём, – это президент, слышно по тону. – Пленные?

– На улице, отпустим позже. Есть раненые.

Президент кивнул.

– Страхуетесь, верно. Тогда дальше: чего вы хотите? – вопрос отчеканил, выдерживая паузы между словами.

– Сейчас или вообще?

Президент не ответил, только перевёл взгляд – вонзился Крутову в другой зрачок.

– Забрать один город за другим, освободить людей и привести тысячи под ваши окна. А в целом – дать стране вздохнуть.

Президент ответил сразу, подхватил эхом.

– Отличные цели, а теперь по порядку, без эмоций: что не так? На что вы взъелись? У нас полон кабинет министров, им интересно, что они делают плохо, даже запишут.

Кто-то вправду зашуршал бумагой.

– В стране, когда-то демократической, диктатура! Лишь один закон – ваше слово.

– Моё слово подняло нас из руин, обезумевшему стаду нужен был вожак.

– Люди голодают! Они заняты на производстве, а то, что успевают выращивать, вы забираете в другие города.

– Есть проблема, не спору. Но Антон Валерьевич даст вам статистику, никто с голода не умирает. И я считаю глупым думать, что хозяйство важнее промышленности, обороны. Мы поднимаем страну, а не набиваем брюхо.

– Ах да... великая гонка. Обскакать США любой ценой. Было уже, и к чему привело?

– К тому, что теперь нас могут уничтожить. Совсем. Нам не простили.

Игорь бедром ощущал, как дрожат колени у Крутова. Тот булькнул и встал.

– Заявляю. Если мне предоставят доказательства, данные разведки, да чёрт – объявление войны!.. я сдамся, я сам отправлюсь клепать броню для танков.

Президент поднял глаза, но всё равно посмотрел сверху вниз.

– Ты никто, чтобы заявлять и требовать. Ты никто, чтобы здесь выступать. Тебе просто повезло, и благодари, что я не хочу гражданской войны.

– Она уже идёт.

Все повернулись. Игорь сидел незаметно и не отрывал взгляда от президента, ему нравился этот человек – видно, что лидер. Но его учили: по ситуационной теории лидерства, один человек не может быть всегда эффективен. Если человек, железной хваткой за волосы вытянувший страну со дна, не справляется с новым периодом, когда нужно созидать и развивать, он не нужен. Об этом Игорь тоже сказал.

Президент окинул взглядом говорившего, о чём-то задумался, обратился к Крутову уже спокойнее.

– Садись. Я предлагаю решение: Кемерово и Томск остаются вам, развивайте по своим убеждениям, а больше никуда не лезьте. Через месяц – два мы встретимся, от вас жду подробный доклад. Если повысите уровень жизни, не загубите производство, обещаю, я буду вас слушать.

– Стимул так себе.

– Это очень много, поверь.

Президент с подручными пронаблюдал из окна, как выгрузили пленных и площадь опустела. Генерал скомандовал – со всех сторон вылетели бойцы, подобрали связанных товарищей.

Гловацкий, глядя вслед, думал о своём и единственный в помещении осторожно улыбнулся.

43

Баграт спустился в подвал с любопытством: он ещё не видел пленников.

– Эти отвлекали, когда похищали отца. Постреляли, когда брали, в живых вот трое. Пытали так, для порядка – не сильно. Молчат. Но военные, я точно знаю, – объяснял Шепелев.

– То что нужно.

Главного Баграт выделил сразу: он специально держался молодцом, чтобы подбодрить своих. Это зря, не учили его, что ли? Баграт шепнул конвою, военного вывели в соседнюю комнату, пристегнули.

– Я Баграт и многое здесь решаю. Фамилия, звание?

– Фельдмаршал Багров! – пленник ослабился, белые зубы в крови разбитых губ.

– Каламбуришь? Мне плевать. Хочешь спасти своих, Багров? Одного.

Военный молчит.

– Вас казнят. Если умрёшь, как попрошу, одного из молодых отпущу. Обоих не могу, извини, одной жертвы мало. Счастливчика выберешь сам, мне плевать. У кого дети, кто молодой, кому ещё жить да жить – думай.

Молчит. Думает.

– Успокой себя тем, что он может мне отомстить.

Багров прищурил подбитый глаз, рот приоткрылся, и губы сжались обратно.

– Хочешь спросить о гарантиях? Вера – твоя гарантия. И выбора нет.

– Что нужно делать? – Багров не узнал свой голос после долгой тишины.

* * *

За взрывчаткой управились быстро, взяли моторку напрокат.

– Взрывателей нет, – посетовал, открыв ящик, Мёдов. – Ничего, смастерим.

Поймав на себе взгляды, Витка вздохнул и сказал, что знает, где укрыться.

Привёл военных на улицу Гоголя, к ряду обшарпанных домов – прибежищу

мигрантов, торговцев и неприкаянных работяг. Диму отправили раздобыть лампочки, трубки, провода.

Мёдов изложил план по порядку, прислушался к себе и помотал головой.

– Без шансов, почти без шансов.

– Они ведь не ожидают! – воскликнул Макс.

– После того, что ты учудил? Точно будут на чеку.

Оживился Витька.

– А я говорил! Хорошо, что вовремя остановились...

Его прожгли такими взглядами, что он замолк, даже отодвинулся. В три часа, всё решив, выдвинулись. С баулами за плечами, похожие на челноков, обошли площадь трижды, расширяя круг.

– Здесь подвал и сквозной проход, – заметил Витька.

Военные переглянулись.

– Подходит идеально, – Мёдов кивнул. – Дима, проверь.

– Всё так! Выход на той стороне, – Дима отчитался, вернувшись.

Мёдов потёр ладони, всё вырисовывается как надо.

– Макс, взрывчатку на той стороне в двух точках, как говорили. Одну помощнее. Взрыватели проверь ещё раз. Витька с ним, поможешь. Мы здесь. Работаем.

Когда Витька мотался с тротилом по области, воспринимал его как товар. Теперь, когда он должен вот-вот взорваться, несёт с трепетом. Макс осмотрелся и, не стесняясь прохожих, поставил свёрток, сел на колено, пальцы забегали по шнуркам. Витька заглянул через плечо, Макс откинул брезент, воткнул куда-то что-то, посплюнявил палец – проверил батарейку.

– Спираль как замедлитель? – проявил познания Витька.

– Да, у наших там так же. Ненадёжно, но что есть.

Макс ещё раз осмотрелся, выждал и толкнул заряд под деревянное крыльцо. Снял у Витьки с плеча второй, прошёл через всю площадь с запада на юг и повторил процедуру.

– Теперь давай на площадь, лучше с краю. Смотри за обстановкой, если что не так, попытайся сообщить. Как первая рванёт, беги туда, там безопасно.

* * *

Прознав об акции, в порт явился Соловей.

– Нашли-таки решение? Вот хорошо и славно, чем могу – помогу?

– Не нужно ничего, а посмотреть можешь, – Шепелев приятно улыбнулся. – Занимай первый ряд.

Соловей, покивав, удалился вперевалочку.

Без десяти минут пять. Появились шепелевские, окружили толпу полуколыцлом, на помост вывели двоих с мешками на головах и связанными за спиной руками. Грубо опустили на колени. Вынесли свёрток длиной с человека, осторожно уложили на скамью. Из-за вооружённых бойцов вышел Баграт, поднял руки – его уже знали, гомон прекратился.

– Вы все знаете, зачем я здесь! – он кричал без мегафона, люди затаили дыхание, ловя слова. – Расследование закончено!

И сдёрнул ткань. Сразу не поняли, а потом передние ряды увидели, зашептались, мигом дошло до всех. Непогребённый страшен, и его узнали. Соловей, покачиваясь, улыбался и дивился выдержке Баграта: запашок и сюда доходит, а он не морщится.

Баграт выждал, чтобы все увидели и осознали.

– Виновны! – указал пальцем на пленных.

С них сдёрнули мешки, Макс испустил стон, в бинокль чётко видны забытые, но родные лица.

– Смерть! Убить! Убить! – толпа вопит в ярости.

Баграт снова выжидает, смотрит, как люди заходятся в злости, как делают парней виновными во всех бедах. Кто молчал, устыдился соседа и заорал в унисон, всё больше расходясь, и сам себе поверил. Ещё немного, и народ сорвётся, а его нужно направить.

С трудом Баграт успокоил зрителей и прокричал:

– Ваш город, ваш суд, ваша справедливость! – вытащил из кобуры пистолет, его поддержали криками. – Но пусть они скажут, пусть скажут вам!

Люди снова притихли, на шумных прикрикнули. Тяжёлую от побоев голову поднял Багров. Второй посмотрел на него со злобой и что-то сказал, его заткнули прикладом.

– Мы наёмные убийцы из Омска, – Багров долго копил слюну, а горло всё равно сухое, голос трещит. – Здесь дело во власти. Нас наняли... – и в такой

миг нашёл силы для театра, в эти секунды люди подчинялись ему, не Баграту.

Багров назвал фамилии. Кульминация, перегрузка, пик. Толпа обезумела, заколыхалась на месте, Соловей зажмурился, пытаюсь проснуться. Багров назвал и его.

Макс воткнул провод, побежал к другой точке. Взорвалось как надо, толпа охнула, завертела головами – сзади повалил дым. И тут гроыхнуло сбоку – гораздо сильнее. Точно установленный заряд разметал тела конвоя. Это вывело людей из ступора, закричали, надавили туда, где не горит – вперёд.

Конвой спрыгнул на площадь, выставил приклады. Баграт остался один, пистолет в руке, пленники на коленях. Он видел, как Соловей втянул голову, его несёт со всеми. Вспомнил, как утром застрелил третьего пленного. И увидел вспышку слева.

Баграт кувыркнулся, очередь вспорола дерево, боль сожгла ноги. Он рухнул за помост, пистолет удержал. Кто-то взбежал по ступенькам, крикнул, хватая пленных. Баграт задрал руку, выстрелил наугад и уплыл, куда так давно тянуло, прочь от боли и огня. Баграт не видел, как военные ускользнули от смешавшегося с толпой конвоя, смутно расслышал ещё один взрыв.

Это видел Макс. Ещё он знал, что взорвалось слишком рано. Посмотрел на часы – слишком.

* * *

Баграт очнулся, сразу всё вспомнил. Прохрипел:

– Отпускай людей, они сметут бандитов.

Толпа хлынула к борделю, никто не успел скрыться. Соловей отвалился в каком-то переулке.

Вместо ног у Баграта была боль, но он доковылял посмотреть: дом развалило взрывом до основания.

44

Дорогой обратно молчали, только переглядывались. Наконец Игорь не выдержал.

– Как же он нас осадил! Мы должны идти катком по городам, а не довольствоваться куском.

– Вообще-то он прав, нам везло. Мы не выиграем войну, а теперь есть время...

– У кого?! – Игорь вспыхнул. – У него есть время, потому что есть что готовить. А у нас сил на один рывок, ввяжемся в игру на дистанции – проиграем.

Крутов нахмурился.

– Если забыл, мы начали это, чтобы жить в лучшем мире. И вот наш шанс его создать. Не война ради войны.

– Миша! Мир не построить из двух городов.

– Я начинал с одной деревни! Теперь у нас куча людей и реальная, реальная возможность им помочь! – Крутов помедлил и добавил. – Не переживай, работы «в поле» тебе хватит.

Игорь посмотрел пристально и странно, но промолчал.

Прощание в Томске затянулось до ночи. Народ – святая простота – радуется и благодарит, ему невдомёк, что спасители – они же виновники. Крутов раздаёт последние указания. В городе остаются повстанцы во главе с Сашей, вроде как для координации и на всякий случай, а на деле – для контроля.

Игорь поздравил с повышением, не удержался от колкости, обнялись. В Кемерово отплыли на подлатанном трофейном боевом корабле. Крутов с Игорем говорили мало, оба помнили, что сержанта нельзя вводить в аппарат правления, а отсылать некуда.

Всё решилось по прибытии. На связь вышел некто Гловацкий, предложил нечто. Игорь согласился, собрался за пятнадцать минут и отправился к Владу. Подходя, вспомнил о его сестре, замешкался перед дверью. Влад услышал шаги, открыл, сказал, что Ира живёт у Крутова. Сказал как-то раздражённо.

– Пойдём прощаться? – Игорю это показалось забавным.

– Сама придёт.

Дверь распахнулась, влетела рыжая копна волос.

– Ты же... – Ира увидела Игоря, остановилась, осеклась. – Ох-хо... Здравствуй.

Потянулась руками, опустила в нерешительности. Игорь подошёл и обнял с улыбкой. Он почему-то чувствовал себя попавшим на семейный спор и оттого развеселился.

– Оставлю с братом, поболтайте. Не скучай, – подмигнул, выходя.

Ира смотрела вслед, пока не окликнул Влад.

– Не думала, что он вернётся.

* * *

Абакан зажёгся, люди подняли бандитов на вилы. Шепелев подсуетился и быстренько оформил новые соглашения с первыми лицами по разделу сфер. С учётом случившегося прошло гладко. Баграт, появляющийся только на костылях и с охраной, наконец доложил в Новосибирск о готовности.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Макса никто не заметил. Он подошёл вплотную и заодно с зеваками смотрел, как разбирают завал. Вскоре перестали: беглецы уходили подвалом, а взрыв обрушил этажи сверху.

Он потерял всё не с первой попытки, но был так упорен. Можно отомстить... ещё раз. Но если так, то пулей в лоб. Макс прошептал:

– Службу окончил.

Он ничего не понимал. Проскитался сутки и сел на поезд с бригадой рабочих. Его приняли, но не разговорили и скоро отстали. В полусне, мотаясь по вагонам и попуткам, сержант добрался до родной военной базы. Его долго допрашивали, он путал даты, имена и слова. Макс очнулся, когда в коридоре его догнал Лейтис. Невысокому латышу, всегда смотревшему снизу вверх, пришлось наклониться, чтобы заглянуть в лицо. Он что-то говорил, Макс слушал знакомый голос, прикрыв глаза, в сознании возникали картины. Он вырвался оттуда, отдал честь и ушёл.

Макс не сразу вернулся к службе, его проверяли и оценивали. Но с первых допросов поняли, что способностей сержант не растерял, опыта набрался, а с последствиями справится.

Макс втянулся в привычное русло. Он пытался что-то понять, найти цель, задавал вопросы – потерпел крах. Теперь вернулся на тропу, которую проложили те, кто давно всё нашёл. Макс принял формулу: приказ – исполнение.

* * *

Крутов перестал спать. Весь день носится по городу из конца в конец, всем руководит, всё проверяет, а ночами об этом же думает. Стал ругаться с Ирой, та не выносит безделья и срывается раз за разом. Договорились до того, что ей надо было ехать с братом. Оба замолчали, покрасневшиеся, дрожащие, испуганные, а ночевать Ира не пришла. Крутов искать не стал.

Почти сразу появилась проблема: нельзя наращивать военную мощь без ущерба хозяйству, везде работают те же люди. Скрепя сердце Крутов отправил их на поля. Никак не получается рассчитать бюджет – зарплату утвердили, а кому сколько – никак. Пришлось разбираться с начальством на местах, объяснять смену векторов развития, кого-то даже снять.

Месяц пролетел, и обнаружилось: холодает, пора собирать урожай и готовить поля. А для этого требуется куча специального материала.

* * *

– Антон, Антон! – крик из коридора.

В дверь вломился Тимоша, со свистом втянул воздух и затараторил:

– Наши склады, проверка, разморозят... Всё узнают, мы столько уже отправили...

– Тише, тише, когда проверка? Только наши?

– Через две недели, это новый проект... я не думал, что начнут.

– А-а... знаю. Закончили железную дорогу, хотят вложиться в Куйбышев?

– Не хотят, а хотим. Мы вообще-то тоже участвуем.

Гловацкий сделал лицо, будто попался кислый крыжовник.

– Хватит. Следующую отправку ускоряем, а потом придумаю. Иди делай.

Гловацкий стоптал каблуки и сгрыз все карандаши в кабинете, он шурился, пытаясь разглядеть решение. Каждый раз, когда цепочка логики рвётся, он успевает подцепить новое звено – другого цвета и размера, из другой стали, но успевает. И сейчас сумеет.

Это напоминает езду в темноте: фары выхватывают повороты – лишь успевай крутить руль. Главное знать, куда ведёт дорога. Гловацкий знает. Ему хватило десяти минут поймать идею, ещё столько же – оформить на бумаге. Он успел к президенту до обеда. Тот принял записи нехотя, но прочитал, складка на лбу разгладилась.

– А это интересно. Ты считаешь, повстанцы согласятся?

Гловацкий улыбнулся.

– Какие же они повстанцы? Теперь союзники...

– Не язви.

– Виноват. Согласятся, им нужна адаптивная плёнка для спасения урожая, а нам топливо.

– У тебя её на обмен достаточно?

– На замороженных складах точно есть.

Президент вытянул губы, почмокал.

– На замороженных. Вечером я объявлю новую программу, старые склады мы скоро пустим в дело, так что делай всё быстро.

– Так точно! Разрешите идти?

В коридоре дожидался Тимоша. Услышав план, присел, сжал виски. Гловацкий вздёрнул его вверх, уткнулся лоб в лоб, стёр струю пота.

– Как ты надоел! Не психуй! Работай.

* * *

Багрat решил всё, что требовалось: свёл Шепелева с Гловацким, обеспечил плацдарм для работы с ГЭС, перевернул расстановку сил в городе. Теперь он целыми днями спит и пьёт, когда его будит боль. Порванные пулями мышцы режет нестерпимо, и за месяц лучше не стало. Но то мелочь, беда с правой ногой – пуля сломала бедренную кость. Врач, поковырявшись, сказал, что срастётся без последствий, но на костылях ведь не ему прыгать. Обезболивающее помогало четыре дня, Багрat раздобыл средства посильнее.

Вчера пришёл Шепелев, справился о здоровье, но Багрat и через туман видел, что не для этого.

– Ты можешь отдохнуть, правда. Всё получается, за всем следят. За безопасность может отвечать Гоша... да он это и делает, собственно.

Багрat махнул рукой, отстраняет – пускай, странно, что только сейчас. У него дела поважней: куда после второй дозы запряталась боль? Она ведь есть, и он её найдёт, вот сейчас, здесь... В комнате пусто? А кто-то заходил.

1

Предложение властей по обмену стало даром свыше. Крутов не думал о выстраивании отношений, ему просто дозарезу нужно покрывать поля. Он снарядил колонну грузовиков. Всё прошло гладко, Гловацкий, лично присутствовавший, провёл обмен точно по списку – до последнего ящика. А распрощавшись, отдал приказ. Груз раскидали по другим машинам и увезли. Пустые склады вспыхнули.

Президент выслушал доклад без эмоций, словно не удивился.

– Что с охраной?

– Вряд ли в плен увели, там топливо зажгли... следов нет.

– А боялся я, Антон, боялся... Но лучше так, чем бы они нас потом кинули. Но какие же идиоты! На что рассчитывали?

Гловацкий заметил:

– Думаю, верхушка не при чём – там не дураки. Кто-то из подручных решил поживиться, дисциплины нет.

– И с ними я серьёзно собирался сотрудничать.

– Товарищ президент, это возможно, нужно только навести порядок. Аккуратно.

– Конечно же аккуратно, с разведкой. Генерала ко мне!

* * *

В группу собрали тех, кто пересекался с повстанцами, Макса тоже. Командование по-особому отнеслось к миссии: никаких побочных задач, никакого промедления. Над базой загудело небо, винты вспороли воздух, на плац опустились вертолёт. Прибыли бойцы из Омска, из Салехарда – все с опытом подобных операций, все старше Макса. Было интригой назначение командира, с этим тянули, вроде ждали кого-то. Но когда все собрались, к составу вышел капитан Лейтис. Флегматичный латыш оказался лучшей кандидатурой, он служил в Абакане ещё до отделения и помотался по всему востоку страны.

Погрузились и вылетели. Сначала на место преступления – склад под Новосибирском. Побродили по пепелищу, пиная угли. По следам подсчитали количество машин – всё сходится.

– Грузёные ушли, – прокомментировал дюжий лейтенант Ванюшкин, форма на спине натянулась по швам, когда он сел на корточки.

– Мы найдём груз, а дальше?

– Найдём – доложим, а дальше прикажут, – фыркнул Макс, – очень просто.

МИ-8, набитый десантом, оторвал шасси от грунта.

* * *

Артём с Иванычем не задержались в Абакане, вернулись к Серёге. Раненый встал на ноги, но они не спешили уходить: не знают куда. Живут, работают,

ни о чём не волнуются. Пришла новость о смерти Шепелева, переделе власти, кто-то узнал в приближённых Баграта. Втроём подумали одинаково, Серёга озвучил.

– Я думаю, нас он помнит, можем смело требовать привилегий.

Дождались повозки в город, отбыли. Глава прощался с сожалением, каждого покидающего посёлок он вырывает из сердца.

В один из немногих трезвых дней Баграт вышел на улицу. Прошёлся перед домом на чужих ногах. Он давно не видел зеркала и долго рассматривал в отражении стекла грязно-серую бороду и отросшие на лысеющем черепе волосы. Налетел ветер, пронзил тело. Его окликнули хором, Баграт неуклюже обернулся. Три фигуры, может, обознался? Нет, он не забывает лиц. Серёга, Иваныч и Артём. Подбежали и встали в метре, не знают, что делать. Баграт протянул руку – пожали по очереди, с жадностью. И посыпалось:

– А мы сидели, вдруг узнали... Как так? Мы же его спасли... Что теперь? Как же вы?

– Стоп! – Баграт зажмурился, боль прострелила от бедра и в спину до плеча.

– За мной наверх, там поговорим.

Но рассказывать парням особо нечего, они ждали историю от Баграта.

– Да-а, дела... – заключил Иваныч, дослушав.

– А ты сдал, – заявил Серёга, Артём смущённо опустил глаза.

Баграт даже не сразу нашёл, что ответить на такую новость.

– Странно, если бы было по-другому.

– Мы пришли, чтобы помочь, чтобы делом заняться. Решили, что не обидишь.

Баграт посмотрел оценивающе, задержал на каждом взгляд.

– А может, и не обижу. Из Центра мне второй день трезвонят. Лично мне, значит работёнка не для чужих. Возьму трубку – возьмётесь?

– А наградишь? – Серёга подмигнул и толкнул коленом в колено.

Баграт сжал зубы, но боли не дождался, нога отозвалась гулом.

– Подай-ка телефон.

Как и ожидал, Баграт услышал увлекательную историю. Цокал языком и качал головой, восхищаясь перипетиями Гловацкого. Тот спросил о самочувствии, заставил скрежетнуть зубами.

– Я всё ещё профессионал, воспринимай меня всерьёз.

– Ну что там? – не терпел Серёга.

– Знаете, дойдите до столовой, возьмите себе и мне. А потом представлю вам кое-кого

С Игорем Баграт познакомился по работе, переправил его на ГЭС. Не вставал, решил все вопросы за двадцать минут: дал координаты, дорожную карту, людей и выпроводил вместе с Владом. Они слышали, как за дверью скрипнула кровать и вырвался стон.

Дорвавшись до работы, Игорь организовал бесперебойное сообщение с электростанцией и заскучал. Стал чаще бывать в Абакане, снова пересёкся с Багратам на полигоне, где тренировалась охрана. Баграт сидел в стороне, вытянув ноги, и наблюдал, он доковылял досюда и копил силы на путь назад. Игорь подошёл.

– Серьёзные ребята, а ерундой занимаются, – кивнул на бойцов.

Баграт смерил его взглядом, Игорь продолжил.

– Подсобишь, я их погоняю, как идея?

Баграт знал, что парень из военных и может пригодиться, но сейчас не до того, он буркнул:

– Подумаю, – и взял костыли.

Позже он признался, что если бы Игорь попытался помочь, он бы сломал об него палку. Но сержант проигнорировал покрасневшего от натуги, продолжая смотреть на площадку. И пошёл с Багратам до дома, не сбавляя шага, заставляя гнаться. Он поладили. Игорь провёл-таки пару занятий, потом снова отбыл на станцию. Сегодня он должен вернуться.

Стук в дверь.

– Открыто!

– Привет инвалидам!

Вошёл Игорь, такой же бодрый, заряженный. Он один не смотрит на Баграта с сочувствием, не спрашивает о здоровье, даже не обращает внимание на ампулы под подушкой. Баграт умеет это ценить.

– С парнями знакомься, есть вам халтура по профилю.

Зрочки Игоря блеснули.

– Да, помощники нужны, ты точно не в счёт.

Баграт ухмыльнулся.

– Игорь, – сержант протянул руку.

Троица переглянулась, ладонь повисла в воздухе.

– Баграт, а ты в курсе, кто это? – Серёга ткнул пальцем.

– Да, в общих чертах.

– Могу рассказать подробнее.

Игорь опустил руку, отступил и прищурился. Никто из троих в памяти не всплыл.

– Мы виделись?

Серёга проигнорировал.

– Он вояка, который метнулся к повстанцам. И ты хочешь направить его против своих?

Игорь стрельнул взглядом в Баграта: объясни. Тот заговорил тихо, не разобрать первых слов.

– ... будет, и у своих есть проблемы. Я знаю, кто он, знаю, почему здесь, а не в Кемерово, где должен быть. И я решу его проблему, а он мою. Вы же, пехота, будете слушать его как меня.

– Баграт, после того, что было... мы заслужили доверие.

– Так вот оно и есть! А теперь погуляйте, раз так. Вернётесь через час.

Не менявший напряжённой позы Игорь посторонился, встретил каждый взгляд: полный ненависти, удивлённый, извиняющийся.

– А теперь объясни, – Игорь сел в кресло напротив Баграта.

– Парни не специалисты, но надёжные. Бежали из повстанцев, наверное, тебя там и видели. Случайно их подобрал, сработались.

– А другое?

– Включай аналитику. Дано: напали на государственный склад после обмена. Задача: нарисовать следы к кому-то из вашего руководства. Решение за тобой.

Игорь медленно, опираясь на подлокотники, встал.

– Ты хочешь умереть?

– А-ай! – Баграт раздосадованно откинулся на подушку. – Включи голову! Я помню, у тебя в руководстве одна заноза из кемеровской администрации. Или больше? Подставишь всех, не вопрос.

Игорь раскрыл рот, сдержал вздох – перед ним тактик, которому он со всеми навыками в ученики годится.

– Невероятно. Как ты догадался?

– У меня полно времени и нет других занятий.

Игорь сел, покачал головой.

– Это скользкая дорожка, я могу навредить нашим, – исправился, – своим.

– Хочешь до конца мотаться в поле по приказам? Долгой такая жизнь не будет, по себе знаю.

– Я это умею.

– Ты же говорил, зачем пошёл к повстанцам, хочешь что-то изменить. А это делается элитой, не пехотой, – Баграт кивнул на дверь.

Игорь задумался. Кончено собеседник давит и провоцирует, это видно и результата не принесёт, так просто его не убедить...

– Берусь! Говори, что уже придумал.

3

В округе разворованного склада длинное прямоугольное поле, которое снующие фигурки готовят к холодам, и водонапорная станция. И то и то соседствует с дорогами. Военные разделились и обошли видевших и слышавших. Выяснилось: прибыла колонна, она же ушла, а за ней через полчаса вторая. Машины однотипные – грузовые, примет нет.

– Сходится, одна группа на обмен, вторая – штурмовая, – заключил могучий Ванюшкин.

– Но никто не видел, как пришла вторая, а ушла она позже – связь не подтверждается, – возразил Лейтис.

– И что? Какое дело до тонкостей, когда ясно, кого казнить.

– Это в кабинетах всегда всё ясно, а мы здесь для доказательств. Работаем по следу и не спешим с выводами – считай, что приказ.

Лейтис разложил на коленях карту, Макс сжал кулаки – ему перестали сниться кошмары, и вот видение наяву: это Мёдов, так же поза, то же лицо.

– Самое вероятное, что они вернулись в Кемерово под защиту стен, пока так и будем думать, двинемся за ними. По пути они точно наследили.

* * *

Выехали в Кемерово на том же «уазе», что и привёз Игоря с Владом сюда. «Нужно было попрощаться», – подумалось Игорю.

Сроки жмут, поэтому водитель меняется через два часа и выжимает газ. Игорь смотрит по сторонам с любопытством: знакомый маршрут в обратном порядке таинственен, на грани восприятия зыбкая картина, её не получается сфокусировать. Абсолютно точно он видел эти деревья с облезлой корой! Но ведь с другой стороны дороги, а это не те. И всё не то, нельзя доверять памяти, которая обманывает. И пейзажу, который убаюкивает.

Бах! Машину бросило, Иваныч вцепился в руль.

– Лево сзади! – прокричал Игорь, повторил про себя и только тогда понял, что это колесо.

Пробило шину, в зеркале мелькнул колпак и ошмётки. Иваныч справился, вырулил, «Уаз» боком вынесло на обочину. Вылезли, глотнули воздуха, отдышались. Артём занёс ногу, но ударить колесо постеснялся.

– Меняйте, – Игорь сплюнул и отвернулся к полю. Дорога окаймляет его полукругом, это место он помнит наверняка.

Сзади зашептались, кто-то шикнул, звякнули ключи. Подошёл Иваныч. Покосился на ребят, те вцепились в остатки колеса, и зашептал.

– Не хочу при них. Им не нравится, что ты командуешь, и они тебе не верят.

– А ты?

– Найди способ, покажи, что тебе можно доверять. А то ж мы друг друга подведём.

– Рад, что тебя это волнует.

– Найди способ.

Серёга затянул до скрипа последний болт и вытер тряпкой руки. Артём опустил машину и осторожно вытащил домкрат.

– Ты за баранку, – кивнул Серёга.

Игорь посмотрел на Ивана – никакой эмоции – и сел за руль. Схватился, выглянул из окна.

– Заодно бак дольём, давайте, давайте.

Серёга испустил протяжный стон.

Половину пути ехали ночью, медленнее, но без остановок. Иван называл мелькавшие в свете фар указатели. Солнце высветило небосклон, открыло тайну: они добрались. Координаты отмечены на карте жирным красным крестом, в пределах досягаемости указательного пальца.

Трижды объехали вокруг – ничего, тогда спешили. Отсюда, с вершины холма, машины не спустить: слишком круто. Роща в стороне редкая, всё на просвет.

– Заблудились? – Артём выглядит испуганным.

Игорь одобрительно хмыкнул, забрался на тёплый капот с ногами.

– Они страхуются: машин здесь нет, но где-то сидят наблюдатели, – он помахал в сторону деревьев, там словно что-то блеснуло. – Сейчас убедятся, что мы одни, и выйдут.

– А вон, – Серёга ткнул пальцем.

Двое вскарабкались снизу, где никого не было видно.

– Внимательно... – процедил Игорь, Серёга вытянул из-под сиденья автомат, спрятал за спину.

Гости не подошли близко, им самим пришлось кричать.

– Здорово, путники!

– В космосе спутники!

Парни заметно расслабились и подошли, даже забыли ответить на пароль.

– У нас сложности.

– Где груз.

– В километре. Спрятали хорошо, но забрать незаметно не сможем, там какие-то люди.

– Вы вдвоём? – оба кивнули. – Прыгайте в машину, – залезли, отдавив ноги.

Грузовики спрятали в низине за полями, место и правда скрытое, но неудачное прямо сейчас. Люди идут вереницей и добирают с полей последнее. А вон стоит машина с плёнкой – той самой.

– Вас видели в дороге?

– Здесь нет, а в пути наверняка. Но мы ехали чётко по плану, как сказали.

Игорь надеялся, хоть с самым грузом проблем не будет, хватает других забот.

Например, он даже не знает имени члена правления – своей цели.

Удивительно глупо столько времени о нём думать и не навести справки.

– У вас какие инструкции, когда всё кончится?

– Уходить.

– Вот и отлично, всё как раз кончилось, давайте ключи и свободны. Там две машины?

– Три. Один водитель там.

– Парни, к грузу, скоро работы остановят, а ночью ровно в двенадцать вы должны въезжать в Восточные ворота, – Игорь подозвал Серёгу. – Как только въедете в город, будь наготове, оружие держи при себе.

– Думаешь завоевать моё доверие?

– Думаю, ты хорошо стреляешь.

4

Макс терпел, зажмурившись, и когда шасси ударились о землю, первым выпал на траву.

– Фу! Укачало парнягу, – сжалился Ванюшкин, хлопнул по дрожащей спине.

Макс уткнулся в траву. Вестибулярный аппарат не при чём, он просто не может смотреть вокруг: всё это уже было, они уже шли по следу... все мертвы. И каждый в вертолёте – такой же потенциальный покойник, просто какой-то конвейер «двухсотых». И в нём он хочет найти ответ?

– В норме? – глухой голос, еле слышный.

– Конечно.

Рука Лейтиса. Взялся, встал. Лицо не разглядеть, всё плывёт, отвернулся.

– Отдышись, а вы со мной, – капитан поманил одного за другим.

Приземлились военные у самой станции, видно табличку над рельсами – «Болотное». Навстречу поспешил сам начальник станции – бежит, придерживая фуражку.

Да, грузовики проходили, так же в две колонны с тем же интервалом. К Юрге не сунулись, свернули на Поперечное, в Кемерово – теперь ясно наверняка.

* * *

Город укрепили основательно, Игорь подивился. Пустошь перед стеной – негде спрятаться, вышки, огневые точки, на главном въезде серьёзный контроль. Машину остановил прямо у подъезда, вбежал, на втором этаже постучал. Его точно не ждали, Ира, завёрнутая в полотенце, так и замерла, держа ручку. Игорь подвинул девушку, вошёл, захлопнул дверь, припал к глазку.

– Влад?

– Всё хорошо, я по своим делам, – ответил не отрываясь от наблюдения. – Хорошо, что ты здесь, не пришлось искать.

Почувствовал, как Ира резко что-то накинула, стянула полотенце.

Обернулся, мокрые волосы тёмные, совсем не рыжие, голые ноги из-под кофты... она уже взяла штаны, сбросила оцепенение.

– И зачем пришёл, соскучился?

Снова этот презрительный тон. Надо было схватить её у двери.

– Безумно, но не только по тебе. Миша где?

– Пф! – вот чем хорош её темперамент, она просто не успевает скрыть эмоции. – Где обычно: ведёт нас к лучшему будущему – каждого за руку.

– Тебя же это восхищает.

– Что ты хочешь?

– Помощи.

– С чего бы... – Ира вздрогнула, Игорь толкнул её на кровать, навалился сверху, штаны она так и не надела. – Прямо сейчас... сейчас на фабрике, он всегда там, – прошептала, закрывая глаза.

Давление исчезло, она закусила губу. Игорь вытащил из-за пазухи стопку бумаг.

– Сейчас мы вычислим одного человека. У меня есть имена, но я не видел никого вживую.

Ира проявила слишком глубокие познания для оторванной от политики девицы.

– Это Альберт Сёмин, по сей день трудится на углепроме. Не женат, водит женщин по графику: в незагруженные дни. Первое время боялся, везде просил охрану, но устал и расслабился. Живёт в центре, я легко проведу... хоть и подпорчу репутацию.

К Сёмину поехали вместе. Игорь хмурился и пытался отделаться от мыслей о его жизни. Это мешает, Сёмин – цель, а не человек, и про него всё решено.

Большое, освещённое огнями здание. К охране на входе лёгкой походкой подошла Ира, и двое парней отправились на внеплановый обход. Ира поманила рукой.

– Что ты сделала?

– Сказала главному такое, что стыдно до сих пор.

Ира позвонила в дверь, улыбнулась в глазок, а Игорь ударил в открывшуюся щель. За собой захлопнули. Мужчина на полу засучил ногами, распахнул глаза и разинул рот.

– Что... что? Не можешь! Ты мёртв!

Игорь выдохнул, они не ошиблись.

– Тебя убили! – Сёмин захлёбывается словами, но бормочет, словно пытаюсь сбросить наваждение, проснуться. – Убили, я снял маску... я не забуду.

– Он один! – Ира осмотрела комнаты

Игорь достал пистолет, Сёмин замолчал. Игорь подозвал Иру, зашептал на ухо.

– Скажи Крутову, я нашёл предателя. В полночь у Восточных ворот, пусть возьмёт лишь тех, кто был со мной тогда... в мою первую операцию, он поймёт.

Ира кивнула и выскользнула из квартиры, Игорь знал, она не подведёт. Он перевёл взгляд на Сёмина.

– Я живой и даже говорящий. Сосредоточься и слушай.

Сёмин не отводит взгляда от ствола, но видно, что понимает. Игорь сел на тумбу.

– Я жив, а тебя обманули. Понял?

Кивает.

– Всех вас обманули. Хочешь знать правду?

Кивает.

– Да скажи ты что-нибудь, – Игорь легонько пнул носком ботинка.

– Хочу, хочу конечно, очень хочу, – шепчет Сёмин.

Игорь нахмурился, сложно понять, он вообще в состоянии думать?

– Я не военный, понимаешь? То нападение, повстанцы с шашками – всё подстроено. Им нужен был город.

Глаза сверкнули, Сёмин подобрался, ловит каждое слово.

– Провокация и захват власти. Все вокруг заодно, кому ты можешь верить? Только мне.

– Бред... – прошептал Сёмин.

– Я умер, помнишь? – Игорь подмигнул.

– Я был в крови, ты мне снился...

– Я покажу тебе предателей, но с тебя услуга.

Сёмин усмехнулся.

– Напоминает сделку. Не забывай о праве сильного, проценты назначает он.

Игорь, спохватившись, убрал пистолет, помог встать.

– Не понадобится, любопытство – крючок лучше пули. Ведь ты догадывался, правда?

Сёмин поморщился, пожал плечами.

– Моё условие: ночью Восточные ворота должны пропустить три грузовика. Будь на блокпосту, прими их лично, чтобы у охраны не возникло вопросов.

– Уверен, что я пойду на это?

– Конечно, и я больше не буду сниться.

5

Скрипнули ворота, слишком громко в ночной тиши. Въехали три машины, остановились друг за другом. В (ночной) прицел «Винтореза» Игорь видит зелёную фигурку Сёмина, он не знает, что делать дальше.

Щёлк! Площадку залил свет, топот ног вокруг.

– Замри! Стой! Из машины!

Игорь прицелился и нажал крючок – звук выстрела тише лязга затвора. Серёга молодец, начеку. Стекло осыпалось, машина дёрнулась назад – ударилась в отбойник, из окна высунулся автомат.

– Огонь!

Кабину изрешетили. И две другие тоже, в темноте везде мерещится опасность...

Игорь подобрал гильзу, ему слышно, как распахивают двери, что-то мешком падает на землю.

– Готов! Готов! Дышит! – докладывают бойцы.

Сёмин чудом не зацепило, он разглядел Крутова, взвизгнул:

– Миша, Миша! Я не знаю, слушай...

– Стоять! Что в твоих машинах?

– Это не мои!

Парни задрали брезент, осветили фонарями.

– Ящики... здесь клеймо и печать. Новосибирск!

Кто-то заглянул в лица водителям, узнал беглых соратников – ничего не доказывает, но подозрения вызывает. Игорь усмехнулся, всё по плану.

Последний штрих за Сёминым. Его слова Игорь расслышал через завывший сигнал тревоги.

– Я всё знаю! Нас обманули, в тот день не было военных...

В цель. Каждый понял, о чём речь, непричастных вокруг не было.

* * *

Ночь ещё не выпустила город из объятий. Лейтис приказал лететь напрямик в Кемерово, дать круг над городом – посмотреть на реакцию. Таковой не дождались, но в утренней дымке разглядели машины у восточной стены – ровно три грузовика.

– Ниже!

Лётчик послушно завалился на вираж. На одной из крыш увидели человека, он машет руками.

– Зависай, оружие к бою, чёрт его знает...

Вертолёт спустился, не касаясь земли, бойцы спрыгнули, и сразу врассыпную – не быть одной мишенью. Вертолёт взмыл обратно, из дверцы высунулся пулемёт.

Военные в две шеренги с автоматами на груди двинулись к повстанцам неспешным уверенным шагом. Выстроились полумесяцем, не дойдя десятков метров.

– Хотят говорить, пускай выходят, – процедил Лейтис.

Из кабины вылезли двое.

– Прошу сюда, господа офицеры, – один наклонил голову.

Лейтис задышал чаще, обернулся на Макса – тот вперил взгляд, пыльцы на цевье побелели. Ошибки быть не может. Лейтис подошёл с Ванюшкиным и двумя сержантами, остальные замерли наготове.

– Это ваш груз? – второй, видимо, главный показал содержимое кузова.

– Да, но этого мало. Машин было до восьми, по словам свидетелей.

Крутов откинул брезент со второго кузова – четыре мёртвых человека.

– Это глава администрации города Альберт Сёмин и три водителя. Его ваши опознают.

– А толку? Он разучился говорить.

– Товарищ капитан, – вмешался Игорь. – Какова Ваша задача? Найти виновного? Вот он, других нет. Докладывайте смело, а там разберутся, – сказал и стоит улыбается, наглый, как всегда.

Лейтис принял решение.

– Эти, – ткнул в каждую машину, – оставьте себе пока. Двухсотых грузим к нам. И нам нужна жертва – кто будет языком молоть.

– Давайте я, – вызвался Игорь.

– Что, достаточный вес имеешь? – покосился Ванюшкин.

– Скорее массу.

Лейтис просигналил вертолёту спускаться.

– Ищите груз, очень вам советую.

Макс, всё это время не шевелившийся, на деревянных ногах последним подошёл к вертолёту. Он будто разделился: почему-то видит всё ещё и сбоку, со стороны, и звуки долетают через преграду.

– Что ждёшь?

Запрыгнул. Игорь отвёл взгляд, значит заметил сразу. Сидит в другом конце салона, если откинуться на спинку, его не видно. Макс наклонился вперёд. Всё-таки он жив.

Игорь мазнул щекой по плечу – стёр что-то. Он представлял эту встречу по-разному, и сегодня даже не удивился, по крайней мере, ничем не выдал. Только сердце ещё колотится. Они же родились в соседних палатах, ходить вместе учились. Нет, ходить Игорь начал раньше, он всё делал раньше. Но

мимо училища чуть было не пролетел – плакал и не хотел жить без родителей. Передумал, когда узнал, что Макса уже приняли.

Когда их пути разошлись? Да наверное, с первого вдоха. В стенах казармы разница сглаживалась, потом прорвало. Скорее всего, точка невозврата случилась в семнадцать: он бегал за забор к бродягам, а через три недели те попали под зачистку.

Макс продолжил выполнять приказы, отдавать честь и лучше всех выполнять задачи. Он молодец, он хотел помочь, беспокоился и спрашивал, но не понимал. Он всё такой же, сидит с умным лицом. Как прошла их операция? Успешно, раз он снова в деле.

Совсем забыл про Лейтиса! Он ведь, кажется, всю жизнь нянчил курсантов, а вон – бравый командир на задании. И конечно он вспомнил своего сержанта.

6

– Посадка, – просигналил пилот, все взялись за ручки и сиденья.

Прям от вертолёта группа разделилась: Игорь, пошатываясь, пошёл за Лейтисом, за ними увязался конвой, латыш отмахнулся.

– Как ты, Васильев?

Игорь ответил, заикаясь, смущённо.

– За... всё хорошо, товарищ капитан. Наши как?

– После вас других сержантов разослали во все концы, на боевое крещение, так сказать. Со Смирновым тяжело, все погибли или пропали, натерпелся.

– Мне жаль...

Лейтис вскинул бровь.

– Себя пожалей.

На этот раз кабинет почти пуст: президент, генерал и молодой министр – все. Выслушали капитана, президент кивнул, генерал знак идти. Игорь, всю дорогу настраивавшийся, так и не сел, только стиснул колени, чтоб не дрожали.

– Допустим, сейчас опознают тело. Что дальше? – президент осматривает с головы до ног, подбородок положил на сплетённые пальцы.

– Это доказательство.

– Чего? Мне доложили, что в машинах нет и половины.

Игорь пробежался глазами по двум другим лицам, ища поддержки... глупо.

– В городе их нет. Сёмин имеет власть, мог переправить куда угодно.

Президент покивал, сменил позу: расправил плечи, склонил голову.

– Я больше не могу вам верить.

– Но...

Президент вскинул ладонь.

– Мне не нужны союзники, которые не могут уследить за кем-то из своих же,

– развёл руки в стороны. – Я тоже не могу, но у меня аппарат, который работает, которому я верю.

– Поэтому вы здесь втроём? – Игорь еле сдержался, чтобы не зажмуриться.

Президент рассмеялся, дважды хлопнул по столу.

– Это патовая ситуация, вы не выжмете из меня больше того, что есть, – осмелел Игорь.

– И не буду пытаться, ладно уж. Кемерово и Томск не принадлежат мне, а теперь я не считаю их союзниками. Отработайте долг, верните топливом взамен, подумайте о мирных жителях. Антон Валерьевич, – президент перевёл взгляд, Гловацкий подобрался, – Вы всё затеяли, Вы и контролируете.

Министр встал, кивнул и вышел, не оборачиваясь.

– Гловацкий, – представился он Игорю в коридоре. Следующую фразу произнёс только в своём кабинете, закрыв дверь. – Поздравляю, сработал чисто.

– Так и знал, что это ты.

– Неужто?

– Не генерал же.

Гловацкий усмехнулся.

– Не оскорбляй способности наших военных... Хотя имеешь право, мне сказали, откуда ты взялся.

– Тебе не кажется, что загоняешь себя? Еле успеваешь реагировать.

– Я ловлю волну, а не гоню её. Что могу – делаю, – пожал плечами Гловацкий. – А теперь я объясню, ради чего вы все, бедные, страдаете. И ты меня похвалишь.

Осевшая на континенте радиация превратила земли в пустоши, убийственные для живого. Они отмечены на всех картах чёрно-жёлтым штрихом.

Некоторое время назад повышенный фон зафиксировали в Екатеринбурге. Президент запретил огласку и распорядился продолжать замеры. Через пару месяцев стало ясно, что заражённая площадь растёт.

Не известно, что спровоцировало движение частиц, которые давно должны были уйти под землю. Факт: радиация ползёт с запада. В тайном порядке готовится переселение. По расчётам столицу придётся перенести восточнее, а Новосибирск оставить беженцам. Придётся перемещать всё производство и запасы – масштаб огромен. И как назло, на востоке появились повстанцы.

Гловацкий предсказал, что такое не пройдёт бесследно и грядёт передел власти. Для него он заготовил козырь: Саяно-Шушенская ГЭС снабдит электричеством целую область, и она будет принадлежать ему. Есть соглашение с Абаканом и кое-что поважнее – настоящая поддержка тамошних лидеров.

– За мной пойдут люди.

– Ты так сильно хочешь власти? – поинтересовался Игорь.

– Не то что бы... Меня не устраивает нынешняя, и я не вижу другой кандидатуры, кроме себя.

– Похожая история, – усмехнулся Игорь.

– Я хочу, чтобы меня поддержали и повстанцы, а ты в этом помог.

– После того, что ты нас подставил?

Гловацкий хмыкнул, медленно пошёл по кругу, печатая шаг, потряс пальцем.

– Тебе это только на руку пошло, прошу заметить.

– Пока не ясно. Если бы я погорел?

– То мы бы с тобой не говорили. Всё, хватит, думай и решай. Мои аргументы простые: при нынешней власти у вас ничего не выйдет, а со мной – посмотрим.

Гловацкий остановился, упёр руки в бока. «Это парень будет моим. Он игрок – сказал Баграт, а тот в подобных себе не ошибается».

– У меня есть условие.

– Вот! – Гловацкий потёр ладони. – Деловой разговор.

– Подтяни кое-кого из вояк мне в команду.

- У меня с ними контакт не очень. Кого?
- Сержант Смирнов.
- Та-ак, подумаю. Что с ним делать собираешься?

Игорь нахмурился.

- Вообще не представляю. Он мой друг, хочу его вытянуть.
- Только не будь наивным. Время бежит, друзья расходятся, а он наверняка спит и ест по уставу.
- Именно так и делает, – улыбнулся Игорь.

7

Игорь вернулся в Кемерово с требованиями президента, планом действий и хорошим настроением. Зевая, выслушал, как беснуется Крутов, и щёлкнул пальцами в нужный момент.

- Согласен! Пойдём на условия – будем всю зиму коренья копать. Раз не вышло передышки, нужно идти до конца.
- Не дразни, мы не в силах, – Крутов покачал головой.
- Кое-что изменилось, у нас появился союзник.

Игорь репетировал всю дорогу, думал, что говорить и о чём молчать. Он застрял на перекрёстке чужих дорог. Ему придётся свернуть с одной, пересечь другую, чтобы проложить свою.

Крутов прикинул сроки.

- Президент дал нам три недели, наверное, уже выпадет снег...
- Мы должны объявить решение.
- Я воевал ради возможности помочь людям, – сокрушался Крутов. – Теперь я принёс войну им в дом?

Игорь не собирался отвечать на риторические вопросы, поэтому выждал, пока Крутов кивнёт сам себе и заключит:

- Расскажи мне всё, ваш план, твои мысли и сомнения.

* * *

Выпал первый снег, жалкий, противный и колючий. Хлопья кружились в воздухе, их швыряло ветром по сторонам, прежде чем они оседали на землю. Там их затапывали в грязь, и к полудню снегопад прекратился.

Из Центра ни разу не напомнили о долге, но Крутов уверен: там ждут. И в день крайнего срока он объявил боевую готовность, город привычно запер ворота и разобрал автоматы. Никакой реакции не последовало, ночью зажгли свет и пустили патрули. А утром пришло известие: на дорогах блокпосты. Любой грузовик должен иметь пропуск и разрешение на перевозку – закон старый, негде не соблюдающийся, но всё ещё действующий. Крутов восхитился находчивости оппонентов, ведь он готовился к священной войне, а их душат на законных основаниях. Он за минуту подсчитал в уме, чем грозит блокада.

Собралось руководство.

– Мы не можем атаковать первыми, мы больше не дикие бродяги, не имеем права на беспредел.

– Согласен, получается, мы кругом неправы.

Без стука вошёл взмыленный помощник.

– Томск заблокировали! Даже на реке катера!

Кто-то застонал, кто-то выругался, Игорь уважительно поцокал языком.

– Труссы! – расхрабрился один из советников Крутова, бывший с ним не первый год. – Поняли, что силой нас не взять!

– Возьмут измором.

– Проблемы начались, но не закончились, подождём, что ещё выкинут.

Игорь с Крутовым переглянулись, им нужно посоветоваться.

* * *

Гловацкий получил уведомление бумажкой, положил её на стол и отодвинулся подальше, лишний раз её не трогал. На плановое собрание по поводу подготовки к зиме повстанцы не приглашены. Это кое-что значит и кое-что меняет.

Он вытащил из карандашницы отвёртку, вывинтил разболтавшиеся болты, трубка распалась на две части. Гловацкий осмотрел, сложил обратно – щёлкнуло. Провёл ладонью под столом, обернулся на картину – репродукцию старика с перекошенным лицом, с подписью «Старый рыбак» на обратной стороне. Гловацкого забавляло прикладывать зеркало по центральной оси: изображение тут же меняется.

Нет, в кабинете никого не прослушивают, слишком уж откровенно – это Гловацкий давно понял. Менее смышлённые бегали по конспиративным точкам, где попадались.

Баграт лежал на полу, закинув ноющие ноги на кровать, когда ему сообщили о звонке. Он так и не узнал, чем кончилась затея с Игорем и повстанцами, значит успехом. И вот он снова понадобился. Баграт нигде не задерживался, в Новосибирске тоже, но возвращался всегда с удовольствием.

Шепелев заверил, что всё работает и без него, и распрощался, кажется, с облегчением. Баграт на всех производит впечатление смертника, случайно задержавшегося на земле, с ним каждый раз прощаются навсегда. Он больше ни с кем не говорил, собрал рюкзак – с удивлением заметил, что появились лишние вещи – и уселся в один из отправляющихся пустыми грузовиков. Шофёры отдыхали на базе, собирались в путь только завтра, но послушаться не посмели.

Баграт покидал Абакан с непонятным чувством, будто что-то оставил. Бродячий пёс успел привыкнуть к конуре – дурной знак, нельзя забывать, кто ты есть.

* * *

Гловацкий знал о блокаде и надеялся, что повстанцам хватит ума потерпеть. Ему нужно столкновение, но виноватым в нём должна быть власть, чтобы это увидели все. Уже ночь, давно пора спать, чёрт бы побрал разгильдяев, которые не успевают в срок, и тех, кому засиживаться в радость. Вошёл Тимоша.

– Всё верно! Он лично запрашивает данные по всем отделам, ко мне, гад, к последнему зашёл.

– Ты всё сделал?

– Как ты просил: кое-что придержал, что-то поменял, где-то лишнего насовал. А полная информация вот, – на стол аккуратно лёг ноутбук. – Только зачем?

– Чтобы в спешке работали, а я спокойно и вдумчиво, на шаг впереди, – Гловацкий звякнул браслетом часов.

В дверь постучали, Тимоша тут же испарился, вошёл молодой парень в рубашке и галстуке, по виду – секретарь.

– Вызывали?

- Заходи, садись, – Гловацкий дождался, пока гость перестанет нервно ёрзать. – Помнишь, я тебя выручил?
 - Конечно. Время вернуть?
 - Как думаешь, зачем я это сделал?
 - Либо по доброте, либо для рычага давления. Точно не первое.
 - И то и то отчасти. Ты умный, вот зачем. Скажу очень просто, хочу, чтобы ты понял правильно и согласился.
- Гость кивнул, напрягся.
- Твой начальник к Зимнему собранию готовит выборку фактов вот отсюда,
 - Гловацкий ткнул в компьютер. – Сделай мне то же, но с другим акцентом. И выступи вместо него.
 - Но...
 - Я знаю что говорю, он сам тебя попросит. Но готовиться ты должен заранее, потому что его документы нам не подойдут.
 - Антон Валерьевич, это опасная игра... На чьей мы стороне?
 - На стороне новой России, как тебе? Рискнёшь – и сможешь в ней остаться.
 - А если нет, Вы просто заставите.
 - Да, но повторяюсь: хочу, чтобы ты сам это выбрал.
 - Я выбрал. Что мне фиксировать, а что пропускать? – парень развернул к себе ноутбук.

8

Игорь забыл этот разговор, но Крутов снова взялся за своё:

- Переворота недостаточно, он должен быть легитимным. Мы запустим агитацию в больших городах, где люди отрезаны и не знают о проблемах сограждан.
 - Это важно, я понимаю, народ – главная сила. Но есть ли смысл? Сытый не поймёт голодного, революция не нужна тем, кому есть что терять.
 - Они тоже русские люди.
- Игорь покачал головой.
- В старших я не верю, а молодых завалили пропагандой, им не выбраться.
 - Но ты же выбрался.

– Я бракованный, случайно надевший форму.

* * *

За двое суток до «Зимнего собрания» в городах прошёл снегопад: самодельные планеры засыпали улицы бумагой с кричащими заголовками: Проснитесь! Знайте! Помогите! В одном из городов вывесили транспарант на такой высоте, что его не смогли сорвать без крана. Агитаторы били точно в большие скопления людей: по площадям, по заводам, по жилым кварталам. Расчёт оправдался, забывшие о таком люди жадно глотали текст, не понимали и прятали листовки, чтобы перечитать дома.

С советами Гловацкого повстанцы угадали с содержанием. В богатых Новосибирске, Барнауле, Омске жаловались на голод, зывали к сочувствию. А в бедных Куйбышеве, Иркутске, Междуреченске сообщили, как прекрасно живёт Кемерово и Томск с приходом новой власти.

Президент взбесился: служба безопасности оказалась не готова. И мэры приедут на совет с одним вопросом.

* * *

Баграт прибыл к ночи. Едва спешился, как окунулся в уличный шум и поёжился: город больше не прячет его, давит, подстерегает. Баграт шевельнул кистями, ловя ладонями ветерок, он не может слиться с толпой, месяцы публичности убили в нём тень. Теперь Баграт не сойдёт за своего на площади, не заснёт посреди улицы.

С Гловацким встретились в баре в центре города. Гловацкий ходит туда постоянно, заподозрить его невозможно. Музыка из колонок не даёт расслышать слова постороннему, они сели плечом к плечу, улыбнулись друг другу, извиняясь: мол, посетителей полно, пришлось потесниться.

– Как обычно, дело важное, работаешь один. Мой коллега выступает послезавтра... но выступить не должен.

– Твоих я ещё не трогал.

– С ним всё должно быть в порядке, понял? Просто выключить на время.

– Семья есть?

– Не пройдёт, он президента ценит выше.

– Надавлю на него самого? Себя-то он точно любит больше.

– Перепугается, напортачит. Нет, сделай так, чтобы он передал полномочия, дальше разберусь я.

На бедро Баграту лег свёрток, он подставил карман и ответил, отлипнув губами от кружки.

– Выглядит сложно.

– Интересно, как ты любишь, – Гловацкий стрельнул глазами на профиль агента. – Рад, что ты в норме.

Их было видно с улицы через окно: худощавый мужчина в пальто заказал соседу пива и встал из-за стола. Сосед, широкоплечий, в куртке из плотной серой ткани поблагодарил кивком, пожали руки. Оба остались довольны случайным знакомством.

Баграт оставил бокал нетронутым, пора за работу. Он получил все данные: объект проживает в восточной части центрального района, на элитном участке. Семья – жена и девятилетний сын – может усложнить задачу, а может и упростить. Баграт сразу решил, как действовать. Прикинул другие варианты, ничего лучше не изобрёл.

Уже ночь, простой люд разошёлся по домам или кабакам, «слуга народа» и подавно. Баграт повернул на соседнюю улицу. С тротуара спрыгнул человек, Баграт выставил руку, прохожий, наткнувшись, извинился, дал пройти. Лицо наёмника перекосила брезгливость, контингент столицы всегда его коробил: интеллектуалы вперемешку с дельцами, никаких бродяг, а иногда джипы с парнями в чёрной форме – Новосибирский полк спецназа.

Баграт добрёл до спального района, на чердаке из щели в полу достал ключ, спустился на этаж. На полу подобрал бумажку: «Повстанцы» – улыбнулся как старым знакомым. Пыль под дверью, спичка в косяке – всё кажется нетронутым. Баграт не поверил, но отлегло. Прямо в одежде плюхнулся на кровать, завёл будильник на часах. Только закрыл глаза, вибрация перекинулась с руки на всё тело. За окном ещё темно, проспал от силы полтора часа, пора на выход.

Баграт прошёл мимо жилого комплекса для самых богатых, убедился, что помнит расположение домов: высотки, в которых высокопоставленные лица занимают целые этажи; несколько зданий отданы светилам науки. Но эта роскошь из титана и стали – пыль в глаза, настоящее сокровище – уединение. Вот здесь, среди акаций, вдали от суеты, обитают те, кто может себе позволить не соваться в центр мира. Он всё равно кружится вокруг них.

Толстые подошвы ступили в грунт, через парк можно пробраться незаметно. Баграт остановился, опёрся на дерево, ноги схватило судорогой поочередно, скрипнули зубы, он медленно пошёл дальше. Трижды Баграт доставал

компас, боялся сбиться с курса во мгле. Фонарём светить нельзя: вдруг караульные будки ближе, чем он думает.

– Ауф!

Звякнули струны, в тело впились шипы, Баграт успел отвернуться – порезал щёку. Они перенесли забор?! Баграт унял стук сердца, провёл пальцами по металлу. Старые паучьи сети, он всё-таки сбился с пути. Погремушек здесь нет: белки их вечно цепляют и не дают охране спать, а ведь это главная её задача.

Баграт надел плотные перчатки, сверху до низу ощупал преграду. При луне проволока блестит, сейчас нет – только тень и осязание. Кусачки щёлкнули звонко в тишине, но Баграт знал, что заметнее звук распавшейся проволоки, и придержал концы. Он резал так, чтобы зацепить обратно, не оставлять дыру.

За забором деревьев стало меньше, потом он вышел на опушку. Заметил вышку, юркнул в кусты и замер. Объект выезжает через полчаса, самое время занять позицию. Гловацкий не ошибся, важные дела поднимают с постели лучше петухов, из-за ворот выехал чёрный джип.

Дом двухэтажный, растянувшийся в стороны, за забором просматривается второй этаж и крыша. Баграт как наяву увидел, что бросает в красную черепицу коктейль Молотова, и ощутил жар на бровях. Он забыл, когда и что это было – очередная заказная диверсия, но врезалось в память.

Около часа он провёл наблюдая, ничего не высмотрел и решился. Закатал рукава, загрёб земли, измазал руки и вышел на дорогу. Подошёл из-за поворота, глянул в камеру, надавил кнопку звонка, она окрасилась в чернозём. Калитка открылась мягко, за ней стоит охранник по всей форме: в камуфляже, с кобурой.

– Здорово. Ключами пособишь? У моего корыто импортное, а накрылось, будто наше.

Охранник осмотрел гостя пристально, кивком приказал поднять руки, ощупал.

– Пойдём до гаража. Ты с той линии, что ли?

– Ну так! Корыто!

Охранник отчитался по рации, Баграт замедлил шаг, пустил его вперёд – идёт, подставив спину. Хоть плюй, хоть убивай.

– Извини, я и так не вовремя, водой угостишь? – спросил Баграт, наблюдая, как охранник возится с замком.

– Вон полка, не забудь вернуть. Воды принесу.

Баграт, оставшись, глянул под крышу, в погреб – можно спрятаться. Воду принесли в эмалированной кружке, судя по вкусу, из колонки. Это упрощает дело. Баграт выпил до дна, утёр губы и пошёл к калитке.

– Инструменты вечером верну, ничего?

– Лучше до восьми, пока хозяина нет, – охранник подумал. – Хотя сегодня может и задержаться.

Наконец показался второй, прошёл за дом, покосившись на гостя. Два минимум, в бригаде их должно быть больше.

– Понял, как смогу – сразу же. Спасибо.

Баграт второпях исчез с поля зрения, юркнул в кусты, уронил ключ на рюкзак – взбил пыль. Посидел с минуту и решил возвращаться в город. Решение принято, осталось реализовать.

9

Всё руководство повстанцев ночует в штабе. Для воссоздания осадного положения заперлись и дымят сильнее обычного. Крутов, некурящий, бровью не ведёт. Игорь, устроившийся в углу ближе к связистам, подозревал его, потеснился с коврика.

– Ты был на северных морях?

Крутов покачал головой.

– Мы летали однажды, высадились у Карского. Там есть морская база, куда ушли остатки Северного флота.

– Живая?

– В том-то и дело. Её не бомбили, но ни один корабль оттуда уже не уплыл. Огромные авианосцы, атомные крейсеры – чего только нет. Они стоят у берега борт к борту и медленно тонут.

– Если не пробиты, продержатся на воде ещё сотню лет.

– И это жутко. Я только тогда понял, что же мы натворили. И так ясно, что война – это горе, ужас, но смотришь на людей – суется, дышат, будто так и

должно быть. А на них глянул и расплакался: корабли не должны гнить. А их там столько!

Крутов попытался представить это кладбище – не смог, тогда спросил.

– А ты был в пустошах?

– Раньше хотел, сейчас плевать. Для этого есть разведчики, мне рассказывали что там.

– Ну? – Крутов придвинулся ближе.

– Никакой романтики, если ты об этом, – усмехнулся Игорь, – и никакой надежды. На запад не пройти до сих пор – радиация шкалит. Вокруг разное, но в целом одно: пустота, всё брошено, в окнах ветер свистит, в лесах ни одного зелёного листа. Но звери приспособляются, бегают целыми стаями, дикие, человека не боятся.

– Артефакты видел?

– Их не берут почти. Рассказывали, как музей нашли, фотографий наделали и всё оставили. Фонит сильно.

За столом в центре зала раздался хохот, но его не поддержали.

– Миш, откуда вы все взялись?

– Как откуда? – оторопел Крутов.

– Народ пережил войну, в нём животный страх повторения. Как могли родиться свободные люди?

– Может, дело в семье? У меня была интеллигентная, хоть и работали как все. Матери не помню, а отец об истории рассказывал, о людях. Сухонький такой, худой, на меня не похож.

– Историю и мне рассказывали – в училище.

– Ну какую? Как нас застали врасплох и разбомбили всё в два дня? Или как наши сами спровоцировали эту войну? Никто ведь не знает, из-за чего всё. Вот папа пытался понять, копался в бумагах ночами после смены, иногда что-то складывалось, он будил меня и показывал, рассказывал. Мало помню, только его слёзы в свете лампы.

– Хорошо, с тобой ясно, а другие? Ира вот?

– Просто непоседа с детства, как Саша говорил. Это он её притащил, пообещал, что с нами веселее, а ей другого и не надо.

– У всех по-разному, это понятно. Но должно быть что-то общее, ведь должно быть?

– Родились под одной звездой, – бросил Крутов и фыркнул. – Ерунда, какая сейчас разница? Меня другое беспокоит.

– Ну?

Крутов сел, снял ботинки, вытянул ноги.

– Ты скажешь? Тогда я выскажусь, – заявил Игорь. – Ведь я был на той стороне, и вижу, в чём они сильнее: военные сплочены. С нашими я говорил, из них половина здесь случайно, остальные отчаялись, как и ты.

– Предлагаешь начать ходить строем?

– Поздно. Хочу, чтобы ты знал: нельзя доводить до предела, наши посыпятся.

– Я знаю... – Крутов вздохнул и продолжил. – Ты помнишь, с чего всё началось?

– Саботаж в Кемерово, такое не забыть.

– Мы пришли к власти через обман и кровь, и закончится она так же.

– Все, кто знает, под моим контролем, я каждую минуту помню об этом, нас не раскроют. Да и даже если, уже слишком поздно.

– Дело в другом, в глобальном, во вселенной, если хочешь... Мы пошли обманом, это речь не о людях, а о судьбе.

Игорь тихо рассмеялся, наклонился к собеседнику.

– Ты в это веришь? Хорош глава движения!

Крутов отстранился.

– Я никогда так не поступал, это ведь ты придумал. Видна ваша школа!

– Поблагодари уж наконец, и закончим.

Штаб устал резаться в карты и проголодался, послали за поваром. Крутов решил сходить сам – проветриться. На улице встали, он жадно вдохнул ночную сырость.

– Игорь, ты понимаешь цель всей нашей затеи?

– Набрать сил, развернуть власть к народу лицом.

– Вот и нет, – Крутов присел на ступеньку. – Это задачи, но не цель. Мы должны не систему сменить, а разбудить народ, напомнить людям, что они люди. Не важно, кто за штурвалом, если граждане спросят с любого. Вся страна должна знать, что если власть не справляется, она виновата. И отвечать должна тоже она.

– Таким образом и с нас в случае чего спросят.

Крутов наморщил лоб.

– А ты ждал другого? Мне казалось, что ты понимаешь и поддерживаешь: власть это средство, но не самоцель.

– Понимаю, но поддерживаю... вряд ли. Править нужно сильно.

– Тогда зачем мы боремся?! Твои слова услышаны, наверху так и поступают!

– Они ведь неправы, сколько лет ведут в тупик...

– Ты так думаешь, я так думаю. А должен задуматься на-ро-д! Люди-человеки, элита и рабочие. Ни в чём не будет смысла, пока мозгами пользуется десять процентов населения.

Игорь поманил рукой.

– Я солдат, моё дело ползать под пулями, а я вон до чего дошёл. Иногда думаю, что недостойн, что вокруг полно людей умнее. Пусть командуют, я готов исполнять. Но никто не берётся.

– В чём мораль?

– Не знаю.

Город напряжён, это чувствуется кожей и бросается в глаза. Огневые позиции замаскированы и скрыты в темноте, но видно уголёк сигареты в бойнице. В тишине шаркают патрульные, от фонарных столбов идут провода к прожекторам.

Крутов закончил разговор.

– Мы на финишной прямой, Игорь. Если проиграем, я не хочу выжить: не найду сил начинать всё заново.

Баграт в потоке спешащих на работу людей один в пыли и грязи: столица всё-таки. Отбил землю с ботинок и зашёл в автобус. Через весь город он не идёт, придётся пересесть, а пока Баграт прижался к стеклу, освободил место группке инженеров. Всмотрелся в городской пейзаж, и их профессиональная болтовня пропала из сознания. Он никогда не задерживался в городах, если только не отлёживался, простреленный. Справедливости ради, Баграта ранили реже, чем должны были. Больше попадало по молодости в драках и неудачных грабежах, и то всегда уходил на своих ногах.

Вполне может получиться, что нужный контакт пропал. Но на чёрном рынке важнее не личное знакомство, а вовлечённость. Через третьих лиц, через упоминание о давней сделке доверие восстанавливается. Так и вышло, потребовалось чуть больше денег и гораздо больше времени. Когда продавец, седой мужчина с бородой клином, спросил об дозе, Баграт задумался. Он всё рассчитал, но если отравится ребёнок – может не выжить.

– Меня в детстве не жалели...

– Что, уважаемый? – мужчина сложил мозолистые ладони.

– Две полные колбы.

По разведанному пути пробрался к участку быстрее, чем ночью, но проволоку резал в другом месте. Ух и намотался! А здесь ничего не изменилось: тот же день, та же погода, тот же охранник у калитки.

– О, вовремя. Починил?

– А-ай! – Баграт махнул рукой. – Толку нет, запчасти нужны. А мой ругается, вышвырнуть грозит.

– Не свезло, вот наш спокойный, вообще внимания не обращает, будто нет четырёх человек, – четырёх, значит.

– Руки можно помыть? Возвращаться вообще неохота.

– Давай, пока хозяина нет. Сзади дома труба выходит.

Охранник предупредил напарника по рации, сам понёс отбивший Баграту в рюкзаке спину инструмент в гараж. Баграт свинтил вентиль, вставил стопор, и завернул обратно.

– Нет воды.

Демонстративно покрутил перед вернувшимся охранником, ручка действительно вертелась вхолостую. Охранник закусил губу, глянул на чёрные руки и лицо, домой пускать нельзя, но ведь уже согласился помочь.

– Да ладно, я понимаю, сам как-нибудь... – Баграт понурил голову.

– Заходи в дом, сразу налево, только тихо, все наверху.

В рацию ничего не сказал.

Баграту нужна была минута: по напору воды выбрал трубу, пробил пневмоиглой пластиковый переходник и вогнал оба флакона. Мазнул монтажной пеной из тубика, дырка затянулась, ещё и руки успел помыть. На цыпочках вышел из дома. В коридоре бросились в глаза детские ботинки, мальчишечьи, стало чуть легче, хотя какая разница.

Яд подействует, если просто помыть этой водой фрукты. Меньший эффект, но не зря же два флакона. Семью свалит не сразу, к ночи. Гловацкий заверил, что объект ответственный до невозможности, значит полномочия передаст до того, как испортит ковры.

* * *

Новосибирск сегодня расцвёл и ошетинился шипами. Аэродром встречает каждого гостя салютом и кортежем до здания администрации. Вокруг же развернулось настоящее кольцо обороны. Зенитные точки, блокпосты с техникой, сторожевые корабли и на севере и на юге Оби, в небе свистнул истребитель. Гловацкий, бросив взгляд на расположение, в очередной раз убедился, что нет в стране армии, способной взять столицу.

Молодой секретарь утром доложил, что спикер передал ему право голоса и документы шифрованным каналом, сейчас его ждут в «первом» кабинете.

– Говорил хоть раз с президентом?

– Ни разу, – парень смутился.

– И не поговоришь, – усмехнулся Гловацкий, – он сейчас мэрами занят. Тебя генерал спросит, готов ли, ответишь: так точно, и свободен. Покажи, кстати, что наш болезный отправил.

Гловацкий так и думал. После всех событий, и особенно листовок нужно показать всем, что оппозиция ни на что не способна, что их города вянут без поддержки быстрее одуванчиков. Из пальца такое не высосать: факты проверяют, но сместить внимание, подсунуть нужные сведения люди умеют.

Поэтому доклад выглядит следующим образом: ввоз и вывоз товара в Томске и Кемерово прекращён (конечно, его же блокируют); в центр ресурсы не поступают, прошлые договорённости аннулированы (ещё бы они поступали); обстановка накалена (интересно кем); зиму без поддержки им не пережить.

– Дровосеки, – покачал головой Гловацкий, он бы сделал всё изящнее.

Мэры прибыли к двум часам дня, в три собрались в зале для аудиенций. В коридоре Гловацкий встретился с генералом, тот кивнул, звякнув наградами на парадном кителе, Гловацкий ответил тем же. Он знал военное прошлое генерала и его семьи, испытывал только уважение и оттого хотел обязательно его обыграть.

Заседание начали стандартно, с краткого выступления каждого из прибывших. Это затянулось, Гловацкий устал ловить тревожные взгляды секретаря. Затем уже президент высказал по каждому региону, ориентируясь по бумаге. Говорили, спрашивали, кивали – все утомились, вода на столах кончилась, тогда объявили перерыв.

– Готовься, – шепнул Гловацкий секретарю в дверях, – помни, что с тебя вопроса нет, что дали, то и читаешь.

Президент отвёл в сторону генерала.

– Всё, сейчас начнём. Сегодня мы настроим всех против, а завтра мы покончим с выскочками.

– Войска ждут приказа, – усмехнулся генерал.

Возобновили заседание. Президент выдержал паузу и заговорил.

– Господа, на повестке звучали вещи важные, надеюсь, каждый получил ответ и направление для работы. Но давайте перейдём к тому, что волнует каждого из нас больше всего, – дал знак секретарю, тот уже несколько минут был на низком старте. – Наша аналитическая служба подготовила информацию, которая продемонстрирует истинное положение дел.

В зале зашептались, это правда волнует каждого. Секретарь включил проектор, нервно улыбнулся, что-то прошептал сам себе. Стена осветилась графиками, и он начал. По мере углубления в тему, руководство бледнело, гости всё больше переглядывались, а Гловацкий сдерживал смех. Секретарь говорил о том, что в подвластных повстанцам городах за два месяца исчезла нехватка продуктов, что вернулся нормированный рабочий день, что к зиме они уже готовы: стоят теплицы, ведётся подсчёт продуктов. Всё правда, всё из официальных данных – но под другим соусом.

Когда выступающий поблагодарил всех за внимание и стало слышно скрип чьих-то ботинок, секретарь покосился на дверь, затем на Гловацкого. Тот прикрыл глаза: не дёргаться, здесь тебя не возьмут. Гловацкий вперился в президента. Он уже готов ответить? Готов.

– Прекрасное выступление, я подведу итог, – голос твёрдый и уверенный, как всегда, ни намёка на шок – а это шок. – Мы осознаём, что истина всегда на

стыке позиций и мнений. Поэтому во благо страны и её граждан решились – а это было нелегко – на сотрудничество с силами оппозиции. Им был дан срок, за который они попытались представить свою модель развития.

– У них получилось, – шепнул кто-то.

– По итогам будет созван совет с участием их представителей, где мы обсудим дальнейшее взаимодействие, – президент кивнул, закончив.

Мэры зашевелились, зашептались, поднялись. Кто-то пошёл к столу президента, кто-то подозвал партнёра с другого конца кабинета – задвигалось. Секретарь прошёл мимо Гловацкого, тот отвернулся. Он сам знает что делать: охрана ждёт у лестниц и лифта, но на глазах у всех его не тронут, а там он уедет вместе с мэром: договорённость есть.

Следующий час президент кивал и качал головой потоку личных вопросов и предложений, даже он устал притворяться, что всё в порядке, и с мэрами почти не говорил. Пришлось поработать Гловацкому, переводя их в инстанции. Когда последний наконец исчез, президент кивнул и министру – ни благодарности, ни прощания – ни слова. Остался верный генерал. Тяжёлая дверь плавно их закрыла.

– Мы окружены, генерал, где твоя контрразведка?

– По стране вся. А под носом и не думали...

Президент поиграл желваками, усмехнулся грустно, пропали морщины на лбу.

– Мой отец боялся, что однажды сможет верить только армии. Он любил страну.

– Я помню, господин президент. Он часто повторял это.

– А мне не говорил, я случайно подслушал... Мы ведь справимся, Степан Васильич?

Генерал подтянулся.

– Погонами, жизнью отвечу! Что прикажете делать?

– Нужно начинать подготовку к переселению на восток, я это объявлю. Но мы не можем допустить слияние граждан с повстанцами: этого они и ждут, это нас погубит, такую силу не сдержать. Поэтому... поднимай все данные по «Южному варианту».

За окном валит снегопад. За неделю с момента собрания кабинет министров не собирался ни разу. Они задышали свободнее, занялись наконец своими делами. Но Гловацкого это не устраивает, он расставил сети и ждёт звона колокольчиков: хотя бы эха или дрожи лески. Пришло откуда не ждал, на контакт вышел похожий на штангиста в отставке министр, курирующий снабжение армии, мужчина с вечно кривым галстуком.

– Антон Валерьевич... давайте быстро и просто.

– Можно и так.

Собеседник кивнул.

– Помните мои интересы?

– Лес, газ.

– Теперь кое-что другое: электростанции.

– Рисково.

– Кто бы говорил. Я вам намекну, что задумали наши боги, а вы кое-что пообещайте.

Гловацкий слушал внимательно до рези в глазах и догадался о сути до конца фразы – по тону, отыграл тем самым лишнюю секунду. Сделал непонимающий вид, раскрыл рот: ах, вот оно что! И всё решил.

– Я готов.

– От меня только слова, никаких бумаг и фактов.

– Конечно, ведь от меня тоже.

* * *

– Ты продал нас? Почему я не удивлён.

– Обменял ваше будущее на настоящее. Мало времени, Игорь, думай об операции.

– То есть Крутов впустую брлся и искал одеколон. Президент торжественно договорится с ним об помощи и сотрудничестве, великодушно простит все былые грехи...

– Верно, дальше.

– А на юге с его подачи и генеральского благословения нашу границу прорвет голодная орда. И вы допустите?

– Есть способ нас не спрашивать. Тревога, угроза войны – никакого переселения, слишком опасно.

– А война? – спросил Игорь.

– Что?

– Будет?

– Вряд ли, просто запугают народ на время, потом спишут на обезумевших радикалов.

– Стрелять точно будут. Правда, в нас... Я ведь всё учил: АТО – Антитеррористическая Операция или «... чистка нежелательных...» – Игорь тяжело вздохнул. – Ты можешь его кинуть, не отдавать АЭС?

– Мы ничего не подписывали, а значит нужно соблюдать: в мире договоров и бумаг ценнее всего слово, – Гловацкий закинул голову на спинку, покатал вправо-влево. – К тому же АЭС для меня сразу была разменной монетой. Какая разница на что менять?

– Хотел напомнить тебе про жизни людей, но понял, что не мне о них говорить.

– Вот именно! – Гловацкий погрозил пальцем. – Открыть проход можно локально, в нужной точке, прямо там. Военные это могут. Не позволяй!

* * *

Макс лёг ещё до отбоя, но уже два часа ни намёка на сон. Отрубился сосед, запыхавшийся, сразу нырнувший в подушку, как прибежал. И даже подумать не о чем: мысли рассыпаются по полу, прячутся, а тянешься за ними, отодвигаешь диван – оттуда лязгает пасть.

Железно щербнуло за окном. Макс улыбнулся, когда-то они придумали сигнал в учебке: не просто камень в стекло, а бросить его в стенку, чтоб упал на подоконник. Никто не обращал внимание. Прислушался, будет ещё? Тюк-хрр... Опять, забавно...

Макс рванулся, задыхаясь, словно из-под воды, сел. Игорь здесь! Покосился на соседа – спит, зажмурился. Только бы не снова... Тюк-хрр. Он даже прикинул, какого размера камень. В окне показался силуэт, Игорь махнул ему, подсказал жестом. Через минуту встретились на заднем дворе, встали чуть боком, недоверчиво.

– Что?

Игорь понял, что намеченный план убеждения – по конспектам и военным методичкам – уже провален. Макс – не объект для него, а друг.

– Кто-нибудь выжил?

Он почувствовал в темноте, как Макс дёрнулся.

– Вряд ли. Ты скорбишь?

– Я тоже терял друзей...

– Кого? Бандитов? Ты их едва знал.

– Не смей! – Игорь задохнулся. – Когда вы снова за дело?

– Какое, например?

– Макс, я не знаю, – соврал. – Я хочу тебе объяснить... Не объясниться! – вскинул предостерегающе руку. – Не оправдаться, а объяснить.

– Что ты от меня хочешь? – Макс сказал это так равнодушно, что Игорь завёлся.

– Не говори со мной как с чужим! Это не я виноват.

– Ты сказал, что будешь стрелять по своим. Сдержал слово?

– Я бы не смог, – Игорь не выдал себя ни лицом ни голосом.

Макс отошёл в сторону и сел на заборчик, тень мазнула по лицу. Игорь подошёл ближе.

– Ты же давно заблудился, а я вижу путь! Почему не можешь довериться? Всю жизнь выполнял приказы, сделай раз – прими просьбу друга.

– Мы ещё друзья?

– Я от тебя не отказывался.

– Понимаешь ведь, что я раздавлен, и можешь убеждать меня в чём хочешь.

– Нет, я хочу, чтобы ты сам задумался.

– Я не могу думать месяцами.

Игорь осторожно протянул руку, будто на первом свидании, почему-то положил на макушку – легко, еле касаясь. Макс не отпрянул, замер. Ладонь скользнула по волосам, упала на плечо, пальцы сжались.

– Вспомни, зачем всё, – у Игоря голос упал до хрипа. – Мы читались о великом прошлом и хотели его вернуть. Оно – ложь, даже если действительно было. Но есть будущее, я его увидел.

– Дальше.

– Я должен ползать в грязи, но уж так вышло – смотрю сверху. Страна в тупике, мы зарылись в болото и вязнем. Мои повстанцы – не блажь и романтика, а единственный шанс вынырнуть.

– Система работает десятилетиями, вы же сколько на слуху? Месяц?

– Система работает на себя! Они должны служить народу, а не пользоваться его!

Макс блеснул зубами.

– Да-да, мы проходили основы политологии.

– Я в основном спал, к счастью, – Игорь помедлил, вспоминая мысль. – Ты же знаешь результаты собрания, мы доказали состоятельность, президент озвучил новый курс: на объединение.

– Чушь. Не верю, что он пойдёт на это.

Игорь кивнул.

– Поэтому, если вас отправят на задание, задумайся о сути.

– Оу, да ты знаешь больше меня. Какое задание? Мне правда любопытно.

– Задумайся, задай вопросы, выйди за рамки приказа – исполнения. Я тебе верю, помни, и ничего не могу требовать. Если ничего не заподозришь, делай как умеешь.

– А что я должен заподозрить?

Игорь наклонился, чтобы видеть глаза, прищурился и произнёс шёпотом:

– Предательство.

* * *

Гловацкий при встрече в условленном месте задал лишь два вопроса:

– Он согласен? Нам не нужен план Б?

– Абсолютно, Макс не подведёт.

Министр кивнул, и разошлись без рукопожатия. Ставка – вера в друга, на кону – жизни, смерти и будущее страны. Променял бы он Макса на всё перечисленное? Ни за что.

12

Макс был готов, инструктаж слушал, сдерживая улыбку.

– Вопросы есть? – поинтересовался Лейтис.

– Так точно. Чьи интересы мы защищаем?

– Что, сержант? Повтори.

В строю переглянулись.

– По чьему приказу действуем, товарищ капитан?

– Ты – по моему. Ещё вопросы?

Молчание в ответ: никак нет. На погрузке Лейтис отвёл Макса.

– Смирнов, что за провокация?

– Извините, я не понял задачу. Мы открываем проход дружественным силам. Зачем? Откуда они взялись на чужой территории? Почему такой риск и секретность в обход правил?

Лейтис смерил его взглядом, наклонив голову.

– Ты уверен, что спрашивать нужно у меня, у капитана вооружённых сил? Что я знаю, по-твоему?

– Это похоже на диверсию, товарищ капитан.

– Ими ты и занимаешься, если забыл.

– Но не против своей страны...

– Хватит. Грузись.

Кого они защищают? Это лишний вопрос, когда нужно смотреть в прицел не отвлекаясь. Но не достаточно ли Макс убивал и умирал, чтобы знать? Он пытался упростить, перестать об этом думать, просто выполнять директиву, но никак не выходит. Он хочет и сейчас верить в свою миссию защитника родины, но от кого? От собственных граждан? К чёрту такую родину. Ещё Лейтис... Действительно, может ли он знать правду?

Макс помнит по уставу: «военный обязуется служить народу, защищать целостность и границы страны от внешних врагов, государственный строй от внутренних; также хранить государственную тайну». Общество держится на них, оно способно развиваться, лишь будучи уверенным в безопасности. Макс попытался вспомнить всё, в чём участвовал, и где он её обеспечивал. Можно списать это на особенности их подразделения, но он не видел благодарности в глазах простых людей, только страх. К чему операции, в которых страдают те, кого он клялся защищать?

Макс не боится признать ошибку, но он привык определять это логикой и фактами, а они не складываются в картину. Игорь с детства выбирал по-другому, хватал со стола первую попавшуюся сладость и никогда не жалел.

Макс же думал, что вкуснее, какой кусочек больше, чего он ещё не пробовал, и всегда потом сомневался. Потому же и с девушками в увольнительных они общались по-разному. Игорь хватал в охапку ту, на ком замирало дыхание, и забывал про друга. Макс мог за вечер угостить нескольких, перебрать в уме целый список отличий и остаться ни с чем. Он слишком много думал и боялся чувствовать. Но теперь мысли завели его в тупик и покинули, оставили наедине с горечью и недоверием. Четыре стены, ни одной двери – выбраться можно только на крыльях. Ох, Игорь, научи, ты ведь умеешь, только так и живёшь – полётом и падением.

Лейтис крикнул из кабины пилотов:

– В дырки гляньте! Красоту пролетаем, хоть раз полюбуйтесь.

Прильнули к иллюминаторам, кто не спал, прищурились: солнце резануло по глазам. Гладь озёр отражает лучи, невидимые в небе, искрится белым, а небо всё такое же привычно смутное. Зелёные перешейки и островки, заросшие просеки выделяются лишь тоном листвы. Взлетела стая птиц, перекрикивая винты. Макс понял, что не дышит, прислушался – о воздухе забыли все. Так бы и погибла доблестная разведка, но вертолёт унёс красоты прочь.

* * *

На решающий этап свистали всех: Баграт возник из ниоткуда, за Сашей Гловацкий отправил личный скоростной двухместный вертолёт с набалдашником военного радара на носу.

– Маловат отряд, – посетовал Гловацкий, – да секретность важнее.

– Я не волнуюсь: если всё гладко, если Макс сработает как надо, справимся и так.

Гловацкий прищурился.

– Он точно сработает как надо?

Игорь мысленно чертыхнулся. Откуда ему знать? Саша, завидев друга, крикнул, раскинув руки, обнялись – сжал Игоря крепко, оцарапал бородой. Он припрыгивает, заглядывает в глаза: соскучился по войне.

Баграт явился позже, подошёл бесшумно – Гловацкий вздрогнул – пожал ладони, подмигнул Игорю. Тот заметил, что наёмник всё ещё перекошен на правую ногу. Баграт увидел взгляд, подмигнул ещё раз и пожал плечами.

– Так, мужчины, – начал Гловацкий, – сразу определимся, операцией командует наш военный друг. Претензии?

Игорь поморщился, Саша усмехнулся, Баграт продолжил разглядывать обувь.

– Тогда начинаем.

Игорь развернул карту.

– Предполагаемый участок прорыва растянут на пятнадцать километров, точное место узнаем лишь от моего агента, а для того должны быть рядом.

– Всего не знаю, – заговорил Баграт, – но суть понял: нужно остановить вторжение целой армии. Не то что бы меня это смущает, но всё-таки как?

Игорь покачал головой.

– Не нужно останавливать вторжение, наша задача – его не допустить. На границе автоматическая система защиты в режиме «замок». Подземные заряды вспашут почву, ракетные установки по периметру нацелятся на место прорыва.

– Так нам не о чем беспокоиться, расходимся, – заключил Баграт.

Игорь не развеселился.

– Граница открывается лишь по совместному решению всей администрации – этого не будет, но... Проникновение изнутри переводит систему на данном участке в ручной режим, чтобы не зацепить своих по возвращении. Как вы догадываетесь, людей там нет, ручной режим – пустышка. Пока автоматика среагирует и возобновит работу, армия пройдёт.

– Значит, отслеживаем вояк и глушим на подходе, – Баграт всплеснул руками. – Помню, твой агент, так что глушим аккуратно.

Игорь потёр лицо, заговорил Гловацкий.

– К делу. Вертолёт, снаряжение – всё вам. Сделайте это, у меня вся ставка на вас, никаких планов «Б». Сделайте, и мы перевернём игру.

– Лжёт, – шепнул Баграт Игорю. – У него всегда есть варианты.

Саша занял место рядом с пилотом и восхищённо крутил головой от панорамного стекла на Игоря за штурвалом. Баграт без всякого интереса улёгся в багажном отсеке.

– Пластик один, в бою толку ноль, – посетовал Саша, постучав по борту.

Игорь сжал губы, постоянная готовность Саши стрелять, бывшая так кстати, сейчас раздражает. Мало вычислить вражеский отряд, нужно совершить чудо: нейтрализовать его без стрельбы, ведь он не весь вражеский. Ни единой мысли, как избежать стрельбы. Обернулся на Баграта – тот дремлет.

Мужик бывалый, всякое видел, разное делал, пускай подумает. Окликнул, Саша дотянулся – растормошил.

– Да слушаю я, – наёмник недоволен. – Приказывайте, товарищ главнокомандующий.

– Решишь задачку тактическую?

– А то, это любимые мои.

– Нужно агента из-под удара вывести. Как быть?

– Такой ценный? А то бы не заморачивался, спустил на везение, – Баграт подождал ответа, пожал плечами. – Ты же знаешь, начнём хитрить – и его подставим, и сами вляпаемся.

Игорь скрипнул зубами.

– Знаю, но тебя прошу подумать.

– Угу, – Баграт снова сомкнул глаза и сжался в комок.

* * *

После сброса пустых баков, провожаемых сочувственными взглядами, небо подхватило вертолёт и дунуло в спину.

– По графику идём, – отпрапоровал пилот.

Ванюшкин перегнулся через чужие колени, Макс давно ловил его взгляды, отозвался.

– Ты какого года выпуска? – тот почти крикнул в гул винтов.

– Этого.

– У меня дружище близкий младше на курс, вдруг знаешь?

– Как зовут?

Ванюшкин ткнул соседа, попросил поменяться, втиснулся плечами, наклонился к уху.

– Забудь! Что по миссии думаешь?

Макс прикусил губу, чтобы не выдать удивление, начались провокации.

– Что мне думать? Всё чётко сделаем, улетим домой.

Сосед напрягся, Макс почувствовал бицепсы.

– Не дури... Все тебя слышали, все об этом думают, идиотов нет.

– Вань, я же сгоряча... Откуда нам знать, какие игры. Сегодня пропустим, а завтра президент объявит: подписан первый в новой истории договор о дружбе, – Макс понизил голос, но вертолётный гул – надёжный экран.

Ванюшкин сосредоточился на иллюминаторе, сдулся, уже показалось, что разговор окончен.

– Знай, мы можем говорить о чём угодно, но дойдёт до дела – я выполняю приказ. Какой угодно. Не потому что идиот... потому что это правильно, нам правда не дано заглядывать дальше дула. И мои поступят так же.

«И в этом ваша разница».

– Спасибо.

Ванюшкин не понял, покачал головой, пересел обратно.

– Граница! – предупредил пилот.

Ничего не видно, никакой разницы по обе стороны: горы, зелень, чёрные дыры озёр. Война должны была стереть границы, а не закрыть их.

– Давай ближе!

– Нет! Не знаю, где тут ракеты, ещё ошибётся «свой-чужой» со старости – пальнут. Нет уж.

Покружившись, сели, место выбрали: горный уступ, ручеек по нему, вокруг зеленым-зелено. Макс опёрся обмякшим телом на камень, вздрогнул от вековой прохлады. Такого воздуха он не встречал: иглами врывается, расползается в лёгких, схватывает и больше не отпускает. Умылся в ручье. Лейтис встал поодаль. Он может посоветоваться с каждым, тут одни офицеры, но стоит один. Заметил наблюдающего Макса, сказал громко:

– «Периметр» хранит нас десятки лет, история перед нами, сегодня прикоснёмся.

Капитан разрешил легкий приём пищи и дал приказ на спуск. Макс перед нырком в заросли обернулся на вертолёт, попрощался.

Через пятнадцать минут поняли, что тропа рукотворная. Не разглядеть следов человека, но разросшаяся листва не хлещет по лицу колючками, как в пяти шагах правее, под ногами мох, а не пемза. Вынырнули в низине, перед лицом проволока.

– Да не верю! Вот это между нами и всем миром?! – воскликнул кто-то из бойцов.

– А теперь замри... – Лейтис оглядел всех. – Колонна по одному, дистанция два шага.

– Я замкну, – Макс пропустил парней вперёд.

Вереницей обтекли странное ограждение, вышли на маршрут. По цепочке передали приказ: оружие наготове. В призраков – навеки защитников родины никто не верит, в автомат верят все. Задёргались деревья, это Макс дрожит сам, он понял. Все ли помнят, что под ногами в тротиловом эквиваленте... килотонны? Десятки? Сотни? Макс уверен, что разуется – почувствует ступнями. Здесь человеческое присутствие настолько токсично, что годы его не смыли: колея от тяжёлой техники и шлифованный гусеницами гравий. Лейтис показал за придорожный вал. Остановился, пропустил отряд мимо себя, хлопая каждого по плечу.

– А теперь стоять! Ишь, разведчики,!

Пнул дерево, и только сейчас остальные заметили облезшую маскировочную текстуру. Лейтис явно привычным движением выдернул панель, приложил ладонь. Снова удивляет! Разве у каждого капитана есть доступ? Механизм открыл заросшую уже настоящим дёрном дверь мягко, как новую.

– Закрывать не буду, замуроваться не хочется, обратно открыть – целая история. Свет не обещаю. Фонари включить!

– На самом виду, – заметил Ванюшкин.

– Горная порода, бункер тяжело копать. Вот и сэкономили, проложили тоннель и дорогу сверху, чтоб не мучиться.

Десяток метров пришлось пройти шаг в шаг: система тревоги в полу не отключается. Наконец дошли. Бункер. Заметив, как затаили дыхание, капитан отметил.

– Для парней обычная работа была, хоть за стенкой и зарядов зарыто на всю братскую республику.

На вскрытие двери из неопознанного сплава с фиолетовым отливом полномочий Лейтиса тоже хватило. Тяжесть съехала вбок с лёгким шипением гидравлики. Простучало по потолку – зажглись лампы, офицеры переглянулись и убрали фонари.

– Не так уж и много времени прошло, чего бы им не работать, – заметил кто-то.

Бункер не кажется большим, Лейтис сразу привёл – без карты! – прямо к командному пункту. Макс постучал по стеклу во всю стену, за ним чернота.

– Забавно.

Капитан деловито плюхнулся в эргономичный стул, прокатился на колёсиках до станции связи, запустил – окно в бездну осветилось синим, побежали знаки. Макс скосил взгляд: запрос на связь не в центр, напротив... Ещё попытка, бегут строки кода.

– Справа кухня, пошарьте там, без дела топчетесь.

Бойцы с радостным гулом выскочили за дверь, набрали довоенных сухпайков, Макс в училище такими питался. Расселись по полу, разошлись по периметру. Макс пригляделся к одиночке в коридоре – нет, не подходит. На кухне двое – земляки, говорят о родине.

– Там правда так хорошо?

– Ещё бы! – откликнулся один, не оборачиваясь, размачивая галеты в воде.

– А мне тут нравится. Людей нет, тихо, красиво. Жил бы в бункере, охотился на зверей.

– Оставайся! Ах-ха-ха!

– Как думаете, чем всё закончится?

Челюсти замерли, двое переглянулись, посмотрели на Макса.

– Стрельбой. Все миссии кончаются стрельбой.

По другую сторону от кухни командный центр соседствует со спальным корпусом, там Макс нашёл троицу из одной части, ребята расчехлили карты. Болью отозвалось воспоминание.

– Дверь закрой. На тебя раскидать?

За азартом и беседа пошла неформальная, с вольностями. Нехотя признались, что сути операции тоже не понимают, но их ли дело спорить?

– Мы всё-таки офицеры, не рядовые.

– И часто тебе давали думать и командовать? Мы же разведка, нас только в пекло.

– Не устали, пацаны?

На Макса взглянули одинаково, с недоумением.

– А ты сам-то что здесь? О высоком с кэпом говори, к нам не лезь.

Вернулся в командный центр, там Лейтис за пультом, Ванюшкин и ещё один лейтенант в полудрёме.

На экран выскочило уведомление.

– Союзники готовы, я начинаю...

Отключить систему защиты возможно только с места, прямо из бункера.

Делается либо для возвращения своих же в этой зоне, либо при непредвиденных обстоятельствах. С пункта управления отправляется запрос – его подтверждает Совет или главнокомандующий единолично. Во втором случае дважды, с интервалом в двадцать минут, якобы отчитавшись перед руководством и получив согласие.

– Ты же бывал в Абакане?. К нему возможно подойти с юга?

– Мы поведём их в Абакан? Там знают?

– Смирнов, отвечать по уставу.

– Так точно, товарищ капитан, был. Если есть тяжёлая техника, проходы расчистим...

– Есть техника.

– Зачем это, товарищ капитан? – произнёс Макс тише. – Мы проведём целую армию в сердце страны... к повстанцам. В этом дело?

Лейтис нахмурил брови, Макс усмехнулся.

– В этом? Не сами, так чужими руками.

– Смирнов.

– А у меня всё не складывалось. ...

– Максим!

Лейтис вскочил и залепил пощёчину. Макс замер, зажмурившись, веки дрожат. Разжал вспухшие губы.

– Это саботаж, товарищ капитан. Измена.

– Взять!

Рванулся, клещи сцепились, Ванюшкин рычит в ухо, обхватил. Второй прикладом под колено, завалились втроём. Макс замер на секунду, дёрнулся из хватки – тщетно. Ствол упёрся в шею, смахнул его подбородком, разодрал кожу.

– Что здесь?!

Вбежали с кухни, лязгнули затворами. Вступятся?! С чего бы...

– Этого под арест, смотреть в оба! – Лейтис бросил зло, как плюнул, отвернулся к экрану.

– Лично сделаю! – буркнул Ванюшкин, одной рукой выдернув с пола, другой вдавив голову вниз.

13

– Сигнал! Есть сигнал!

Игорь заложил вертолёт в радостный вираж: Макс включил маячок. К месту назначения подлетели не таясь, на горной площадке пустой вертолёт.

– Садись рядом, есть место! – подсказал Баграт.

МИ-8, осмотрели – правда пусто. Маячок Игорь нашёл сразу же под лавкой, он знал Макса. Огляделись. Игорь задумчиво поболтал рукой в ручье.

– В гору чего им лезть? Вниз ушли, – рассудил Баграт.

Он же наткнулся на след: обломанную ветку прямо перед лицом – мимо не пройдёшь.

– Как специально, – хмыкнул наёмник.

Теперь, сфокусировавшись, рассмотрели другое: примятую траву, чёткие отпечатки на грунте, кто-то даже нитки на колючках оставил. Вышли к проволочному ограждению. Саша протянул палец, передумал. Под ногами зашелестел фантик, направление ясно.

– Агентура работает, – похвалил Баграт.

Вышли на заброшенную дорогу, в какую сторону – неясно. Разошлись по одному в поиске следов, вернулись ни с чем. Ещё раз осмотрелись, и Игорь прыснул.

– Это уже наглость!

Дерево на придорожном валу раскинуло ветки, и в нём торчит нож. Боевой нож с мощной рукоятью – та ещё вешка. Подкрались, мать божья!

Присели, Игорь показал автомат – остальные наготове без приказа. Провёл рукой сверху, снизу – нет растяжек.

Двигаются клином, каждый держит сектор, вместо фонарей – ПНВ. Стоп! Баграт дёрнул за плечи обоих. За шеи наклонил, Саша охнул – пол в чётких отпечатках пары ног, высвеченных зелёным. «Мины?» – подал Игорь знак, Баграт пожал плечами. Игорь первым ступил на след, услышал, как за спиной

позвякивает в руках Саши антабка. За поворотом свет и голоса. Жест, ПНВ прочь, автоматы поудобней в руках. Баграт коснулся губами Игорева уха:

– Стреляй не думая, он сам о себе позаботится.

Игорь дёрнул плечом, его учить не надо. Подкрались на корточках к коридору, впереди дверь. Игорь помедлил секунду-другую и небрежно провел по шее от плеча до уха и обратно, Саше показал открытую ладонь: «прикрывай».

* * *

Бойцы успокоились, перестали гадать, что произошло, положили автоматы на пол. Как объяснить Макс, что он прав? Как доказать, что правда не важна? А эти молчат. Лейтис был бы счастлив, если взбунтовался весь отряд, если б каждый потребовал объяснений. Они же молодые! Они должны задавать вопросы! Он помнит напутствие отца, убитого трудом шахтёра, как тот гордился, как был уверен, что единственный сын отправляется защищать его и таких как он от врага. Лейтис так и не увидел врага, а в шахтёров стрелял. Быстро заставил себя спать без сновидений. А этот парень так не может, и потому ему в армии не место. Лейтис решил лично уволить Макса в запас, не разглашая причин. Его можно спасти, остальные же продолжат марш в пустыню.

Тело швырнуло грудью о пульт и на пол, грохнул выстрел. От порога ударили двое, военные не встали, не подняли оружие.

Макс вздрогнул, хотя ждал. Ванюшкин вскочил зверем.

– С ним! – скомандовал второму и выбежал в коридор.

Саша очередью загнал двоих обратно в кухню. Увидел сбоку тень, и вспышку, прыгнул за дверь. Выглянул – искры в лицо от пуль. Их заперли. Баграт дёрнул рубильник, свет погас.

– Если у них тоже приборы? – шепнул Игорь.

Всё произошло моментально, Лейтис не понял, почему стрельба, кто зачинщик. И кажется, он один жив в этой комнате. Ясное сознание, чёткие мысли, но грудь прибита болью к полу.

– Не рыпайся, – лейтенант предупредил Макса, упёр ствол в живот – в темноте не промахнётся.

– Наших стреляют, – сказал Макс, – не до разборок* нам* сейчас.

– Сиди...

– Да что сидеть, наших убивают!

Замешательство и сомнение, Макс добавил:

– Пойду первым, спрячешься за мной, пристрелишь в спину.

Вместо дула в колени ткнулся приклад, пальцы скользнули по металлу, нашли сколы на рукояти – его! Патрон в стволе, на цыпочках в дверь.

«Я буду стрелять по своим», – Игорь блефовал тогда? Голос у него дрожал, а вот руки нет. У Макса наоборот, автомат слишком тяжёл.

– Видишь что? – шепнул боец.

«Слышу». Макс вздёрнул всю тяжесть на звук, подбородок хрустнул под прикладом. Не дал шанса: повалил обмякшее тело, не с первой попытки вырвал автомат из схваченных судорогой рук.

Лейтис просунул руку под себя, прижал к дыре в груди. Он видит три силуэта в бликах от экрана, может дотянуться до кобуры, но должен успеть другое: дотянуться до пульта, когда пропищит сигнал, когда центр даст добро. Враг в западне, им не дадут выйти. Даже не интересно, кто это. Может, успеет? Три выстрела – секунда. Но если бронежилеты? Об этом подумал издали, проваливаясь в темноту.

Выстрел! Нехороший, будто раненого добили.

Игорь сполз по двери до пола, выглянул снизу. По нему среагировали, с другого конца ответили.

– По своим бьёшь! – взвыл кто-то.

Игорь выкатился наружу, распластался, поймал скорчившийся силуэт на мушку, вдавил крючок. Спина почувствовала напряжение, прошипел:

– Свои, Макс.

Друг отозвался шёпотом.

– Возьмём живыми?

Из кухни не стреляют, там нет движения.

– В угол загнали, рискуем...

– Я могу их вытащить.

– Зачем ты жалеешь? Нельзя порвать цепь, не навредив звеньям.

Макс скользнул вперёд, Игорь дал знак своим: не стрелять.

– Пацаны! Это Смирнов!

– Стой! Что случилось? Кто стреляет? Не подходи!

– Пусти, пока не убили! Вы целы?

– Юрку зацепило...

По голосу Макс понял: можно, и зашёл, всё-таки ожидая выстрела. Боец сидит боком, на коленях у него хрипит второй. Макс ощупал в темноте обоих, нашёл второй автомат. Терять нечего, но их можно спасти, как Игорь его когда-то.

– Дай посмотрю.

Макс обошёл сослуживца и прыгнул на спину. Завалил на себя, схватил автомат, второй пнул ногой.

– Давай!

Игорь ворвался тут же, с ним ещё кто-то – троём разоружили. Пленных согнали в спальню, Саша заклинил замок намертво и остался сторожить. Игорь постучался в пункт управления.

– Баграт, мы заходим!

Макс отчего-то вздрогнул.

– Включаю свет.

Щёлкнул рубильник. Щёлкнул предохранитель. Бахнуло, и вспыхнули лампы. Баграт сложился пополам.

– Стоять! – Игорь закрыл его грудью, задрал дуло. – Свои!

Макс отшатнулся, опустил оружие, уставился на раненого. Тот недвижим.

– Твою мать! Макс!

Игорь рухнул на колени, осторожно перевернул Баграта – тот застонал.

– Где? Где?

Баграт не разгибается, рукава Игоря набухают от крови. Ворвался Саша, Макс остановил его у порога. Игорь наконец расстегнул куртку. Баграт подался к нему, обхватил за плечи, сдёрнул автомат.

Грохнуло, и Баграт обмяк. В тишине цокнула тяжёлая гильза. И стукнул о бетон пистолет.

Лейтис стрелял в упор.

Президент выстукивает карандашом о бокал, помощник нервно дёргает ногой, её не видно под столом. Ждут. Президент не выдержал, глянул на дверь, помощник поймал взгляд и вскочил.

– Разрешите проверить?

Дверь распахнулась, стукнула о стену, весь красный, по паркету каблуками влетел генерал, шикнул – помощник исчез.

– Провал!

– Повтори...

Генерал не видит президента, мечется по кабинету, кулаки сжаты до хруста.

– Сигнала нет, они не откликнулись, система перешла в боевой режим.

– Варианты?

– Нет вариантов! – генерал задохнулся, не смог продолжить.

– Сядь! Сергей Иванович, спокойно.

Генерал опёрся на спинку стула, та затрещала.

– У нас. Нет. Вариантов. Границу не пройти, план рухнул, эти щенки начнут переселение. Повстанцев уже ввели в Совет. А на следующем созыве они начнут реформы, Вы сами подумайте какие.

– Допустим. Спокойно, генерал, я не вижу причин паниковать. Друзья с войсками стоят у границы?

– Так точно. По договорённости пробудут трое суток. Сунутся – будет пекло.

– Мы не можем помешать переселению, но можем подготовиться к Совету.

– Это ваши дела, я тут бессилен.

– Ошибаешься! Политика не только заканчивается войнами, но также с них начинается. Мне нужны «Последние звёзды», готовь бригаду. Ставишь задачу лично: больше утечек я не потерплю.

Генерал медленно выпрямился, разгладил китель, надел фуражку и приложил ладонь к виску. Президент прищурился и сказал.

– Я задумался, а если повстанцы это не так плохо? Действительно иное видение, новые решения.

– Это изгои, они озлоблены и некомпетентны. Пустим их во власть – развалят страну, разрушат всё, что мы строили.

– Так же я и решил, – кивнул президент. – Не имеем права уступать, иначе всё впустую.

* * *

После реорганизации Министерство внутренних дел лишилось чётких задач: их растащили другие ведомства, подконтрольные и смежные. Обзаведшийся свободным временем и оставшийся при возможностях Гловацкий пустился в свободное творчество. Подготовил базу агентов, наладил связи с другими министрами и, что важнее, их заместителями. В друзьях полезнее голодные волки, чем сытые сонные львы.

Внеочередное собрание он созвал рекордно быстро, заручившись поддержкой ключевых фигур. Что его насторожило: президент мало того, что никак не отреагировал, он впервые за полгода вдруг съехал из апартаментов на дачу. Он понимает серьёзность и необратимость и реагирует так?

Но в этот день президент на месте раньше всех, кроме, разве что, железного генерала. Множество людей вокруг большого кабинета, но смотришь в лица – все причастные, ни одного лишнего.

Входя позже других, Гловацкий заметил в углу секретаря, зажмурившегося и шепчущего, – ему озвучивать тему созыва, снимать занавес с гильотины. А ему её опускать... Гловацкий выдохнул, оскалился в ладони, твёрдым шагом вошёл, ловя взглядом президента. Нужно сразу дать понять, впервые взглянуть в глаза как равному. Президент не заметил его... И как назло, сесть напротив не получится – президент передвинулся к окнам. Плевать! Антон Валерьевич кивнул делегации повстанцев, их доставили утром.

Прождали лишние три минуты, все собрались, нерв дрожит, все прячут взгляд. Гловацкого злость взяла, он стукнул в микрофон – выключен! У него одного, интересно? Встал и принялся медленно снимать пиджак, в него метнулись взгляды, как молнии в сухое дерево.

– Огласите начало, – обратился к секретарю твёрдым голосом, и парень, благодарно кивнув, влетел на трибуну, затараторил.

– Исходя из пункта первого статьи тридцать четвёртой внеочередное собрание общего Совета страны объявляется открытым. Инициативный спикер – министр внутренних дел.

Дальнейшие события последовательно отражены в докладе наблюдателя от Палаты.

14:05 – Начало заседания. Выступление спикера.

14:10 – Включение в дискуссию президентской линии.

14:15 – Спикер выносит на повестку последние события и настоящее положение дел в городах. Делает акцент на достижениях введенных в правительство оппозиционных сил, перечисляет упущения и промахи действующего правительства.

14:21 – Доклад спикера прерывается возражениями представителей Министерства вооруженных сил.

14:24 – Спикер возобновляет доклад.

14:27 – На голосование выносится совместный проект по импичменту президента.

14:28 – Возникает потасовка. Президент лично пресекает споры. Призывает голосовать.

14:30 – Из кабинета удаляется больше половины присутствующих. Осталось 9 (девять) человек, наделенных полномочиями.

14:35 – Известен результат голосования: 6 (шесть) – за импичмент; 3 (три) – против. Воздерживаться по правилам невозможно.

14:36 – Ввиду достаточного количественного перевеса решение принято.

14:38 – Президент подписывает документы об отставке.

14:40 – Страна официально перешла к демократической форме правления. Обязанности руководства на себя временно взяла группа министров.

14:45 – Президент удаляется.

14:53 – Поднимается первый вопрос нового состава правительства: Саяно-Шушенская АЭС.

15:00 – Докладывают о чрезвычайном происшествии. Секретарь сообщает о начале военной операции.

* * *

Пилотов подняли с вечера. На засекреченную базу прибыл глава Министерства обороны, лично генерал. Задачу ставил наедине, ни одного старшего по званию в кабинет не допустил. Закончил на высокой ноте:

– Операция начинается сейчас же. Вам не нужно подтверждение для огня, по рации можете услышать лишь отмену, но это вряд ли. Если эфире тишина – бейте. Ясных облаков, воины.

Звено «Последние звёзды» взмыло в воздух в шесть утра. Ведущий, командир группы – капитан в жёлтом шлеме. Он не спал полночи, вспоминал отца, а в полусне спорил с ним. Тот вылетел на перехват ракет в первый день войны. Его сын начнёт новую.

* * *

Вслед за секретарём в кабинет вернулся человек, который в сознании присутствующих всё ещё был его хозяином, шестеро новоизбранных подавили желание встать, нарочито проигнорировали бывшего президента. Крутов хмыкнул.

– Антон Валерьевич, Вы в моём кресле... Вам идёт. В нижнем ящике папка, в ней бумага – ознакомьтесь, пожалуйста.

Гловацкий, не отрывая взгляда от брошюры Конституции в руке президента, как во сне, потянулся к столу. Тяжесть прибила к мягкому сиденью, руки стали ватными, предчувствие беды ледяной дланью прихватило за шею. Нашёл документ, косая красная печать секретности резанула по глазам. И под ней мелким шрифтом не виданные десятилетиями слова: *военное вторжение*. За спиной включился экран, сидящие напротив охнули и раскрыли рты. Звука нет. Президент смотрит на него, не на экран. Гловацкий отвернулся, вгляделся в картинку – всё понял сразу.

Трансляция из кабины пилота истребителя. Подсвеченная радаром кромка границы и наведённые на ту сторону ракеты. Крышка с ручки пуска снята.

Секретарь принялся мучительно зачитывать по брошюре:

– В соответствии с пунктом о порядке назначения старших военных чинов: в случае объявления военного положения...

Картинка на экране подёрнулась рябью, самолёт заложил вираж, Крутов не в силах оторваться от гипноза экрана под озвучку истекающего потом парня.

– Главнокомандующий получает неограниченные полномочия и принимает командование над всеми структурами, каждым министерством и руководителем.

– И где он? – перебил один из министров, чтобы оторваться от пугающего экрана.

– В отставке, – ответил президент. – Антон Валерьевич, соседний ящик, пожалуйста. А секретарь зачитает второй пункт.

– В соответствии... – голос сорвался, секретарь смахнул капли пота с глаз, пропустил официальную часть не в силах тянуть. – Главнокомандующий в

праве передать полномочия любому из аппарата правительства на неограниченный срок.

В зале выдохнули: лётчик пустил ракеты, картинка утонула в дыму. Гловацкий нащупал вторую папку, её можно не доставать. Война началась сегодня, а выиграна была вчера. Всё, на что он оказался способен, сместить президента на двадцать минут. Кто-то встал, Гловацкий распознал голос Крутова.

– Этой войной хочешь заглушить гражданскую? Думаешь, это забудут?! Тебе не отмыться от крови...

– Я уже в должности, смею напомнить, – в голос президента вернулась обычная уверенность, приправленная армейской сталью. – Соблюдайте субординацию.

* * *

Лейтис попросил вытащить его на улицу, теперь жадно глотает воздух и не может: его скручивает спазм.

– Мог и я в него попасть... – шепнул Игорь Макс.

Саша предпочитал не лезть: случилось что-то странное, он не понимал. Поднялся ветер, зашипело и тут же свистнуло, задрали головы: небо вспороли боевые самолёты.

– Будет гроза, – прохрипел Лейтис.

О

н

у

ж

е

н

е

в

и

д

е

л

н

и

ч

е